

Том 7, № 2
2010

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Поддьяков

В.А. Пономаренко

В.М. Розин

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.)

Отв. секретарь *Е.М. Лантева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский

С.С. Беловой

Компьютерная верстка

Е.А. Валугевоi

Адрес издателя и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Королева, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только

по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2010 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.М. Розин. Проблема эпистемологического статуса психологических построений (психологический закон, теория, идеальный объект, схема) 3

Теоретико-эмпирические исследования

В.Ф. Петренко, Е.А. Коротченко, А.П. Супрун. Натюрморт как визуальный афоризм 26

Специальная тема выпуска:

От редколлегии 45

О.В. Лукьянов. Фактор времени в системе психологических интерпретаций 46

В.В. Нуркова. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии 64

А.В. Россохин. Психология рефлексии измененных состояний сознания (на материале психоанализа) 83

Короткие сообщения

Е.А. Валугева, Д.В. Ушаков. Эмпирическая верификация модели соотношения предметных и эмоциональных способностей 103

О.А. Идобаева. Особенности самоактуализации при эмоциональном неблагополучии и хроническом утомлении в зрелом возрасте 115

Д.С. Корниенко. Проблема метаиндивидуальности в детско-родительских отношениях 124

Е.В. Улыбина, И.С. Пелевина. Моральная оценка больных: профессиональные и непрофессиональные представления о болезнях 137

Резюме выпуска на европейских языках 146

Vol. 7, № 2
2010

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanschikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiakov

V.A. Ponomarenko

V.M. Rozin

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

S.R. Yagolkovsky (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *E.M. Lapteva*

Copy editing

O.V. Shaposhnikova, N.S. Sambu

Translation into English

S.S. Belova

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:
ul. Koroleva, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© SU HSE, 2010

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. The Problem of Epistemological Status of Psychological Theoretical Schemes (Psychological Law, Theory, Ideal Object, Scheme)3

Theoretical and Empirical Research

V.F. Petrenko, E.A. Korotchenko, A.P. Suprun. Still Life As a Visual Aphorism26

Special Theme of the Issue. New DrScs

Editorial45

O.V. Lukyanov. Time Factor in the System of Psychological Interpretations46

V.V. Nurkova. Autobiographic Memory in a View of Cultural-Historical and Activity Theory Methodology64

A.V. Rossokhin. Psychology of Reflection of Altered States of Consciousness (on the Psychoanalytic Data)83

Work in Progress

E.A. Valueva, D.V. Ushakov. Empirical Verification of the Model of Relation of Cognitive and Emotional Abilities103

O.A. Idobaeva. Characteristics of Self-actualization in the State of Emotional Stress and Chronic Fatigue in Adulthood115

D.S. Kornienko. The Problem of Meta-Individuality in Child-Parents Relationships124

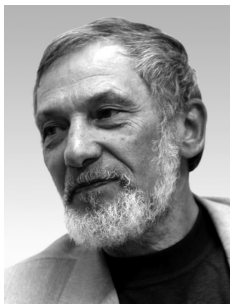
E.V. Ulybina, I.S. Pelevina. Moral Assessment of Ill People: Professional and Non-professional Conception of Diseases ...137

Summary of the Issue146

Философско-методологические проблемы

ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН, ТЕОРИЯ, ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, СХЕМА)

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).
Контакты: rozinvm@mail.ru

Резюме

Обсуждение природы психологического закона и соотношения психологической науки и практики позволяет поставить вопрос о роли в психологии схем и идеальных объектов. Характеризуются понятия «схема» и «идеальный объект». Анализируются два кейса. В результате делается вывод, что и в психологической науке и в психологической практике создаются в связи друг с другом схемы и идеальные объекты, но логика и направленность мышления в случае науки и практики разная. Рассматриваются три критерия (внешний, внутренний и эволюционный) истинности психологических теорий, а также в чем различие академических и практических психологических теорий.

Ключевые слова: *идеальный объект, схема, знание, понятие, модель, практика, подход, теория, эксперимент, опыт*

Что описывают психологические теории, какую реальность, как убедиться, что психологические построения правильны, и что значит «правильны», в каком отношении — в смысле истинности или эффективности, или в одном случае (скажем, в науке) истинности, а в другом (в психологической практике) в смысле эффективности, да и как понимать сами эти категории «истинность» и «эффективность»? Если при формировании психологии, когда идеалом науки выступало естествознание, эти вопросы решались однозначно (психологическая теория должна выявлять сущность психологических явлений и психологические законы¹), то в наше время все здесь проблематично. Что значит сущность по отношению к психике человека, ведь каждое направление и школа в психоло-

гии выявляют и трактуют ее по-разному? Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются? К. Левин пытался разрешить эти противоречия, вводя представление о «типах» и «целостностях».

«Сущность закона должна соотноситься не с понятием множества (случаев), а с понятием *типа*. Для научного описания, в принципе, достаточно одного случая, если он является индивидуальным представителем типа... Распознавание “действительных” целостностей, по Левину, — это и есть предпосылка “для установления законов психических процессов”. Закон отражает тем самым каузально-генетический тип процесса. Ре-

¹ «Во многих научных концепциях (хотя и далеко не во всех), — пишет А.Н. Савостьянов, — понятие “сущность” тесно связано с понятием “закон”. Под законом понимается существующее с необходимостью, существенное, устойчивое и повторяющееся отношение между явлениями. Закон выражает взаимосвязь между предметами, составными частями какого-либо конкретного предмета, между свойствами вещей или между свойствами внутри вещи. Закон — это правило постоянного возникновения причинно-следственной связи между определенными событиями. Также можно отметить, что представление о стабильности и неизменности закона (или сущности) не исключает эволюционных идей, поскольку возможно допущение неизменных “законов эволюции”, которые остаются стабильными, в то время как мир, подчиняющийся этим законам, изменяется. Очевидно, что любая наука стремится выявить именно закономерные свойства наблюдаемых явлений. При этом несущественно, идет ли речь о жестко детерминированных или о вероятностных событиях. В последнем случае меняется представление о значимом событии, т. е. о таком событии, которое принимают за научный факт. Если в рамках жесткого детерминизма в качестве значимого события рассматривают единичные наблюдаемые случаи, то при вероятностном подходе под значимым событием понимается ряд наблюдений, на выборке которых обнаруживаются вероятностные закономерности. Стремлению ученых к выявлению закономерностей не препятствуют даже последние тенденции в науке, связанные с появлением теории хаотических процессов, поскольку в этом случае хаос рассматривается как детерминированный, т. е. подчиняющийся законам» (Савостьянов, 2003).

Для А.Н. Савостьянова, как мы видим, и сейчас все понятно. Закон, с его точки зрения, вполне работает в современной психологии.

шающим для каузально-генетических взаимосвязей является «величина и длительность существования системы сил, определяющих обсуждаемый процесс...» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 196–197).

Б.Ф. Ломов ту же проблему пытался решить иначе, ограничивая действие психологического закона локальными уровнями («измерениями», срезами).

«Представление о причинности, — пишут Т. Корнилова и С. Смирнов, — связываемое с теми или иными психологическими законами, обеспечивало общность закона для определенных областей психологической реальности, подпадающих под соответствующее объяснительное действие закона... В отечественной психологии постепенно утвердилось методологическое представление об *уровневой представленности психологических законов* и парциальном характере их действия (применительно к отдельной области психических явлений)... Законы раскрывают разные аспекты психического и выявляют существенные, устойчивые, необходимые связи в какой-то одной, определенной и ограниченной плоскости. То есть зависимость от причинно-действующих условий понимается здесь совсем в ином ключе — узости объясняемого круга явлений, установления границ сферы действия закона, а не отнесенности явления к типу» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 198–199).

Вероятно, правильно, что происходит отступление от «обобщения на основе закона» к «установлению границ сферы действия закона». Но не придется ли в этом случае отступать и дальше, поскольку психологические эксперименты показы-

вают необходимость учета все новых и новых неучтенных факторов, и граница психологического закона еще больше сужается. Может быть, стоит признать, что категория «закон» в психологии вообще не действует? К тому же или законы, или культурно-историческая концепция, которую сторонники Л.С. Выготского так поднимают на щит. Т. Корнилова и С. Смирнов пишут, что высшим уровнем интеграции мотивов деятельности «выступает самосознание личности», а «границей для общепсихологической теории деятельности весьма вероятно станет проблема межличностных отношений и тесно связанная с ней проблема творчества» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 180, 186). В каком тогда смысле сохраняется категория психологического закона? Кстати, если мы выносим за рамки закона межличностные отношения и творчество, то что остается от психики, каким законам она в этом случае подчиняется?

Но что тогда, если не психические законы, и так ли они неопределенны? Вот, например, К. Ясперс в параграфе «Фундаментальные законы психологического понимания» устанавливает вполне на вид стабильные законы, которые он называет «принципами».

«Все, что доступно пониманию, имеет определенные свойства, к которым в соответствии с методологическими установками понимания следует применить определенные фундаментальные принципы: любое эмпирическое понимание — это истолкование, любое понимание осуществляется в рамках так называемого герменевтического круга, противоположности

каждой отдельной пары равно доступны пониманию, понимание не может быть окончательным, все психические явления открыты для бесконечных истолкований и переистолкований, понимание — это либо озарение, либо “разоблачение” того, что скрыто от поверхностного взгляда» (Ясперс, 1997).

Возьмем для примера второй принцип — «Любое понимание осуществляется в рамках так называемого герменевтического круга». Вот как его поясняет К. Ясперс:

«То, что доступно пониманию в определенный момент времени, составляет часть некоторой связанной целостности. Эта целостность, тождественная характерологическому облику личности, определяет смысл и сообщает колорит каждой из своих частей» (там же).

Тут что ни положение, то проблема: что значит «доступно пониманию», что такое «связная целостность», что К. Ясперс понимает под «личностью», а также «характерологическим обликом личности»? Если это закон, то как от него отделить личную концепцию и понимание самого К. Ясперса? Вряд ли это возможно². Но, может быть, тогда идея герменевтического круга — просто *эффективная схема*, утвердившаяся в герменевтической практике? Эта схема, подобно схеме Московского метрополитена, хорошо работает, и слава богу, ведь не называем же мы схему метрополитена «законом

движения в метро». Нельзя ли предположить, что и создаваемые психологами построения — это прежде всего удобные схемы.

Кстати, вот что пишут З. Хьелл и Д. Зиглер, обсуждая эпистемологический статус психологических теорий личности:

«Теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (очевидно, психоанализа З.Фрейда. — В.Р.) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 26).

Данные авторы считают, что в результате построения психологической теории создаются именно схемы. Однако из философии науки мы знаем, что теория имеет дело не со схемами, а с *идеальными объектами*.

И все же данная связь идеальных объектов и схем в психологии, вероятно, не случайна. Тонкий психолог и методолог Ф.Е. Василюк тоже «через и» пишет о схемах и идеальных объектах: онтология, по его мнению, задается схемой и содержит идеальные объекты.

«Онтологией мы называем общую картину изучаемой области действительности,

² Возможный аргумент, что Карл Ясперс не настоящий психолог, я не могу принять. В отношении собственно психологических законов можно повторить все то же самое: как понимать условия их мыслимости, и могут эти законы существовать отдельно от их творцов, точнее — методологии, которые они реализовали, создавая эти законы.

которая имеется у данного исследователя. Для И.П. Павлова такой картиной является схема «организм—среда». Ведущее и определяющее отношение между элементами этой схемы — отношения уравнивания...

Основными идеальными объектами павловской онтологии являются безусловный и условный рефлексы. Собственно, речь здесь идет об одном идеальном объекте — рефлексе, поскольку открытие двух видов рефлексов — условных и безусловных — на самом понятии рефлекса не сказалось» (Василюк, 2003).

Затем Ф. Василюк вводит понятие «центральная категория».

«Итак, какое бы понятие мы ни попытались положить в основу психотехнической системы, сделав ее центральным предметом рефлекс или гештальт, самосознание или диалог, характер или переживание, можно рассчитывать на научную и практическую полноценность такой системы только в том случае, если это понятие сможет исполнить роль центральной категории. Центральная же категория психотехнической системы должна удовлетворять следующим критериям... служить идейной основой эффективных практических методов, то есть, с одной стороны, быть их *конструктивным принципом, позволяющим создавать такие методы и методики*, а с другой — их *объяснительным принципом*, позволяющим *научно объяснить* механизм действия как собственных, так и заимствованных методов.

И, наконец, самое главное: центральная категория должна быть такой, чтобы на ее основе можно было сформировать особый психотехнический метод, который наряду с *практической эффективностью является оптимальным эмпири-*

ческим исследовательским методом для предмета, выражаемого этой центральной категорией. Не простая сумма, а *органический синтез практической эффективности и познавательной продуктивности* — вот норма психотехнического метода» (курсив мой. — В.Р.) (там же).

Обратим внимание: «*органический синтез практической эффективности и познавательной продуктивности*». Что это значит в эпистемологическом плане? Для познавательного отношения (плана) речь, вероятно, должна идти об идеальных объектах, а для практического — о схемах. Другими словами, утверждая психотехнический подход, Ф. Василюк работает одновременно с идеальными объектами и схемами. В данном случае становится понятной их связь: в сфере психологического познания создаются идеальные объекты, а в психологической практике они начинают жить как схемы.

Но Ф. Василюка можно истолковать и иначе, а именно: и ученый, и практик в психологии сразу имеют дело как с идеальными объектами, так и со схемами. Иначе как понять такой его тезис:

«Расщепление, грозящее расколоть психологию на две дисциплины, может быть преодолено развитием психотехнического подхода, вводящего психологическую практику внутрь психологической науки, а науку — внутрь практики» (Василюк, 2003).

Чтобы во всем этом разобраться, я дальше рассмотрю, что такое практика и наука, схемы и идеальные объекты, а также два кейса — реконструкцию прототипа науки в «Пире»

Платона и фрагмент ранней работы З. Фрейда «История болезни фрейлейн Элизабет фон Р.».

Я давно уже утверждал, что единицей методологического анализа должны стать не отдельно «психологическая наука» и «психологическая практика», а тандем «наука-практика» (Розин, 1997, 2005). В практике (не вообще, а для нашей темы) можно различить четыре момента: *действие, понимание, объект*, заданный этим пониманием, и *схемы*, на основе которых понимание и действие строятся. Вот один характерный пример: архаическая практика, сложившаяся как реакция на затмение солнца или луны.

«На языке тупи, — пишет Э.Тейлор, — солнечное затмение выражается словами «ягуар съел солнце». Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикари верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще и другие. Караибы, например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей... Гуроны считали луну больной и совершали свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления» (Тейлор, 1939, с. 228).

Обратим внимание на то, что архаические люди в данном случае действуют так, как будто они реально видят ягуара. Но ведь его нет. Что значит «нет». «Нет» в физическом

смысле, с точки зрения естественно-научной реальности, о которой дикари ничего не знают. Но «ягуар» задан языком, точнее «семиотической схемой», и в этом смысле он существует в сознании архаического человека как *психическая и семиотическая реальность*.

Поскольку человек еще не осознает природу схем и не строит их сознательно, лучше подобные семиотические образования назвать «квазисхемами» или «образно-смысловыми синкретами». Квазисхемы в архаической культуре (и в значительной степени и в последующих) задают сразу три грани явления: языковое выражение (нужно было изобрести сам нарратив, например «ягуар съел солнце» или «луна умирает»), понимание того, что происходит (диск солнца уменьшается, потому что его съедает ягуар), наконец, уяснение того, что надо делать (отгонять ягуара; а там, глядишь, скоро затмение прекращается — ягуар отпускает солнце; т. е. архаический человек убеждался в эффективности своего понимания). Этот синкретизм трех основных образований — языка, коммуникации и деятельности, очевидно, выступает условием разрешения проблем, с которой периодически сталкивались архаические племена (например, когда начиналось затмение, они испытывали ужас и не знали, что делать).

Первые схемы появляются только в античной культуре. В «Пире» Платон уже вполне сознательно строит схемы и на их основе дает различные определения любви. В своих работах я показываю, что схемы нужно отличать от знаков (Розин, 2001). Говоря о знаках, мы употребляем два

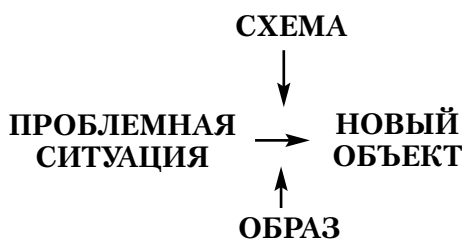
ключевых слова: «обозначение» и «замещение», например, некоторое число как знак обозначает то-то (скажем, совокупность предметов), замещает такой-то предмет (эту совокупность) в плане количества. У схемы другие ключевые слова: «описание», «средство» (средство организации деятельности и понимания), «образ предмета». Например, мы говорим, что схема метро описывает пересадки и маршруты движения, помогает понять, как человеку эффективно действовать в метрополитене; именно схема метрополитена задает для нас образ метро как целого.

Схема представляет собой двухслойное предметное образование, где один слой (например графический образ метро) замещает другой (метрополитен как структура движения пассажиров — входы и выходы, линии движения, пересадки). Схемы выполняют несколько функций: помогают понять происходящее, организуют и переорганизуют деятельность человека, собирают смыслы, до этого никак не связанные между собой, способствуют выявлению новой реальности. Появляются (изобретаются) схемы в ситуациях, где стоят проблемы; именно с помощью схем эти проблемы удается разрешить,

при этом складывается новый объект (реальность). Необходимым условием формирования схем является означение, т. е. замещение в языке одних представлений другими. В этом смысле схема вроде бы является одним из видов знаков, однако главное в схемах — это не возможность действовать вместо обозначаемого объекта, а разрешать проблемы, задавать новое видение и организовывать деятельность. Если мы делаем акцент на новом видении, то знаковая функция схемы выступает только как условие схематизации. Тогда схемы не могут быть поставлены в один ряд со знаками. В этом случае схемы — самостоятельная реальность, скорее эпистемологическое образование, о чем в свое время писал И. Кант. Если же акцент делается на замещении, то схема — это действительно сложный знак со всеми вытекающими из этого последствиями.

В случае с «практикой затмения» *проблемная ситуация* представляла собой страх, вызванный непонятным событием, *новый объект* — хищный дух (тигр, ягуар), поедающий светила, *действие* — шаривари и стрельба, призванные отогнать небесного хищника, схема — нарратив, приведенный Э. Тейлором (рисунок 1).

Рисунок 1

А. Метасхема функции схемы в «становлении»

Б. Метасхема «функционирования» схемы

Необходимое условие изобретения данной схемы — замещение (выражение), а именно образ хищного духа, поедающего светила, выражает то, что люди видят на небе (уменьшающийся диск).

Теперь что такое научное познание? Научное познание есть постижение действительности путем конструирования идеальных объектов. Идеальные объекты представляют собой интеллектуальные конструкции, выступающие в функции схем по отношению к «реальным» объектам; в научной же онтологии — это самостоятельные объекты. Идеальными объектами науки названы потому, что ученый *приписывает им определенные свойства*, которые хотя и соотносятся с некоторыми свойствами реальных объектов, но в общем случае задаются самим исследователем, решающим специфические научные задачи. Например, идеальные объекты геометрии — фигуры — могут быть рассмотрены как схемы предметов, имеющих правильную геометрическую форму. Геометрическим фигурам приписываются два типа свойств: одни, например, определенная форма, соответствуют реальным предметам, а другие, скажем, отсутствие толщины у линий и плоскостей или наличие точного равенства элементов, не имеют коррелята в реальных предметах (например, у линейки прямоугольной формы линии и плоскость имеют толщину, а стороны и углы при точном изме-

рении оказываются неравными). В то же время понятно, что только при отсутствии толщины линий и плоскостей и наличии точных равенств можно доказать геометрическую теорему, используя прием наложения одних линий и фигур на другие. Другими словами, идеальным объектам приписываются такие свойства, которые *позволяют осуществлять познание и вести научное объяснение действительности*.

Читая Архимеда, а он, как известно, был одним из первых ученых, можно подумать, что свойства идеальных объектов извлекаются из реальных объектов. В работе «О шаре и цилиндре» Архимед пишет следующее:

«Конечно, эти свойства были и раньше по самой природе присущи упомянутым фигурам, но они все же оставались неизвестными тем, кто до нас занимался геометрией, и никому из них не пришло на ум, что все эти фигуры являются соизмеримыми друг с другом» (Архимед, 1962, с. 95).

При этом Архимед вполне мог сослаться на авторитет Аристотеля, который утверждает в «Аналитиках», что «начала» наук получают методом индукции при сравнении вещей, принадлежащих одному роду (такое сравнение, по Аристотелю, позволяет получить общее, т.е. то, что сегодня мы относим к свойствам идеального объекта)³.

³ В антропологическом плане эта процедура обеспечивается способностью ощущения, конечным продуктом которой является именно извлечение общего (Аристотель, 1937, с. 73). Восприятию (ощущению) Аристотель приписывает здесь такие свойства, которые позволяют понять связь начал с вещами и работой чувств.

Однако И. Кант говорит, что свойства идеальных объектов ученый получает не из реальных объектов, что революция произошла тогда, когда ученый

«...понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам а priori, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию...» (Кант, 1964, с. 84–85).

Дальше, правда, выясняется, что процедура приписывания «а priori, сообразно понятиям» свойств идеальному объекту регулируется правилами и категориями рассудка и разума (мышления). Посмотрим, что собой представляет последнее, обратившись к истории становления античной мысли, где впервые складываются и мышление, и наука.

Реконструкция происхождения античной философии показывает, что становлению науки предшествовали два процесса: *изобретение рассуждений*, т. е. нового способа построения знаний (в рассуждении на основе одних знаний путем умозаключений получались другие, как уже известные, так и новые, как правильные, так и противоречивые) и формирование *процесса познания* сначала отдельных предметов (любви, души, музыки, движения тел и т. д.), затем более общих вещей

(неба, космоса, божества). И рассуждения, и познание появляются одновременно и частично в связи со становлением античной личности, т. е. человека, *переходящего к самостоятельному поведению, пытающегося самостоятельно выстраивать свою жизнь*. В одной из первых работ Платона его любимый герой Сократ утверждает, что он не простой человек, что сам ставит себя на определенное место в жизни и стоит там насмерть. На излете античности Сократу вторит Апулей. В «Апологии, или Речи в защиту самого себя от обвинения в магии» он так формулирует кредо своей жизни: «Не на то надо смотреть, где человек родился, а *каковы его нравы*, не в какой земле, а *по каким принципам решил он прожить свою жизнь*» (Апулей, 1960, с. 28). Именно рассуждение позволяло приводить в движение представления другой личности, направляя их в сторону рассуждающего (это было необходимо, поскольку каждая личность видит все по-своему и, как правило, не так, как общество в целом). Например, Сократ сначала склоняет своих слушателей принять нужные ему знания, а именно, что смерть есть или сладкий сон, или общение с блаженными лицами, а затем, рассуждая, приводит слушателей к представлениям о смерти как блага.

Установка же на познание складывается потому, что античная личность хочет понять, что существует на самом деле (что есть сущее), поскольку знание сущего она рассматривает как условие своего спасения. Последнее понимание просматривается в следующих рассуждениях Платона:

«Когда душа ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собой и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем размышлением» (Платон, 1993, с. 79).

Иначе говоря, задачу спасения (понимаемую не религиозно, а эзотерически) главные участники нового дискурса (Сократ, Парменид, Платон, Аристотель) связали с *познанием*, понимаемым как *получение знаний о сущем путем рассуждений* (размышлений, доказательств). Однако оказалось, что рассуждать можно было по-разному, в частности парадоксально. Если софисты пытались закрепить и оправдать практику получения парадоксов и свободной, ничем не ограниченной мысли, утверждая, что только человек — «мера знания о вещах» (Протогор), то ряд античных мыслителей, начиная с Парменида, выступили против этой практики и попытались преодолеть возникшие проблемы. В частности, Парменид впервые связывает знание не с человеком, а с сущим.

Люди о двух головах. Беспомощно ум их блуждает.

Бродят они наугад, глухие и вместе слепые...

Без сущего мысль не найти — она изрекается в сущем,

Иного не будет и нет: ему же положено роком —

Быть неподвижным и целым.

Все прочее — только названья:

Смертные их сочинили, истиной их почитая.

(Ахманов, 1960)

В этом тексте два интересных момента: один — понимание того, что мысль человека может быть неправильной, противоречивой («Люди о двух головах. Беспомощно ум их блуждает») и правильной, когда она ориентируется на «сущее»; второй — создание особой интеллектуальной конструкции «сущее как неподвижное и целое». Пожалуй, впервые в истории мысли человек сознательно строит идеальный объект, ведь наблюдать в природе ничего похожего он не может. Это именно интеллектуальное построение (сущему приписываются свойства неподвижности и целостности), призванное, с одной стороны, объяснить, почему в рассуждении создаются неправильные знания (или вследствие слабости ума, или неконтролируемого воображения), с другой — охарактеризовать подлинную реальность, которую только и имеет смысл описывать, рассуждая о бытии.

Уже Сократ показал, что ошибки в рассуждениях возникают потому, что рассуждающий по ходу мысли или меняет исходное представление, или же переходит от одного предмета мысли к другому, нарушая, так сказать, предметные связи. Вот, пример элементарного софистического рассуждения: «У человека есть козел, у которого есть рога, следовательно, у человека есть рога». Здесь в первой посылке связка «есть» — это одно отношение (имущественной принадлежности, т. е. козел принадлежит

человеку), а во второй — другое отношение (рога козла — это не его имущество, а часть его тела). Чтобы при подобных подменах и отождествлениях не возникали парадоксы, Сократ стал требовать, во-первых, определения исходных представлений (в данном случае нужно определить, что такое человек, козел и рога), во-вторых, сохранения (неизменности) в рассуждении заданных в определении характеристик предмета⁴.

Как эти требования могли выглядеть для античного человека, вглядывающегося в реальность, пытающегося схватить сущность явлений? Вероятно, как выявление в действительности твердых, неизменных оснований вещей. Но это как раз и есть платоновская идея, т. е. Платон сузил сущее Парменида до идеального объекта, заданного в определении. С одной стороны, идея — это неизменная сущность, предмет мысли, сохраняющийся неизменным в ходе рассуждения, с другой — это то, что задано определением.

Идеи вводились Платоном, чтобы нормировать рассуждения. В «Пармениде» Платон пишет, что:

«...не допуская постоянно тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, человек не найдет, куда направить

мысль, и тем самым уничтожит саму возможность рассуждений» (Платон, 1993, с. 357).

Хотя мысль Платона вращается вокруг вещей и идей, мы должны сказать, что он пытается построить нормы рассуждений. Но решение его онтологическое, ему кажется, что человек будет правильно рассуждать, именно это он и называет размышлением, если будет знать, как устроена подлинная реальность (мир идей), и затем в рассуждении будет исходить из этого знания.

В представлении об идеальном объекте, как это видится сегодня в ретроспекции, сходятся две разные линии: трактовка сущности как *условия познания* (это мир спасения, свободный от противоречий, противопоставленный миру эмпирическому) и то, что *задано определением*, т. е. *конкретные свойства*, которые приписываются предмету рассуждения. С этой точки зрения, построить идеальный объект — это значит, с одной стороны, **найти конкретные свойства предмета**, позволяющие рассуждать без противоречий и решать определенные познавательные проблемы, с другой — **прописать создаваемое построение в пространстве сущего**.

⁴ Если сравнить предмет, заданный в определении, с эмпирическим предметом (например, козу как собственность и козу как таковую), то легко заметить, что первый предмет — это идеальное построение. У эмпирической козы почти бесконечное число свойств (коза — это животное, существо с четырьмя ногами, дающее молоко, приплод, шерсть и т. д. и т. п.), а у козы как собственности свойств несколько. Кроме того, в природе, вообще-то говоря, такой козы не существует, хотя она начинает существовать в рассуждении и мысли человека. Иначе говоря, создавая определение, человек именно приписывает козе определенные контролируемые в рассуждении свойства, то есть конструирует идеальный объект. Трудно переоценить заслугу Пифагора, Сократа и Платона, запустивших указанный процесс идеализации.

Рассматривая в диалоге «Парменид» отношения между *единым и многим*, Платон одновременно решает важную задачу нормирования рассуждений, разворачивающихся по поводу какого-нибудь предмета. До изобретения рассуждений знания, относящиеся к определенному предмету, например любви, объединялись на схемах, задающих этот предмет, чаще же просто относились к этому предмету. Например, в античной мифологии любовь истолковывалась как действие богов любви — Афродиты и Эроса, а также как страсть (умопомрачение). С формированием рассуждений возникла сложная проблема: знания о предмете получались в разных рассуждениях и часто выглядели совершенно различными. Спрашивается, как же их объединить, чтобы не получались противоречия? Вот здесь и потребовалась особая норма. С точки зрения Платона, предмет задается как единое, а отдельные его характеристики — это многое, причем «единое есть многое». В данном случае задача нормирования рассуждения и нормирования деятельности познания, ведь единое — это и есть своеобразная норма познаваемого предмета (например любви), еще не разошлись. У Аристотеля такая дифференциация уже налицо: в первой «Аналитике» он дает нормы для рассуждений, во второй — для познания.

Одной из первых удачных попыток формирования научного предмета можно считать «Пир» Платона. В этой работе Платон конструирует любовь как идеальный объект, приписывая любви за счет определений такие свойства, как «поиск своей половины», «стремление к целостнос-

ти», «разумное поведение», «вынашивание духовных плодов» (стремление к прекрасному, благу, бессмертию). При этом Платон решает три задачи: создает новое понимание любви для становящейся античной личности, строит о любви непротиворечивое знание, реализует в отношении любви ряд собственных идеалов (Розин, 2005, с. 176–181).

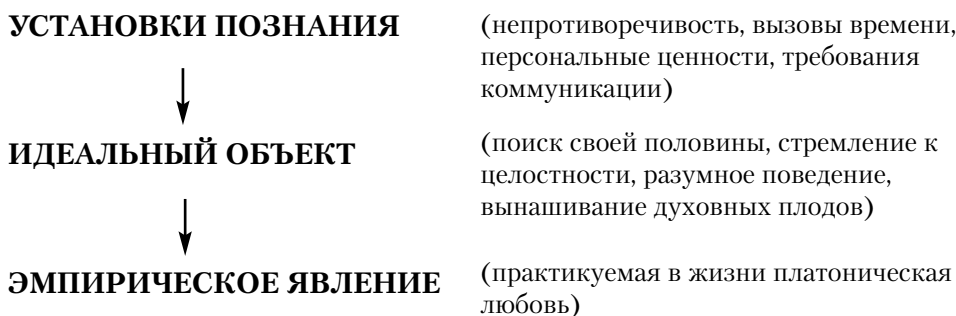
Осознает он только вторую задачу, назовем ее условно «логической». Поясняя в диалоге «Федр» примененный им метод познания любви, включающий два вида мыслительных способностей, Платон пишет, что одна —

«это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения». Рассуждая об Эроде, Платон именно так и поступил: «сперва определил, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стал рассуждать; поэтому-то рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе» (Платон, 1993, с. 176).

Если «логический» аспект своих построений, как мы видим, Платон четко осознает, то два других, назовем их условно «вызовами времени» (в данном случае это необходимость создать представления о любви для становящейся античной личности) и «персональными ценностями» (убеждение Платона, что для любви необязательна чувственная сторона дела, семья, брак и даже женщина), им не обсуждаются *как норма философской работы*, хотя обсуждаются по содержанию (иначе откуда бы я их взял?). Естественно, не осознает Платон и того, что большую роль в

Рисунок 2

Схема становления идеального объекта

его построениях сыграло разъяснение новых представлений о любви для непонимающих слушателей, т. е. процесс коммуникации.

Но вот что интересно: характеристики идеального объекта Платон сначала получает на схемах, лишь затем на их основе он строит определения любви. Действительно в «Пире» Платона мы находим несколько схем. Из них мы рассмотрим две центральные — схему «андрогина» и «вынашивания духовных плодов». Один из участников диалога Аристофан рассказывает историю, в соответствии с которой каждый мужчина и каждая женщина ищут свою половину, поскольку они произошли от единого андрогинного существа, рассеченного Зевсом в доисторические времена на две половины.

«Итак, — говорит Аристофан, — каждый из нас — это половинка человека, рассеченного на две камболоподобные части и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа,

которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины (*андрогина женского пола*. — В.Р.), к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому» (Платон, 1993, с. 100).

Другая участница, Диатима, описывает путь людей, которые, разрешаются в любви духовным бременем.

«Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, обращаются больше к женщинам и служат Эроту именно так, надеясь деторождением приобрести бессмертия и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно — ведь есть и такие — беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели... каждый, пожалуй,

предпочтет иметь таких детей, чем обычных» (там же, с. 119–120).

Почему эти нарративы я называю схемами? Во-первых, Платон их сам строит (в номенклатуре античных мифов такого нет). Во-вторых, они задают не только новый объект (любовь как стремление к целостности и поиск своей половины, как вынашивание духовных плодов), но подсказывают, как теперь нужно действовать (не ждать пока тебя поразит золотая стрела бога любви Эроса, а понять, кто ты есть сам и искать похожего на себя, т. е. свою половину). Понятно в данном случае и семиотическое основание платоновских схем: половинки андрогинов обозначают двух любящих.

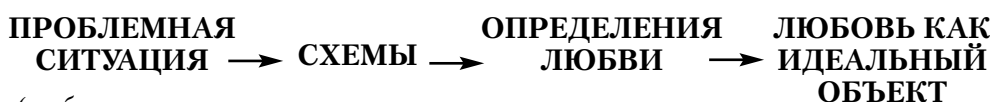
Почему, спрашивается, Платона не устраивало обычное понимание любви, столь красочно описанное в античной мифологии? Прежде всего потому, что такая любовь понималась как состояние, вызываемое богами любви и поэтому не зависящее от воли и желаний человека. Платон, однако, считал, что одно из главных достоинств философа — как раз сознательное участие в собственной судьбе (мироощущение, сформулированное Платоном в концепции «epimelia» — буквально «заботы о себе»). Кроме того, обычно любовь понималась как страсть, охватывающая человека в тот момент, когда боги любви входили в него; как сильный аффект, полностью исключая разумное поведение. Платон, напротив, призывал человека следовать не страстям, а действовать разумно. Разумное построение жизни, по Платону, — это работа над собой, направляющая человека в со-

вершенный мир идей, где душа пребывала до рождения человека.

По Платону, размышление позволяет душе припомнить мир идей, в котором она пребывала до рождения. Другой результат познания и работы человека над собой, конечно, в том случае, если они последовательно идут до конца, т. е. до полного воспоминания мира идей, — возможность «блаженно закончить свои дни». Под этим Платон понимает не только преодоление страха перед смертью, но приоткрывающуюся при этом возможность буквального бессмертия. Наконец, уяснение мира идей является условием и познания обычных вещей — «многого».

В этом смысле понятно, как действовал автор «Пира». Он мыслит любовь как идею — единое, а различные представления о любви, высказываемые участниками диалога, — это многое. Задавая любовь как «единство многого», Платон, как бы мы сказали сегодня, строит теоретический предмет (науку о любви). В нем различные характеристики любви непротиворечиво объединяются в рамках единой идеи платонической любви. При этом анализ «Пира» показывает, что указанные отдельные характеристики любви выявляются и объединяются в рамках единой идеи в ходе рассуждений о любви, но их роль минимальна; главным же образом синтез знаний о любви осуществляется Платоном на основе схем. С одной стороны, именно схемы, по-новому организуя смыслы, обнаруживают новую реальность любви, с другой — за схемами лежат потенции и экзистенции нарождающейся античной личности и личности самого Платона.

Метасхема становления любви как идеального объекта

(необходимость мыслить непротиворечиво, любить для личности, преодолеть мифологическое понимание любви, реализовать себя)

Кто же такой Платон в «Пире»: философ (ученый) или практик? И тот, и другой. С одной стороны, Платон, давая определения любви, получает не только новые непротиворечивые знания, но и строит идеальные объекты, с другой стороны, он создает схемы, позволяющие любить по-новому (платонически), что конституирует новую практику любви.

Перенесемся теперь на крыльях воображения в начало XX в., когда З. Фрейд пытается помочь своей пациентке Элизабет фон Р. и при этом понять, как устроена вообще психика человека. После долгих поисков он находит причину ее заболевания.

«Итак, вы были давно влюблены в своего зятя», — сухо сказал я. Элизабет громко вскрикнула и сразу же пожаловалась на страшные боли. Она сделала еще одну отчаянную попытку избежать объяснения: мол, это неправда, это я ей внушил, этого не могло быть, на такую подлость она не способна, этого бы она себе никогда не простила. Было совсем нетрудно доказать ей, что ее собственные высказывания не допускали иного толкования; но сопротивление продолжа-

лось достаточно долго, до тех пор, пока два моих утешительных довода — что, дескать, нельзя отвечать за свои чувства и что само ее заболевание является убедительным свидетельством ее моральной чистоты — не возымели на нее должного эффекта.

Теперь я должен был искать разнообразные способы для того, чтобы успокоить пациентку. Прежде всего, я хотел дать ей возможность путем отреагирования избавиться от накопившегося за длительное время возбуждения. Мы исследовали ее первые впечатления от знакомства с зятем, пути зарождения неосознанного чувства влюбленности. Здесь и обнаружились все мелкие события, которые, если оглянуться назад, и были предвестниками вполне зрелой страсти...» (Фрейд, 1992, с. 93–95).

Двигаясь по нащупанному пути, т. е. давая больной вспомнить, осознать и пережить подавленную любовь к зятю, Фрейд утверждает, что смог постепенно добиться практически полного излечения своей пациентки.

Как Фрейд понимает, что такое «травматическая» ситуация? С его

точки зрения, это конфликт неосознанных и неотрагированных противоположных чувств (обычно таких, как любовь к близкому человеку и переживание долга, ответственности и т. д.), приводящих к изоляции «невыносимых представлений».

«Но как могло произойти, что столь аффективно насыщенная группа представлений оказалась такой изолированной? Обычно ведь чем больше величина аффекта, тем более значительную роль играет представление, связанное с этим аффектом, в ассоциативном процессе. На этот вопрос можно ответить, приняв во внимание два факта, о которых мы можем судить с полной уверенностью, а именно: (1) одновременно с формированием этой изолированной группы представлений возникали истерические боли, и (2) пациентка оказывала сильное сопротивление любой попытке установить связь между этой изолированной группой и другими содержательными компонентами сознания; когда же, наконец, удалось эту связь установить, она испытала сильную душевную боль. Сознание не может предугадать, когда именно возникнет невыносимое представление. Невыносимое представление исключается и образует изолированную психическую группу вместе со всем, что с ним связано. Но первоначально оно должно было быть представлено в сознании, входя в основной поток мыслей, иначе не возник бы конфликт, являющийся причиной такого исключения. Именно эти моменты мы считаем «травматическими»; именно тогда осуществляется конверсия, результаты которой — расщепление сознания и истерический симптом» (Фрейд, 1992, с. 69, 71).

Возможно, начиная с данного случая (Элизабет не поддавалась гип-

нозу) пошла нелюбовь З. Фрейда к гипнозу, который он рассматривает как «капризное и мистическое средство». Поэтому З. Фрейд пытается найти другие способы провоцирования пациента на осознание своих переживаний. Он обращает внимание на утверждение Бернхейма, что существует определенная остаточная связь между гипнотическим и бодрствующим состояниями. Взяв эту идею, З. Фрейд ищет приемы, позволяющие обнаруживать у пациентов в бодрствующем состоянии «ключевые высказывания», свидетельствующие о психотравме. Случай наталкивает его на метод «свободных ассоциаций». З. Фрейд начал требовать, чтобы пациенты в ответ на какое-либо слово свободно продуцировали любые другие слова, приходящие им в голову, «какими бы странными эти ассоциации им ни казались». В этот же период З. Фрейд описывает феномен «сопротивления», т. е. нежелание пациентов вспоминать или осознавать сцены и конфликты, приведшие к психической травме.

Углубляя понимание того, что происходило при этом с человеком, З. Фрейд рисует такую картину. Если «подавленный» («защемленный», «противоположный») аффект не находит нормального, естественного выхода (не может быть реализован), происходит его задержка, ведущая к «источникам постоянного возбуждения» или «перемещению в необычные телесные инервации» (соматические поражения). Подобные состояния психики, когда нарушаются условия нормального выхода аффектов и происходит их задержка, защемление, З. Фрейд называет,

«гипноидными» состояниями души, поскольку человек ничего не знает об истинных источниках травмы. Осознание больным собственных травматических переживаний (катарсис) рассматривается в данном случае как сила, высвобождающая «подавленные», «защемленные» аффекты.

«Благодаря изучению гипнотических явлений, — пишет З. Фрейд, — мы привыкли к тому пониманию, которое сначала казалось нам крайне чуждым, а именно, что в одном и том же индивидууме возможно несколько душевных группировок, которые могут существовать в одном индивидууме довольно независимо друг от друга, могут ничего не знать друг о друге и которые, изменяя сознание, отрываются одна от другой. Если при таком расщеплении личности сознание постоянно присуще одной из личностей, то эту последнюю называют сознательным душевным состоянием, а отделенную от нее личность — бессознательным... мы имеем прекрасный пример того влияния, которое сознательное состояние может испытать со стороны бессознательного» (Фрейд, 1923, с. 17).

Как можно категориально истолковать этот и предыдущий нарратив? С одной стороны, это явно схемы (назовем их «*психотехническими*», поскольку они были добыты в результате объективации и схематизации психотерапевтических процедур, нащупанных З. Фрейдом при общении со своими пациентами). Например, феномен сопротивления З. Фрейд вводит в психику, чтобы объяснить и оправдать свое поведение. Элизабет сопротивляется, говорит, что ей внушают то, чего не мо-

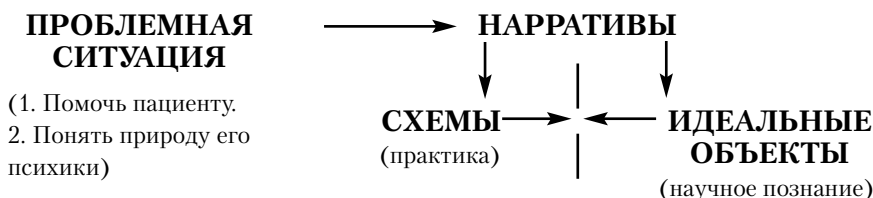
жет быть, а З. Фрейд преодолевает ее сопротивление и убеждает свою пациентку, что все так и есть на самом деле, как он говорит. Получается, что «сопротивление» у З. Фрейда — это теоретическое осмысление его собственной практики и убеждений. Он истолковывает сопротивление Элизабет с помощью схемы, где введение в общее поле сознания изолированной области сознания (второй, так сказать, бессознательной личности) предполагает преодоление сил и энергии, затраченных на процесс изоляции. Понятно, что при другой концептуализации, например по К. Роджерсу, сопротивление могло быть истолковано совершенно иначе, например, как отказ принимать неправильную интерпретацию (кстати, именно такова и была первая реакция Элизабет) или как нежелание восстанавливать целостность опыта личности, или обсуждать с чужим человеком личные проблемы.

С другой стороны, эти нарративы представляют собой идеальные объекты, поскольку с их помощью З. Фрейд стремится понять, как устроена психика; с позиций естественно-научного объяснения он ищет однозначные причины заболевания Элизабет, прибегает к рациональным представлениям, главными из которых являются физикалистски истолкованные идеи борьбы противоположных влечений, расщепления личности и сознания, выпадения одной из областей сознания из общего поля.

На следующем этапе З. Фрейд строит первую свою теорию психики, содержащую три инстанции: сознательную, предсознательную и бессознательную. По Ф. Василюку,

Рисунок 4

Метасхема становления представлений З.Фрейда

это онтология. С этим можно согласиться: представления, заданные этой теорией, оторваны от эмпирического материала и отнесены к особой действительности — *психике человека как таковой*. И элементы (станции) психики, и их связи (конфликт сознательного и бессознательного, отношение вытеснения, а также выход вытесненных структур в сознание) являются, с одной стороны, конструктивными, с другой — схемами по отношению к фактам, с третьей — они удовлетворяют логическим критериям (требованию непротиворечивости и научного объяснения, конечно, как их понимает сам З. Фрейд). Однако почему З. Фрейд не удовлетворился отдельными психотехническими схемами и идеальными объектами?

Во-первых, он пытался определить характер «защемленных» аффектов («оторвавшихся» душевных группировок) с тем, чтобы знать, на какие признаки поведения пациента или его высказывания нужно ориентироваться психотерапевту для постановки правильного диагноза и дальнейшего лечения. Во-вторых, З. Фрейд стремился создать объяснение всех наблюдаемых им явлений по естественно-научному образцу: построить идеальный объект и пол-

ностью имитировать на нем функционирование и поведение объекта, т. е. объяснить, согласно логике построенного механизма, все явления, наблюдаемые в психотерапевтической практике. Эта установка З. Фрейда была вполне аналогична той, которую в 1970-е годы формулирует наш отечественный психолог П.Я. Гальперин.

«Наука, — пишет он, — изучает, собственно, не явления, а то, что лежит за ними и производит их, что составляет «сущность» этих явлений, — их механизмы... вопрос в том, что составляет механизмы психологических явлений и где эти механизмы следует искать. Понятно, что, только зная эти механизмы, можно овладеть предметом в большей мере, чем позволяют опыт и практика, не вооруженные теорией; понятно и то, что всякое психологическое исследование должно быть направлено на изучение механизмов психологических явлений» (Гальперин, 1976, с. 9–10).

Судя по всему, центральной идеей, положенной З. Фрейдом в основание подобного механизма, послужило представление о взаимодействующих в человеке самостоятельных *конфликтных* личностях (душевных группировках), которые в новой

схеме превращаются в противоположные инстанции психики. Второе соображение было получено из скрепления идеи катарсиса и факта сопротивления. З. Фрейд приходит к мысли, что если определенное переживание (душевная группировка) не пережито (не отреагировано), поскольку противоречит культурным нормам сознания, оно уходит из сознания, забывается и одновременно мешает текущей психической активности. Чтобы устранить эту помеху (снять психическую травму), необходимо в какой-либо форме такое переживание пережить, провести через сознание. Представление о *конflikте культуры и общества, одной личности в человеке с другой* были отчасти конструктивными, отчасти эмпирическими. Совмещая и объективируя все эти представления и идеи, З. Фрейд вводит понятия о бессознательном и цензуре (ее обеспечивала предсознательная инстанция), а также идею вытеснения.

Что такое на данном этапе построения идеального объекта бессознательное? С одной стороны, область психики, где действует «защемленная» (вытесненная) личность, о которой сам человек ничего не знает, которую он не осознает; именно с этой странной «личностью» имели дело Брейер и Фрейд, когда вводили больного в гипноз и спрашивали его об исходной травме. С другой стороны, бессознательное — это та же личность (душевная группировка), находящаяся в конфликте с другой личностью (она отождествляется с обычным сознанием) и одновременно стремящаяся к ней, поскольку только так она может реализовать себя.

Трактовка инстанций психики не только как составляющих, подсистем и особых сил (стремление к реализации, запрет, вытеснение), но и как самостоятельных личностей позволяла З. Фрейду рассматривать соответствующие содержания инстанций в качестве особых высказываний, текстов. В этом плане все психические феномены получали в теоретической конструкции З. Фрейда двоякую трактовку: как особые конфликтные силы и сущности (желания, влечения) и как мысли, высказывания, которые нужно было адекватно понять и расшифровать. Последний момент определялся действием цензуры: З. Фрейд предполагал, что бессознательное как личность, чтобы реализовать себя, вынуждено хитрить, маскировать свои истинные мысли и желания. Поэтому, прорываясь в сознание (когда действие цензуры ослабевает), бессознательное реализует себя, так сказать, в форме инобытия: оно высказывается на эзоповском языке; в плане же феноменальном предстает в сознании как другое, не похожее на себя явление.

«Ближайшие скрытые мысли, — пишет З. Фрейд, — обнаруживаемые путем анализа, поражают нас своей необычной внешностью: они являются нам не в трезвых словесных формах, которыми наше мышление обыкновенно пользуется, а, скорее, посредством сравнений и метафор» (Фрейд, 1926, с. 35).

Такая постановка вопроса является уже сугубо гуманитарной. Она предполагает коммуникацию исследователя с исследуемым объектом, необходимость понять этот объект, возможность внесения в изучаемый

объект собственного понимания и рефлексии и т. п.

Отметим, что на данном этапе конструирования идеального объекта бессознательными по содержанию могли быть любые вытесненные желания и влечения, лишь бы они удовлетворяли требованию конфликтности и сознание могло быть истолковано как условие реализации бессознательного. Определение и расшифровка бессознательных влечений зависели, прежде всего, от искусства психотерапевта. Ему приходилось перебирать и анализировать большое число случаев из жизни пациента, прежде чем удавалось нащупать ситуацию, вызвавшую психическое нарушение. При этом до конца врач так и не мог быть уверен, что найденное им «звено» как раз то, которое позволит вытянуть всю цепь последовавших у пациента нарушений в деятельности психики и организма. Не в последнюю очередь и потому, что пациенты сопротивлялись, отрицали объяснения З. Фрейда.

Тогда З. Фрейд предпринимает ряд кардинальных шагов. Чтобы снять многозначность и неопределенность в поиске бессознательных структур (вытесненных желаний, влечений), он приписывает этим структурам строго определенное значение, а именно трактует их как сексуальные влечения (инстинкты). Выбор сексуальности как значения бессознательного был отчасти случайным (подсказка Шарко), отчасти же действительно давал решение проблемы. Во-первых, сексуальность легко интерпретировалась энергетически, тем самым идеальный объект (психика) находил свое место в природе, понимаемой физикалист-

ски. Во-вторых, сексуальность можно было интерпретировать в ценностном и культурном планах (в качестве влечений, входящих в конфликт с нормами культуры). В-третьих, З. Фрейд получал четкое правило дешифровки (интерпретации) интересующих его феноменов сознания: истерии, сновидений, описок, юмора и т. д. Они теперь должны были сводиться к сексуальным влечениям, вытесненным в бессознательное.

Поистине гениальной была идея отнесения всех психотравм в детство. Как известно, З. Фрейд утверждает, что основные психические проблемы у человека возникают именно в этот период. Приняв такое объяснение, пациенты в значительной степени перестают сопротивляться, поскольку, что было в детстве, они не помнят. Наконец, приписав психическим конфликтам значения комплексов (Эдипа, Электры), З. Фрейд замыкает построение психики как механизма.

Всю эту работу можно рассмотреть, с одной стороны, как упрощение представления о психике, а с другой — как конструирование особого идеального объекта, удовлетворяющего механизмом представлением. Если бы З. Фрейд мыслил подобно Галилею, то следующим шагом была бы постановка эксперимента, позволяющего установить соответствие психики как идеального объекта с реальной психикой человека. Однако З. Фрейд, несмотря на свое физикалистское мировоззрение, мыслит в данном случае скорее в гуманитарном ключе, где подобное соответствие устанавливается не в эксперименте, а сразу в исходном пункте изучения за счет

ценностного отношения. З. Фрейд с самого начала исходит из представления о конфликте между человеком и обществом и частично — между врачом и пациентом (феномен сопротивления); он создает такие интерпретации феноменов сознания пациента и ведет осознание им своих проблем по такому пути, который полностью отвечает представлениям З. Фрейда о заданном им устройстве психики. Получается, что теоретические представления поддерживают и направляют практику, а практика — теоретические представления.

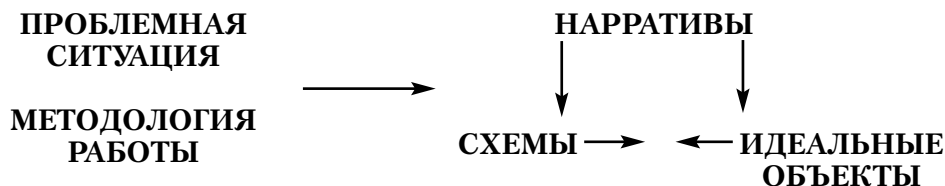
И еще один очень важный вывод, следующий из анализа данного кейса. Конструирование схем и идеальных объектов детерминируется у З. Фрейда не только проблемами, которые он формулирует и пытается разрешить, но и в широком понимании «методологией работы» (его установкой одновременно на практику и познание, естественно-научными убеждениями, научным компромиссом, когда он прибегает к гуманитарным формам работы, использованию психотехнических схем для построения идеальных объектов и последних для построения новых схем).

Теперь можно вернуться к вопросу об истинности психологических построений. Целесообразно говорить о двух критериях истинности: внутреннем и внешнем. Сначала внутренний критерий. Если для Платона истинность его построений задавали идеи, для Аристотеля — «начала» (как исходный пункт рассуждения и сущность явления), для И. Ньютона и И. Канта — понятие «закон», то для психологов, вероятно, это *проблемная ситуация и методология работы*. С этой точки зрения, внутренние критерии истинности у разных направлений психологии (естественно-научного, гуманитарного, психотехнического и др.) будут различные.

Внешний критерий истинности задается использованием схем. Если схемы, вынутые из психологической теории, оказываются привлекательными для определенного пользователя (аудитории, популяции), то по внешнему критерию они истинны. Другой вариант — возможность «надеть на пользователя» схемы, создав «практики вменения». За примерами здесь ходить далеко не надо, большинство психологических прак-

Рисунок 4

Метасхема формирования психологических представлений

тик, начиная с психоанализа, таковы⁵.

Наконец, мыслим и третий случай — «эволюционный». С течением времени определенные схемы и связанные с ними теории сходят со сцены истории (это, правда, не означает, что при каких-то условиях они не могут ожить снова).

Общим для всех направлений психологии будет диалектика схематизации и конструирования идеальных объектов. Только в случае академической психологии влияние практики на научное познание не осознается, хотя реально всегда имеет место. В случае чисто практических дисциплин крен в другую сторону: не осознается важная роль познания, встроенного в психологическую практику. В рамках психотехнического подхода, разрабатываемого Ф. Василюком, обе части психологической работы — конструирование схем и создание идеальных объектов — находят свое органическое место.

Кстати, то, что Ф. Василюк называет центральной категорией (деятельность, бессознательное, установка, переживание и т. п.), — это не

столько «онтологическая конструкция», сколько «онтологический ключ» для методологической работы. Действительно, затруднительно в общем случае (безотносительно к конкретным теориям) указать свойства, которые задает центральная категория, но зато, как правило, нетрудно охарактеризовать связанные с ней методы и подходы.

Наконец, в чем различие «академических психологических теорий» и «неакадемических», «практических». Первые создавались в рамках психологической науки при ведущей познавательной установке; влияние практических требований и схем в академической психологии фактически не осознается. Разворачивались эти теории за счет изучения идеальных объектов и сведения более сложных случаев к уже изученным.

При создании практических теорий, напротив, в качестве ведущей установки выступают практические требования и схемы. Значение же идеальных объектов и изучения понимается в тех психологических школах, в которых сложилась достаточно высокая культура мышления.

⁵ В этом плане не так уж важно, что З. Фрейд в ряде случаев нарушает провозглашаемые им принципы естественно-научного подхода. Истинность задается не ими, хотя они входят в состав методологической работы. Но туда много чего еще входит. Кроме того, есть и внешний критерий истинности.

Литература

- Апулей.* Метаморфозы. В XI кн. М., 1960.
- Аристотель.* О душе. М., 1937.
- Архимед.* О шаре и цилиндре // Архимед. Сочинения. М., 1962.
- Ахманов А.С.* Логическое учение Аристотеля. М., 1960.
- Василук Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003 (http://www.i-u.ru/biblio/archive/vasiluk_method/01.aspx).
- Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
- Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3. М., 1964.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб., 2008.
- Платон.* Федон. Парменид. Федр. Пир // Платон. Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1993.
- Розин В.М.* Психология: теория и практика. М., 1997.
- Розин В.М.* Психология: наука и практика. Учебное пособие. М., 2005.
- Розин В.М.* Семиотические исследования. М., 2001.
- Савостьянов А.Н.* Идеальные объекты в структуре мировоззренческой традиции. Новосибирск: СО РАМН, 2003 (http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philsience/14_02/savost.htm).
- Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Фрейд З.* История болезни фрейлейн Элизабет фон Р. // МПЖ. 1992. № 1.
- Фрейд З.* История болезни... // МПЖ. 1992. № 2.
- Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. М., 1923.
- Фрейд З.* Психология сна. М., 1926.
- Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997 (<http://www.solarys-info.ru/articles/article.aspx?id=6331>).

Теоретико-эмпирические исследования

НАТЮРМОРТ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ АФОРИЗМ

В.Ф. ПЕТРЕНКО, Е.А. КОРОТЧЕНКО, А.П. СУПРУН

Петренко Виктор Федорович — заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией Института системного анализа РАН, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл исследований в области психосемантики сознания. Главный редактор журнала «Методология и история психологии».
Контакты: victor-petrenko@mail.ru

Коротченко Евгения Александровна — аспирант Психологического института Российской академии образования.
Сфера интересов — психология искусства (живописи, в частности), психосемантика, психология восприятия, психолингвистика, арт-терапия.
Контакты: evekoro@yandex.ru

Супрун Анатолий Петрович — старший научный сотрудник лаборатории «Психология общения и психосемантика» факультета психологии МГУ, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН, кандидат психологических наук.

Резюме

В экспериментальной статье на материале натюрморта, исследуется категориальная структура восприятия живописи. Анализируется система визуальных оппозиций элементов натюрморта, а сам натюрморт рассматривается как своеобразное визуальное высказывание о мире — визуальный афоризм. Методом исследования выступает построение семантических пространств и их трансформация, при введении дополнительных элементов в изображение, и, соответственно, новых смысловых отношений. Обсуждается проблема вариантов интерпретации сложных визуальных изображений и проводится эмпирическое выделение типологии понимания натюрморта как реализации визуальной герменевтики.

Ключевые слова: *психосемантика, психология искусства, язык восприятия, натюрморт как визуальный афоризм, семантические пространства, типология восприятия, интерпретация сложных визуальных изображений, визуальная герменевтика*

*Какая это странная живопись —
натюрморт: она заставляет любоваться
копией тех вещей, оригиналами
которых не лобуешься.*
Б. Паскаль

Преамбула

В середине 1970-х годов на факультете психологии Московского государственного университета в цикле исследований, инициированных деканом факультета А.Н. Леонтьевым, изучался актуалгенез образа методом псевдоскопических трансформаций (см. сборник под ред. А.Н. Леонтьева «Восприятие и деятельность». М., 1976). Исследования проводили тогда еще молодые сотрудники В.В. Столин, А.Г. Логвиненко, А.А. Пузырей, В.Ф. Петренко. Этот прием псевдоскопической трансформации объектов восприятия, зародившийся под влиянием феноменологии Э. Гусерля и гештальт-психологии, заключающийся в том, что при смене диспаратности бинокулярного зрения, осуществляемого с помощью призм Дове (см.: Компа-

нейский, 1975; Столин, 1976), возникают визуальные парадоксы, обусловленные инверсией глубины, когда удаленные точки объемного объекта кажутся приближенными, а приближенные — удаленными. Пространства как бы выворачиваются наизнанку, и выпуклые объекты воспринимаются вогнутыми. При этом могут возникать парадоксы восприятия. Тяжелый массивный шар видится как воздушный шарик, парящий в воздухе, стоящий на полу конус превращается в воронку, а тень от конуса начинает «испаряться», чтобы не противоречить предметной логике (ведь конус не может давать тени), миска с чаем при псевдоскопической трансформации переворачивается дном кверху, а налитый в ней чай, видится куском металла или липким желе (ведь жидкость не может находиться на перевернутом дне миски) и т. п. Для А.Н. Леонтьева эти исследования были важным эмпирическим подтверждением его гипотезы о роли значения и фиксированной в нем предметной логики при порождении зрительного (и не только зритель-

ного) образа. Обсуждая полученные результаты, мы, В.В. Столин, А.Г. Логвиненко, В.Ф. Петренко, используя лингвистические аналогии Ф.Д. Соссюра (план выражения и план содержания) для образного материала, дискутировали о возможности рассмотрения восприятия как своеобразного языка, имеющего свою семантику и синтаксис.

Продолжая развивать эту трактовку восприятия как своеобразного языка и образа, как «перцептивного высказывания о мире» (Петренко, 1976, 2005; Петренко, Коротченко, 2008 а,б), рассмотрим натюрморт в контексте этих положений.

По аналогии с литературой, где наряду с такими более объемными жанрами, как баллада, роман, повесть, новелла, существуют жанры малого фольклора, такие, как пословицы, поговорки, афоризмы, двустишия, эпитафии, фразеологизмы и т. п., в искусстве живописи также наряду со станковой (сюжетной) живописью, портретом, пейзажем присутствует малый жанр — натюрморт, возникший, по-видимому, как часть (фрагмент) сюжетной живописи. Вербальный малый фольклор в силу его лаконичности и, как правило, идеоматичности удобен как объект исследования обыденного сознания или этнического менталитета (см.: Петренко, Нистратов, Романова 1989; Петренко, Сурманидзе, 1994; Петренко, 2010). Выдающийся культуролог и семиотик Ю.М. Лотман (Лотман, 2002) в своем эссе «Натюрморт в перспективе семиотики» писал: «Вещь в определенных культурно-семиотических ситуациях проявляет тяготение стать словом». Натюрморт, как изображение комп-

лекса вещей, ставших, по замыслу художника, символами, — в высокой степени семиотичен и, с нашей точки зрения, является своеобразным визуальным высказыванием — неким афоризмом, несущим ценностное суждение о мире. Однако в силу использования визуальных символов (а не понятий, как в вербальных афоризмах) натюрморт как афористическое высказывание о мире имеет более интерпретационно-множественное и семантически расплывчатое содержание. Являясь в терминах В.В. Налимова (Налимов, 1974) «мягким языком», в сравнении с выражением мысли в понятиях, язык символов эмоционально более нагружен и ассоциативен, что позволяет схватывать смысловые связи и устанавливать аналогии между самыми отдаленными областями человеческой души и вещного мира.

Обоснованию этих положений и операционализации содержания натюрморта как визуального афоризма и посвящена настоящая статья.

Натюрморт с точки зрения искусствоведения

Отличает натюрморт от других видов живописи, с точки зрения искусствоведов, его тематика (сравним с исторической тематикой, пейзажной и т. п.). Натюрморт (от французского «nature morte» — «мертвая природа») в XV–XVI вв. рассматривался как часть исторической или жанровой композиции. В качестве самостоятельного жанра он сформировался в Голландии под более благозвучным именем «a stieven», что означает «тихая жизнь» (см.: Дятлева, 2002), и выделился в отдельный

жанр. Натюрмортом принято называть изображение неодушевленных предметов, объединенных в единую композиционную группу. Но только ли так нужно понимать его? Часто художники изображали в натюрморте такие предметы, которые являются символами или приобретают символичность в контексте рядом с другими предметами. Вещи, сделанные руками, несущие на себе отпечаток мыслей, желаний, влечений человека, изображаются рядом с натуральными, созданными природой: раковинами, плодами, цветами и т. д. Обратимся к натюрморту с точки зрения психологии, рассмотрев язык образов и символов, с помощью которого создано произведение искусства, и попробуем приблизиться к пониманию особенностей функционирования и восприятия этого языка.

Внимание художника в натюрморте обращено к предметам рукотворным — искусно выполненным вазам, подсвечникам, кубкам, бокалам и т. п., и нерукотворным — созданным природой. На наш взгляд, разные по происхождению предметные формы составляют такие оппозиции, как «живое — неживое», «вечное — конечное», что задает притягательное смысловое пространство натюрморта. Можно полагать, что именно сочетание рукотворного и природного, профанного и сакрального, вечного и сиюминутного в противопоставлении и создает для зрителя смысловой конструкт.

Натюрморт может быть как самостоятельным произведением с собственным значением, так и составной частью картины другого жанра. Как жанр живописи натюрморт имеет в истории искусства несколько перио-

дов расцвета: в XVII в. популярность приобрел голландский натюрморт, известны натюрморты европейской живописи конца XIX — начала XX вв. В историю русского искусства натюрморт входит в XVIII в. Рождение натюрморта как самостоятельного жанра связано с общим становлением европейского искусства нового времени, выделением станковой живописи и формированием разветвленной системы жанров. В произведениях итальянских и особенно нидерландских мастеров эпохи Возрождения наблюдается особое внимание к материальному миру, к красоте вещей, образы которых сохраняют свое символическое значение или приобретают его в контексте образов других вещей.

Можно рассмотреть несколько видов или типов натюрморта: по тематике это так называемые «завтраки», «десерты», «обманки» (вещи изображаются очень реалистично, как реальные), «ванитас» и др.; существуют школы натюрморта: голландский натюрморт, русский, итальянский и т. д. Натюрморты, созданные голландцами в XVII—XVIII вв., особенно разнообразны по тематике и изящны в исполнении (см. рисунки 1, 2, 3 и т. д. на цветной вклейке). Поскольку именно с голландского натюрморта началось развитие жанра, рассмотрим преимущественно его. Голландским натюрмортом, в отличие от других менее популярных жанров того времени, занималось большое количество мастеров, поэтому существует большое разнообразие типов натюрморта.

Искусство живописи пользовалось в Голландии самым широким спросом: люди, жившие в достатке,

покупали картины для своих домов. Одним из наиболее крупных и популярных мастеров в Голландии был Биллем Клас Хеда, который специализировался на «завтраках» (рисунок 2 на цветной вклейке). На его полотнах не изображен человек, но в надрезанной ветчине, надломленном хлебе, очищенном лимоне — на всем есть отпечаток человеческого присутствия. Зритель не просто видит изображение, а невольно противопоставляет холодное поблескивание серебра прозрачной хрупкости стекла, мягкие формы — острым; стекло и металл, мягкий хлеб и твердая поверхность блюда — это диалог символов, диалог образов, в этом есть внутренний ритм. Один образ обращается к другому, а тот — к третьему. Около тяжеловесного округлого бокала на толстом основании — изящный восточный кувшин с изогнутыми очертаниями и т. д.

Голландские мастера отразили в своих работах мир предметов, живущих своей тихой, застывшей жизнью. Термин «застывшая жизнь» (голландское *stilleven*, немецкое *stilleben*, английское *still-life*) стал употребляться для обозначения жанра натюрморта в середине XVII в. Предметы в натюрмортной живописи голландских и фламандских художников XVII в. часто воплощают идею недолговечности всего земного. Особенно это выражено в такой разновидности натюрморта, как жанр *vanitas* (лат. *vanitas*, буквально — суета, тщеславие), название которого восходит к библейскому стиху (Еккл. 1:2): «*Vanitas vanitatum omnia vanitas*» (Суета сует все суета!). Картины, выполненные в этом жанре, предназначались для напоминания о быстро-

течности жизни, тщетности удовольствий и неизбежности смерти. На картинах жанра *vanitas* часто встречаются такие символы, как череп (напоминание о смерти), дым, часы (символ быстротечности времени) (см., например, рисунок 3 на цветной вклейке).

Не менее символичным является, на наш взгляд, жанр натюрморта, зародившийся в университетском Лейдене — «ученый» натюрморт (или «*memento mori*»). Этот жанр является наиболее интеллектуальным видом натюрморта, который ориентирован на зрителя, читающего Библию и сведущего в религиозной символике (картины П. Стенвейка и Д. Байли; см.: рисунки 4 а–в на цветной вклейке).

В натюрмортах часто используются иллюзионистские приемы, искусно создающие обман зрения (Геташвили, 2004). Обратим внимание на тип натюрморта «*trompel'oeil*» («обманка»). В натюрмортах этого вида внимание в большей степени уделено максимально точной передаче предметов. Изображенные предметы выглядят очень правдоподобно и словно дублируют реальность, создают живой объем на плоскости. На рисунке 5 на цветной вклейке мы видим, как искусно, точно выписан охотничий инвентарь и добыча, будто реально висащие на стене, а слегка смятый лист бумаги имеет тень.

Распространение этого жанра приходится на вторую половину XVI — начало XVII вв. В этот период создавались натюрморты с точно воспроизведенными цветами (см. рисунок 6 на цветной вклейке). В этом виде натюрморта художник не менее

увлечен формой, чем символизмом изображенного.

Овощи, фрукты, цветы, утварь, книги, музыкальные инструменты — частые элементы и итальянского натюрморта XVII в. Изображения вещей (часто обыденных) отличаются меньшей символичностью, чем в голландских натюрмортах, здесь основной акцент на форме (см., например, рисунок 7 на цветной вклейке).

Голландский натюрморт можно назвать самым символичным среди других. Как говорил Ю.М. Лотман, «существуют эпохи, когда натюрморт выступает вперед... Голландский период натюрморта именно та эпоха, когда вещи — это не просто материальность, а единственность, самодовлеющее бытие, целостность и особая, независимая от человека и его идей подлинность» (Лотман, 2002, с. 340). Вещь, изображенная на холсте, может быть не только собственно вещью, но и может «включаться в сферу непосредственного эмоционального восприятия» (там же). «Вещь в определенных культурно-семиотических ситуациях проявляет тяготение стать словом» (Лотман, 2002, с. 341), именно это мы можем наблюдать в классическом голландском натюрморте.

В дальнейшем развитии жанра мы замечаем все больший и больший уход от смысла и символичности изображенных предметов к декоративности; на первый план выступают другие особенности жанра. Например, натюрморты импрессионистов отличаются малым количеством предметов, но яркими красками, передающими настроение. Не размышления о жизни и смерти, о веч-

ности, а тема легкой жизни и сиюминутной безмятежности наполнили их картины (например натюрморты К. Моне, Э. Дега). Натюрморт для русских живописцев не был самым популярным жанром, но тем не менее в нем есть свои особенности: чувственная прелесть предметного мира, реализм — это то, что вышло на передний план в русском натюрморте.

Если говорить о преобразовании черт натюрморта в процессе формирования этого жанра, то можно заметить, что классический голландский натюрморт содержит в себе символы, которые отошли на второй план или совсем исчезли в современных натюрмортах. Классические натюрморты голландских живописцев содержат в себе «зашифрованное» послание, высказанное живописцем через изображенные предметы-символы, а современный натюрморт превращается в копирование постановочной картины, собранной, например, из предметов быта. Художники перестают вкладывать смысл в свой живописный текст, увлекаясь формой. Заметен своеобразный регресс символизма в натюрморте.

В живописи большое значение придается организации предметов на полотне с точки зрения возможного направления «чтения» смысла предметов. Например, в европейской традиции принято читать текст слева направо. Таким же образом обстоит дело с «чтением» картины, в том числе натюрморта: зрительное восприятие образов, использованных в картине, происходит слева направо. Это отметил еще Б.Р. Виппер: «Нет никакого сомнения, что по воле художника мы воспринимаем одну сторону

картины чуть раньше, чем другую, рассматривая ее как начало, другую же как завершение... Иными словами, всякая картина развертывается для нас не только в пространстве, но и во времени» (Виппер, 2004, с. 21). Таким образом, их значение раскрывается в определенной последовательности. Проведем мысленный эксперимент. Рассмотрим, например, натюрморт Питера ван Стенвейка «Эмблема смерти» (рисунок 4в на цветной вклейке), где изображены символы бренности бытия: череп, пустой саквояж (аллегория путешествия в мир иной), потухшая свеча — и в сравнении даны символы земных радостей: лютня, трубка, табак, кувшин, книги. Данная композиция говорит нам о том, что конец жизни неизбежен. Взгляд зрителя скользит по всем предметам, по черепу и затем уходит вниз, в пустоту.

Если же рассматривать зеркально отраженный вариант (см. рисунок 8 на цветной вклейке), то может возникнуть мысль о чем-то радостном: свет направлен (согласно прочтению картины слева направо) снизу вверх и уходит в небо. Он освещает все предметы, олицетворяющие возможные радости жизни: путешествия (саквояж), веселье (вино), учение (книги). В данной интерпретации пропадает осуждение земных наслаждений: распакованный саквояж, вино, лютня, книги здесь, наоборот, могут говорить о грядущих радостях. Таким образом, инвертируя пространство (верх/низ, левое/правое) можно изменить настроение карти-

ны. В данном случае зеркально отразился не только ее сюжет, но и смысловое значение (см.: Питер ван Стенвейк, 2008).

В истории живописи принято полагать, что натюрморт утвердил эстетическую ценность привычных, обыденных вещей. Этот жанр часто демонстративно изобилует роскошной утварью или деликатесами и т. п. При этом в натюрморте присутствует любование предметами быта, формой, текстурой, цветом. Художник, рисуя натюрморт, старается всеми возможными средствами передать свое видение предметов, обстановки, передать настроение и «сущность» предметов, используя визуальную метафору как язык (Петренко, Коротченко, 2008). В отношении того, что изображено на полотне, и в отношении того, как это изображено, искусствоведы могут использовать такие определения: «душевность», «натуралистический язык», «скрытая сущность вещей», «немой диалог» и т. п. Таким образом, через метафору задается настроение картины: «...В подчеркнутом артистизме мазка, в приглушенном мерцании граней стекла есть что-то от холодной каменной замкнутости изображенной женщины» (см. натюрморт, являющийся частью картины¹ на рисунке 9 на цветной вклейке) (Русский натюрморт конца XIX – начала XX вв., 2006). «На портрете Г. Гиршман изображена в интерьере, насыщенном множеством бытовых деталей. Для создания композиционной интриги В. Серов вводит в изображение

¹ Хотя здесь речь не о натюрморте как жанре, а о натюрморте как части портрета, это не умаляет сам факт метафоричности.

зеркало, при помощи которого пространство комнаты значительно расширяется, а кроме того, создается иллюзия «кругового обхода» вокруг модели» (Иллюстрированные письма об изящном, 2008).

Если, например, в пейзаже на первом плане изобразительность, то в натюрморте — значение изображенных предметов. Натюрморт, рекламное изображение и т. п. — это текст, состоящий из символов. И очень часто этот текст строится с использованием визуальной метафоры. Язык символов, в отличие от вербального текста, размыт. Поэтому важно, как конкретный человек прочтет символ. И, конечно, для создателя такого визуального текста главным является то, чтобы заданный смысл был передан.

Элементы символичности, свойственные натюрморту, могут проникать и в жанры, казалось бы, далекие от философского раздумья. Так, в современной рекламе можно найти использование приемов метафоризации, аналогичных тропам в литературе и поэзии (Петренко, Коротченко, 2008). Обратимся к примеру к рисунку 10 на цветной вклейке. Этот плакат является визуальным вариантом известной мысли о том, что люди, как марионетки, в руках высших сил. Понятно, что данную мысль можно по-разному облечь в слова, но смысл останется ясным и сама картина не требует вербализации. Именно это важно в языке образов.

Та или иная мысль, поддающаяся вербализации, может быть переведена на визуальный язык (но, как любой перевод, с некоторой долей потерянного или измененного смыс-

ла). И наоборот, метафора, исполненная как изображение, может быть выражена словами. Только благодаря этому визуальные метафоры активно используются в рекламе, дизайне, в любом творчестве, связанном с визуальным выражением. Метафора — это разновидность головоломки, предлагаемой реципиенту для расшифровки. М. Блэк следующим образом формулирует эту мысль: «И снова читатель наслаждается решением задачи или восторгается мастерством автора наполовину скрывать и наполовину раскрывать то, что он хотел сказать. А иногда метафоры вызывают шок «приятного сюрприза» и т. п. (Black, 1962, с. 34).

«Для всякого акта семиотического осознания существенным является выделение в окружающей действительности значимых и незначимых элементов» (Лотман, 2002, с. 395), для нас важно выделить ключевые предметы, изображенные на натюрморте, те, на которые в первую очередь смотрит зритель. Был проведен иллюстративный эксперимент. С помощью специальной установки отслеживались движения глаз по изображенному на экране компьютера натюрморту и фиксировались точки, на которых взгляд останавливался. Результат показан на рисунке 11 на цветной вклейке.

Можно заметить, что зрителя привлекают темные и светлые пятна на натюрморте, изменения формы, но это то, что наблюдаемо, то, что касается формы. Зритель обращает внимание на ключевые смысловые части картины, сопоставляя череп и цветы, свечу и карту, стеклянный бокал и бумагу, лепестки роз. В этих

предметах и в манере их рассматривать заложен принцип смысловых оппозиций: череп как символ смерти сопоставляется с цветами, которые символизируют жизнь, погасшая свеча, объединяясь с символизмом черепа, говорит зрителю о конечности жизни, опустошенный бокал — о том, что наслаждения мимолетны. Используя возможность регистрации движений глаз, можно сравнить вербальное описание смысла картины и сами движения глаз по изображению. Такой эксперимент может иллюстрировать ход мыслей зрителя и открыть ключевые смысловые элементы изображения, из которых строится визуальный текст.

Понятие художественного конструкта

Жиль Делез и Феликс Гваттари в работе «Что такое философия» высказывают положение, что функция миропознания — это создание концептов как «устойчивых сгустков смысла». Строительным материалом концепта выступают конструкты. Для создателя теории личностных конструктов Дж. Келли конструкт — это индивидуальная форма категоризации мира, себя, других людей. Операционально конструкт выступает как склейка ряда признаков в некий индивидуальный познавательный эталон. Специфическими конструктами общественного сознания, присвоенными индивидом и ставшими его личностными конструктами, могут быть и социальные стереотипы, фрагменты канонических текстов, афоризмы великих мыслителей, пословицы, поговорки и даже фрагменты рекламных текстовок,

заменяющих в житейском сознании систему философского или религиозного мировоззрения.

В работах Л.С. Выготского, М. Бахтина, Ю. Лотмана показана диалогическая природа сознания, где генезис высших психических функций рассматривается через интериоризацию социального взаимодействия, диалога человека со значимыми другими. М. Бахтиным описана и особая форма художественного творчества, наиболее ярко проявившаяся в творчестве Ф.М. Достоевского, — так называемый полифонический роман, где каждый персонаж является полноценным равноправным голосом в полилоге, призванным найти и доказать собственную правду жизни (Бахтин, 1979). Пользуясь терминологией физической науки, можно было бы сказать, что каждый персонаж полифонического романа выступает некоей системой отсчета и при отсутствии абсолютной системы координат (на которую, как правило, претендует позиция самого автора художественного текста) полифонический роман описывает релятивизм мировоззренческих миров, страстно стремящихся быть понятыми и услышанными. В качестве реплик этого спора можно рассматривать и суждения, и поступки персонажей. Отталкиваясь от идеи М. Бахтина, мы вводим понятие художественного конструкта как противопоставления жизненных позиций персонажей. Например, образы Дон Кихота Ламанчского и его верного оруженосца Санчо Панса образуют оппозиционную пару, содержание которой задано противопоставлением «романтического, оторванного от реальности, идеализма» и

«житейской умудренности и бытовой приземленности».

Используя язык персонажных образов (на оппозиции которых возникает художественный конструкт), автор произведения выражает идею, для которой еще нет понятия в языке, или эта идея столь многоаспектна, что и не может быть выражена через вербальное понятие, а задается противопоставлением символических образов, на уровень которых могут подниматься образы персонажей.

Система персонажных оппозиций выступает как симульганная структура замысла, которая затем разворачивается в повествовательном тексте. В нашем экспериментальном исследовании (Петренко, Пронин, 1990) было показано, что изменение картины мира читателя (представленной трансформацией его семантического пространства) осуществляется по линии художественных конструктов, проявляясь в увеличении их субъективной значимости (операционально выражаемой при построении семантического пространства как вклад фактора в общую дисперсию). В случае глубокого воздействия произведения искусства на духовный мир зрителя возможно также появление новых смысловых измерений (конструктов сознания) как присвоенных читателем художественных конструктов произведения. Возможность выделения художественных конструктов на материале такого динамического жанра, как искусство кино, была продемонстрирована нами (Петренко, Сапсолова, 2006) на примере психосемантического анализа художественного фильма Н. Михалкова «Сибирский

цирюльник». Была выделена система конструктов, по которым, как поезд по рельсам, двигалась мысль зрителя в попытке осмыслить содержание фильма. Но если в этой работе художественные конструкты задавались оппозицией персонажных образов, то в настоящей работе систему оппозиций задают визуальные символы — элементы натюрморта «Ванитас» голландского художника Питера Класса, на материале которого и проводилось исследование.

Исследование категориальной структуры восприятия натюрморта

Целью исследования является выделение категориальной структуры восприятия натюрморта и анализ изменения семантики произведения визуального искусства при введении нового символического художественного элемента, образующего оппозиции с элементами первоначального варианта произведения (а значит, и задающего новые художественные конструкты).

В задачу исследования входит определение базисных категорий восприятия выбранных натюрмортов, определение субъективных эстетических предпочтений в отношении данных изображений и сравнение положения объектов в семантическом пространстве, что позволит проследить изменение значения натюрморта по мере введения новых объектов (цветов, карнавальной маски, новых книг, цилиндра, красного клоунского носа, хлеба).

Материал исследования. В работе использовался натюрморт «Ванитас» известного голландского художника XVII в. Питера Класса (рисунок 12

на цветной вклейке) и шести его измененных вариантов, отличающихся одним из содержательных элементов (см., например, натюрморт с цветами — рисунок 13 на цветной вклейке). Таким образом, всего предлагалось рассмотреть и оценить 7 натюрмортов и 6 фрагментов, с введением которых менялся первоначальный натюрморт. Все измененные натюрморты пронумерованы и представлены на рисунке 14 на цветной вклейке, все фрагменты (элементы) картин изображены на рисунке 15 на цветной вклейке.

Испытуемые: 10 человек, четверо мужчин и шесть женщин в возрасте от 20 до 40 лет, имеющие интерес к живописи. Респонденты с интересом отнеслись к заданиям, хотя сама процедура эксперимента довольно длительна и требует внимательности.

Методом исследования, проводимого в рамках психосемантического подхода (см.: Петренко, 2005), был частный семантический дифференциал (29 биполярных шкал-антонимов).

Гипотеза исследования: внесение нового дополнительного элемента в картину изменит ее целостный смысл, что отразится на положении объекта в семантическом пространстве.

Процедура. Респонденту предлагалось оценивать по семибалльной шкале как оригинальный натюрморт П. Класа (№ 1), так и шесть его вариантов (№ 2 — № 7), полученных путем введения дополнительного фрагмента картины (см. № 8 — № 13), а также шести дополнительных фрагментов (ваза с цветами, цилиндр, новые книги, клоунский нос и т. п.), что и создавало шесть вариантов.

Кроме этого, респондент давал краткое описание каждому натюрморту, выражающее смысл изображенного. После шкалирования натюрмортов каждым респондентом были получены индивидуальные матрицы, которые затем суммировались и подвергались процедуре факторного анализа (с вращением Varimax).

Таким образом, в результате шкалирования 13 объектов по 29 биполярным шкалам 10 испытуемыми был получен куб данных, который затем подвергался сечению в разных плоскостях. Этапы обработки данных описаны в трех сериях эксперимента.

Результаты. Серия I

Куб данных был подвергнут уплощению: матрицы всех респондентов суммировались. Затем в результате обработки суммарной матрицы при помощи факторного анализа были выделены факторные структуры, найдены нагрузки шкал по факторам. Всего выделено 5 факторов для суммарной матрицы. Факторная матрица представлена в таблице 1. На рисунках 16 и 17 на цветной вклейке представлены семантические пространства, образованные наиболее сильными (первым и вторым, третьим и четвертым) факторами, на данных рисунках видно расположение объектов в пространстве факторов.

В первый фактор — *Положительная оценка ↔ Отрицательная оценка* (24.3% общей дисперсии) — с высокими факторными нагрузками вошли такие шкалы, как: *Жизнь — Смерть, Наслаждение — Страдание, Красота — Безобразие, Нравится — Не нравится,*

Таблица 1

Факторная матрица (N = 10, количество объектов 13)

Факторы		1	2	3	3	3
Процент общей дисперсии		24.3	23.9	21.3	10.5	6
№	<i>Шкалы</i>					
1	Смерть – Жизнь	-0.868	0.193	-0.348	0.005	-0.117
2	Мгновенное – Вечное	0.006	-0.861	0.036	-0.337	-0.144
3	Постоянное – Временное	0.141	0.859	-0.342	0.237	0.063
4	Абсурдное – Осмысленное	-0.604	-0.669	-0.366	-0.077	-0.004
5	Порядок – Хаос	0.575	0.445	0.608	0.100	0.008
6	Страдание – Наслаждение	-0.705	0.109	-0.454	-0.008	-0.173
7	Безобразие – Красота	-0.732	-0.147	-0.348	-0.239	-0.192
8	Кратковременное – Длительное	-0.122	-0.948	0.143	-0.048	-0.096
9	Покой – Движение	-0.100	0.801	0.504	0.017	-0.035
10	Бессильное (слабое) – Сильное	-0.661	-0.528	0.261	-0.150	-0.209
11	Простое – Сложное	0.147	-0.242	0.806	-0.141	-0.298
12	Мистическое – Реалистическое	-0.327	0.038	-0.864	-0.217	0.137
13	Бутафорское – Настоящее	-0.639	-0.471	-0.412	-0.356	0.101
14	Имеет символическое содержание – Конкретное содержание	-0.202	-0.236	-0.839	-0.121	-0.092
15	Руковорное – Природное (натуральное)	-0.431	-0.193	-0.164	-0.624	0.397
16	Дешевое – Дорогое	-0.552	-0.544	-0.064	0.084	-0.479
17	Не нравится – Нравится	-0.900	-0.055	0.011	-0.011	0.141
18	Вызывает неприятные ассоциации – Вызывает приятные ассоциации	-0.760	0.258	-0.555	0.059	-0.027
19	Горнее (высокое) – Земное	0.276	0.223	-0.351	0.277	0.667
20	Профанное (обыденное) – Сакральное (наполнено глубоким религиозным смыслом)	-0.248	-0.727	0.385	-0.259	0.319
21	Непонятное – Понятное	-0.194	0.192	-0.836	0.085	0.093
22	Светское – Религиозное	0.047	-0.525	-0.151	-0.541	0.432
23	Коллективное – Интимное	-0.064	-0.230	-0.041	-0.934	-0.130
24	Общественное – Индивидуальное	-0.063	-0.060	0.074	-0.765	-0.079
25	Наполненное – Опустошенное	0.888	0.155	0.074	0.147	0.005
26	Не заставляет задуматься – Заставляет задуматься	0.070	-0.509	0.672	-0.323	0.292
27	Грусть – Веселье	-0.540	0.575	-0.155	0.360	-0.372
28	Гармоничное – Противоречивое	0.533	0.456	0.540	0.103	0.045
29	Скрытое – Наблюдаемое	-0.264	0.633	-0.628	-0.050	0.255

Вызывает приятные ассоциации — Вызывает неприятные ассоциации, Наполненное — Опустошенное, Настоящее — Бутафорское. Крайнюю позицию по первому фактору в пространстве занимают фрагмент картины, на котором изображены цветы в вазе, фрагмент «новые книги» и фрагмент «вазочка с хлебом» (положительная оценка) и на полюсе отрицательной оценки — почти все варианты натюрморта с черепами (кроме натюрморта с дополнительным фрагментом — вазы с цветами) (см. рисунок 16 на цветной вклейке).

Второй фактор — *Вечность ↔ Суетность бытия* (23.9% общей дисперсии) — составляют следующие шкалы: *Вечное — Мгновенное, Осмысленное — Абсурдное, Длительное — Кратковременное, Сакральное (Наполнено глубоким смыслом — Профанное (обыденное), Постоянное — Временное, Покой — Движение, Скрытое — Наблюдаемое.* Крайнюю позицию на одном полюсе *Вечность* второго фактора занимает натюрморт-оригинал. На противоположном полюсе *Суетность бытия* данного фактора — натюрморт, на котором на череп надет клоунский нос (см. рисунок 16 на цветной вклейке).

Третий фактор — *Сложность ↔ Простота* — имеет 21.3% общей дисперсии. Данный фактор объединил шкалы *Порядок — Хаос, Простое — Сложное, Не заставляет задуматься — Заставляет задуматься, Реалистическое — Мистическое, Имеет конкретное содержание — Имеет символическое содержание, Понятное — Непонятное.* На одном полюсе данного фактора крайнюю позицию занимает фрагмент картины — маска (воспринимается как нечто мисти-

ческое), а на противоположном полюсе — фрагмент с вазочкой, в которой лежит хлеб, фрагмент «шляпа» (цилиндр) и фрагмент «ваза с цветами», которые воспринимаются как нечто реалистическое (см. рисунок 17 на цветной вклейке).

Четвертый фактор — *Природное ↔ Рукотворное* (10.5% от общей дисперсии) — включает следующие наиболее сильные шкалы: *Рукотворное — Природное (натуральное), Светское — Религиозное, Коллективное — Интимное, Общественное — Индивидуальное.* На полюсе *Природное* оказался фрагмент «ваза с цветами», а также варианты исходного натюрморта с черепом, включающие добавочные фрагменты: «ваза с цветами», «вазочка с хлебом», «клоунский нос» и «маска». По-видимому, образ черепа оказался доминантой по отношению к включенным дополнительным элементам (фрагментам) и «оттянул» восприятие вариантов целостного натюрморта на полюс *Природного*. На полюсе *Рукотворное* оказались фрагмент «маска», «вазочка с хлебом», «цилиндр» и варианты натюрморта с черепом, включающие добавочный элемент «новые книги», т. е. образ «книги» как нечто созданное, написанное человеком «оттянул» ряд вариантов натюрморта с черепом на полюс *Рукотворное* (см. рисунок 17 на цветной вклейке).

Пятый, слабый, фактор имеет 6.0% общей дисперсии и назван *Горнее — Земное*. В него входит с наиболее высокой нагрузкой шкала *Горнее (высокое) — Земное*. Крайнюю позицию по фактору занимает фрагмент картины с изображением круглого хлеба — земное, а на другом полюсе — фрагмент картины с новыми книгами — горнее.

Обсуждение результатов первой серии исследования

Как показали исследования, введение нового элемента порождает новые смысловые отношения со всеми предметными элементами натюрморта, создавая новый смысловой текст — новый визуальный афоризм, говорящий о мире и об отношении к нему. Например, натюрморт с дополнительным элементом «ваза с цветами» приобретает иной смысловой оттенок, нежели натюрморт-оригинал, поскольку цветы привносят «оживление в общую картину», «все становится фоном для них», «здесь изображена вечная борьба жизни и смерти: цветы — это жизнь, череп — это смерть, они стоят друг напротив друга»; «цветы символизируют жизнь, и в этой картине они рядом со смертью физической, и получается интересное... противопоставление жизни и смерти». (В данном случае респонденты выделяют два объекта, на противоположном смысле которых строится все визуальное повествование.) «Вечность безобразна в своей статичности... хотя цветы скоро завянут... минутка цветения гораздо красивее вечности, которую символизируют книги и кости». Вот другая грань трактовки этого содержания: «Жизнь скоротечна и мимолетна по сравнению с вечностью».

Надо сказать, что изображение, в отличие от слова, имеет гораздо более широкий спектр значений и возможных интерпретаций. Это всегда некоторое «облако» значений, которое «сужается» в контексте значений других объектов (изображений, предметов). И, действительно, если

картину рассматривать как текст, в котором есть целостный смысл, сотканный из смыслов и значений предметов, изображенных на картине, и их отношений и оппозиций, то проведенное нами исследование показывает, что смысловое содержание натюрморта меняется с введением нового визуального элемента картины.

Цветы привносят идею жизни, которая вступает в оппозицию с идеей смерти, хлеб, находящийся рядом с черепом, наводит на религиозные мысли или перестает восприниматься как нечто съедобное и становится частью интерьера (что говорит также о том, что и значение визуального элемента, введенного в некоторый контекст, изменяется и дстраивается), карнавальная маска вводит идею театральности (смена масок, рефлексивные идеи: появляется наблюдатель, который видит жизнь со стороны, говоря: «Задумайтесь!»).

Серия II

В рамках этой серии анализировалось изменение коннотативного значения натюрморта при введении в изображение нового элемента, что на операциональном уровне выступает как изменение координат изображения (их сдвиг) в семантическом пространстве. В работах Ч. Осгуда высказывалось предположение, что коннотативное значение составного понятия (например «красный шар») будет находиться в семантическом пространстве на прямой, соединяющей коннотацию понятия «шар» и коннотацию понятия «красный», оно сдвинуто пропорционально в сторону коннотации с большим модулем. Мы проверяли гипотезу Ч. Осгуда

применительно не к понятиям, а к образам, задействованным в предыдущем исследовании. Был проведен подсчет расстояний в семантическом пространстве для исходного (оригинального) натюрморта, для добавочного элемента (например «вазы с цветами») и для нового варианта исходного натюрморта, содержащего добавочный элемент — «вазу с цветами». Такие подсчеты расстояний для трех объектов: исходного натюрморта, добавочного элемента и полученного варианта натюрморта, содержащего дополнительное включение, проводилось нами для всех шести новых вариантов натюрмортов (вазы с цветами, цилиндра, маски, булочки, клоунского носа, новых книг).

Был проведен факторный анализ по суммарным значениям для всех шести матриц, для каждого варианта натюрморта и выделено пять ортогональных факторов, в пространстве которых рассматривалось положение интересующих нас изображений: натюрморта-оригинала, фрагмента, измененного натюрморта с предметом, который изображен на фрагменте. В пространстве данных шести факторов были найдены модуль фактора и расстояния между объектами.

Модуль фактора показывает общее удаление объекта от центра в факторном пространстве:

$$\text{Mod}X = |\vec{X}| = \sqrt{\sum_i F_{X_i}^2},$$

где F — это факторная нагрузка, X — объект.

Расстояния между объектами в факторном пространстве:

$$\text{Mod}(X - Y) = |\vec{X} - \vec{Y}| = \sqrt{\sum_i (F_{X_i} - F_{Y_i})^2},$$

где F — это факторная нагрузка, X и Y — объекты.

Полученные результаты были представлены графически. Возьмем несколько примеров (рисунки 18 а, 18 б на цветной вклейке).

Как видно из данных рисунков, гипотеза Ч. Осгуда не подтверждается применительно к достаточно сложным изображениям, несводимым к простой сумме составляющих. Коннотат вновь образованного целого не лежит на прямой, объединяющей его составные части, т. е. введение нового элемента, несущего новые смысловые связи и отношения с элементами картины, приводит к переосмыслению всего целого, к образованию нового смыслового гештальта и, соответственно, к образованию новых смысловых интерпретаций. Эксперимент второй серии лишней раз демонстрирует отсутствие простых законов (аналогичных классическим законам психофизики) относительно сложных визуальных «стимулов», нагруженных человеческими смыслами и являющихся культурно-историческими символами, которые надо прочесть, осмыслить и понять в контексте целостного текста.

Серия III. К проблеме герменевтики визуального текста.

Типология интерпретаций

Смысл дополненного новым фрагментом оригинального натюрморта, как показывают предыдущие серии исследования, изменяется, и возникают новые интерпретации целостного образа. При этом мы выделяли общепсихологические закономерности и анализировали суммарные общегрупповые матрицы данных. Различия в интерпретации

вариантов натюрморта ставят проблему индивидуальных различий в восприятии сложных изображений, коими являются произведения живописи. Исходный куб данных «изображения \times шкалы \times испытуемые» «рассекался» таким образом, что было выделено семь матриц (для каждого варианта исходного натюрморта), образованных оценками испытуемых по всем шкалам. Семь матриц шкалы \times испытуемые для каждого варианта натюрморта. Факторизация этих исходных матриц «по испытуемым» позволяет выделить некую типологию в интерпретации каждой картины, объединяющую сходные интерпретации в смысловые блоки.

После проведения факторного анализа по всем испытуемым с Varimax-вращением были выявлены типы интерпретаций для каждого натюрморта. Каждая интерпретация имела словесное описание, оно было сопоставлено с данными факторного анализа. В качестве примера приве-

дем интерпретации натюрморта 2 с цветами (см. рисунок 13 на цветной вклейке). Он имеет четыре типа интерпретаций, которые были даны разными испытуемыми. В таблице 2 представлены нагрузки на факторы для каждого варианта интерпретации, нами отобраны интерпретации с наиболее высокими нагрузками на фактор.

Варианты интерпретаций для рассматриваемого изображения (натюрморта с цветами в вазе) представлены в таблице 3. С данными из таблицы 2 были сопоставлены словесные описания смысла изображения от каждого участника эксперимента (см. таблицу 3). Для рассматриваемого в примере изображения были выделены четыре группы интерпретаций. Такое объединение в группы эквивалентно типологизации испытуемых по вариантам интерпретации.

Исходя из того, что один и тот же элемент имеет разную интерпретацию, можно говорить, что в процесс

Таблица 2

Факторы (интерпретации) одного изображения

	Фактор 1 (интерпретация 1)	Фактор 2 (интерпретация 2)	Фактор 3 (интерпретация 3)	Фактор 4 (интерпретация 4)
Респондент 4	0.14	0.44	-0.54	0.23
Респондент 1	-0.15	-0.12	-0.92	-0.02
Респондент 3	0.27	0.64	-0.10	0.58
Респондент 6	0.81	-0.18	0.25	0.15
Респондент 10	-0.10	0.90	0.16	0.01
Респондент 2	0.42	0.07	0.46	0.44
Респондент 7	0.81	0.08	0.09	-0.01
Респондент 9	0.03	0.05	-0.04	0.87
Респондент 5	0.13	-0.52	0.24	0.48
Респондент 8	-0.64	-0.11	0.44	-0.12

Таблица 3

I		
Ключевые идеи: размышление о жизни и о смерти, между которыми нет противоречия		
Респондент 6	Респондент 7	Респондент 8
«Это иллюстрация к повести. Вспоминается Гамлет и его Йорик»	«Уравновешенное единство жизни и смерти. Показано, что вечность безобразна в своей статичности. И, хотя цветы скоро завянут, они красивые. Минутка цветения гораздо красивее вечности, которую символизируют книги и кости»	«Жизнь быстро проходит, и цветы — это напоминание о скоротечности жизни. Жизнь скоротечна и мимолетна по сравнению с вечностью»
Вероятность появления интерпретации 0.3.		
II		
Ключевые идеи: жизнь и смерть противопоставлены друг другу и находятся в состоянии борьбы		
Респондент 3	Респондент 10	Респондент 5
«Здесь изображена вечная борьба жизни и смерти. Цветы — это жизнь, череп — это смерть. Они стоят друг напротив друга»	«Цветы — это символ чего-то ранимого, хрупкого. Жизнь легко может прекратиться. Жизнь и смерть находятся в состоянии борьбы. Как единство и борьба противоположностей»	«Цветы символизируют жизнь, а в этой картине они рядом со смертью физической, и получается интересное сочетание, вернее, противопоставление жизни и смерти»
Вероятность появления интерпретации 0.3.		
III		
Ключевые идеи: приятные чувства, цветы ассоциируются с теплыми семейными отношениями или с гармонией		
Респондент 4	Респондент 1	
«Очень приятная и естественная. Живые цветы милые, они оживляют картину. Цветы — это то, что объединяет с природой, создают гармонию»	«Рабочий стол ученого, у которого теплые семейные отношения. Изучает смерть для помощи окружающим, чтобы продлить жизнь»	
Вероятность появления интерпретации 0.2.		
IV		
Ключевая идея: на картине символично изображен конец некоторого этапа и начало следующего		
Респондент 9		
«Цветы живые. Это видно, цветы весенние. Это конец одного этапа, жизнь продолжается. Это продолжение»		
Вероятность появления интерпретации 0.1.		

интерпретирования включен культурный уровень респондента, это решение задачи на смысл, как говорил А.Н. Леонтьев. Результаты выводят данное исследование за рамки восприятия искусства в область визуальной герменевтики. Для проникновения в суть восприятия таких сложных объектов, как живописные полотна, необходимо рассматривать возможные интерпретации «видения» этих картин. Язык восприятия многозначен. В повседневной жизни наше восприятие чаще всего сталкивается с одной интерпретацией (однозначно воспринимаем многие предметы), но восприятие картин (живописи) — это не просто «видение», это не восприятие объектов в единичной интерпретации, а работа со смыслами, это «семиотическая герменевтика». В зависимости от культурного уровня зрителя, его ценностных и смысловых установок он выходит на тот или иной уровень понимания художественного произведения. Современный зритель может не знать символов, понятных средневековому человеку, но в контексте культурных реалий современности прочитывать новые смыслы, стоящие за элементами изображения. Картина — это не

только объект восприятия, но и объект осмысления и интерпретации. За термином «восприятие» живописи скрываются процессы более сложные, чем актуалгенезис образа, связанные с потенцией личности зрителя, с его культурным уровнем, системой ценностей и смысловых установок, образующих тот духовный контекст, в рамках которого происходит интерпретация и понимание произведения живописи. Произведение искусства, создавая возможность выделять новые смыслы бытия, поднимает его и духовно возвышает (на высоту, конечно, пропорциональную таланту живописца). Но работа творчества зрителя творцу произведения искусства скрыта от исследователя и никакие формы объективизации (типа движения глаз или анализ динамики кожно-гальванической реакции зрителя) не в состоянии ее объективизировать. Тем не менее мы полагаем, что развитие психосемантики ментальной картины мира, психосемантики творческих процессов и психосемантики самосознания способно приоткрыть дверцу в «мастерскую духа» и исследовать визуальную герменевтику восприятия живописи.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

Винтер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: Изд-во В. Шевчук, 2004.

Винтер Б.Р. Очерки голландской живописи эпохи расцвета. М., 1962.

Винтер Б.Р. Проблема развития натюрморта. СПб., 2005.

Восприятие и деятельность / Под ред. А.Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Геррит Доу. Натюрморт с глобусом, книгами и лютой // Блог о натюрмортах [<http://onaturmorte.ru/?p=56>, 2008].

Геташвили Н.В. Художественные направления и стили. Малые голландцы. М., 2004.

Иллюстрированные письма об изящном, 2008. Источник: <http://dr-lathomorum.livejournal.com/8068.html>.

Компанейский Б.Н. Псевдоскопические эффекты // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975.

Лотман Ю.М. Натюрморт в перспективе семиотики // Статьи по семиотике культуры и искусства / Под ред. Ю.М. Лотмана. СПб.: Академический проект, 2002. С. 340–348.

Лотман Ю.М. Театральный язык и живопись (К проблеме иконической риторике) // Статьи по семиотике культуры и искусства / Под ред. Ю.М. Лотмана. СПб.: Академический проект, 2002. С. 388–400.

Натюрморт // Большая Советская Энциклопедия. Электронный ресурс: <http://bse.sci-lib.com/>

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Эксмо, 2010.

Петренко В.Ф., Нистратов А.А., Романова Н.В. Рефлексивные структуры обыденного сознания (на материале семантического анализа фразеологизмов) // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 26–39.

Петренко В.Ф., Суррмандзе Л. Исследование стереотипов обыденного сознания

на материале фразеологизмов грузинского языка // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 50–61.

Петренко В.Ф., Сапсолова О.Н. Художественные конструкты как образующие смысла произведения // Электронная культура и экранное творчество. М.: Изд-во РИК, 2006. С. 207–229.

Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Образная сфера в живописи и литературе // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008 а. Т. 5, № 4. С. 19–40.

Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Пейзаж души. Психосемантическое исследование восприятия живописи // Экспериментальная психология. 2008 б. № 1. С. 84–101.

Питер ван Стенвейк. Натюрморт «Эмблема смерти» // Блог о натюрмортах [<http://onaturmorte.ru/?p=431>]. 2008.

Русский натюрморт конца XIX – начала XX вв. Ч. 2 [<http://www.osipovfedorov-art.com/art-31.html>]. 2006.

Столин В.В. Исследование порождения зрительного пространственного образа // Восприятие и деятельность / Под ред. А.Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 101–208.

Osgood C. Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979.

*Специальная тема выпуска:
Новые доктора наук*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В последние десятилетия в отечественную науку в целом и в психологию в частности снизился приток «свежей крови», молодых исследователей высокой квалификации, которые способны вывести научные разработки на новый уровень, отвечающий запросам современного мира. В связи с этим в определенной степени изменился баланс между традициями, во многом определяющими поступательное и эволюционное развитие системы научного психологического знания, и новаторскими подходами, обеспечивающими скачкообразные изменения в ней. Высокопрофессиональные и преданные науке молодые исследователи способны внедрять в эту систему новые подходы и модели, которые отражают новые реалии изменяющейся с нарастающим темпом жизни. Одними из важнейших параметров, которые в корне изменили жизнь современного человека, являются компьютерные и информационные технологии, а также новые средства коммуникации. Новая парадигма жизни в условиях развития этих технологий для молодых ученых яв-

ляется естественной и привычной, что неминуемо сказывается на тех принципах и подходах, которые они используют в своей научной деятельности. Эти подходы зачастую оказываются очень смелыми и неожиданными. И если в контексте масштабных научно-психологических разработок энтузиазм и смелость молодых ученых гармонично сочетаются с опытом старших поколений исследователей, то это становится запускающим механизмом прогресса в психологической науке, способствует появлению новых подходов, технологий и методов исследования.

В условиях, когда отечественная психология в значительной степени нуждается в переосмыслении своего места в изменившемся мире и в жизни практически каждого современного человека, научные достижения молодых высокопрофессиональных исследователей-психологов заслуживают особого внимания.

В предлагаемом вам номере журнала представлены работы молодых российских докторов наук, разрабатывающих различные направления психологической науки.

ФАКТОР ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

О.В. ЛУКЪЯНОВ

Лукьянов Олег Валерьевич — доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета, доктор психологических наук, доцент. Член Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии, выпускник Института гуманистической и экзистенциальной психотерапии (Бирштонас, Литва). Практикующий консультант и тренер. Автор книг: «Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений», «Готовность быть. Введение в транстемпоральную психологию», «Поиск идентичности — экзистенциальный опыт в образовании», научно-популярных книг: «Психология — это не то, что вы думаете», «Психотерапия — это не то, что вы ждете», статей и проектов по проблемам психологической помощи в сфере экзистенциального опыта.
Контакты: lukyanov@tomica.ru

Резюме

В статье рассмотрен вопрос системности критериев времени (временности, темпоральности) в практиках психологических интерпретаций. Предложен подход для интерпретации динамики самоидентичности. Предлагается интерпретировать самоидентичность как процесс симфонизации времен (транстемпоральности). Самоидентичность рассмотрена как проблема обеспечения устойчивости индивидуального бытия в динамике саморазвития. Статья в сокращенном виде представляет результаты исследований, проведенных автором в период 1993–2009 гг. и отраженных в ряде публикаций, среди которых три монографии и двадцать пять статей.

Ключевые слова: самоидентичность, саморазвивающиеся системы, темпоральность, транстемпоральность, психологическая интерпретация

Представители разных областей современного знания высказывают предположения о трансформации предмета и роли науки в жизни современного человечества, в связи с чем возникает актуальная необходимость смены исследовательских уста-

новок и принятия факта сложности, многомерности устройства человеческой жизни, учета разнообразия и разноуровневости понятийных систем (А.Г. Асмолов, Л.Г. Ионин, В.А. Кольцова, В.А. Петровский, В.С. Степин, А.В. Юревич).

Совокупность множества используемых современными учеными интерпретативных систем создает полифонический контекст, затрудняющий понимание общего системного основания. Сегодня говорят о «неклассической» и «постнеклассической» парадигмах в науке (В.С. Степин), «психозойской эре» в естествознании (Д. ле Конт, П. Тейяр де Шарден, Л. Агассио, А.П. Павлов, В.И. Вернадский), «информационной культуре» (Д. Белл, А.И. Ракилов, О. Тоффлер), «сетевой» (А.М. Лобок, А.В. Цирульников, G.F. Chew), «холистической», «органической», «экологической» парадигме (Ф. Капра, К. Глой и др.), о взаимодействии самоорганизующихся систем, синергетике и человеческой реальности (В.И. Аршинов, Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко), о диалогической и коммуникативной парадигме (В.И. Кабрин).

Это свидетельствует об усложняющемся контексте актуальной свободы с неизбежным нарастанием в этой связи потребности в целостности, системности, современности. Анализируя проблему выработки либеральной методологии в психологических исследованиях, А.В. Юревич называет одним из симптомов неблагополучия психологии разрыв между исследованием и психологической практикой, между прошлым и настоящим, а также между отдельными фрагментами знания (Юревич, 1999). Продолжая эту мысль, мы считаем, что одним из существенных ограничений современного мышления является то, что временные соответствия, обеспечивающие целостность психологических событий, сегодня принято интерпретировать на основании принципа

непрерывности отдельно взятого жизненного процесса. В этом случае моменты временных соответствий характеризуются:

– «горизонтальными» тенденциями: перспектива, ретроспектива, трансспектива;

– «горизонтальными» отношениями: диахронность, синхронность.

Но специфика целостности в психологическом объяснении и психологической интерпретации состоит в необходимости учета и ряда «вертикальных» тенденций жизненного процесса, таких, как вложенность, подчиненность, преемственность, проективность, напряженность и др. Принцип транстемпоральности, еще не до конца утвержденный, но, на наш взгляд, необходимый современной науке, предполагает понимание психологических процессов не только как движения в соответствии с длительностью, «ходом» времени, бытия человека во времени, но и как специфического процесса становления человека в полноте временных сфер (типов темпоральностей). Фактор времени в этом случае может быть понят как тенденция бытия человека в качестве открытой саморазвивающейся системы, выраженная в конкретном актуальном опыте и в определенном актуализированном уровне воспроизведения жизни (самоидентичности) (Розеншток-Хюсси, 2000).

Основания транстемпорального подхода в психологии изложены мной в ряде статей и монографий (Лукьянов, 2009). Некоторые его важные особенности, в сравнении с ближайшими к нему и широко известными современными методологическими и методическими подходами, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Специфика транстемпорального подхода в психологическом исследовании

	Качественно-количественный подход (эмпирический)	Феноменологический подход (качественный)	Действенное исследование (полевое)	Транстемпоральный подход
	1	2	3	4
<i>Язык</i>	Язык операций ¹	Язык коммуникации (акцент на рефлексию)	Язык коммуникации (акцент на трансценденцию)	Язык коммуникации (акцент на аутентичную постановку вопроса)
<i>Материал</i>	Коррелирующие между собой процессы, факты	Содержимое сознания и структуры сознания	Опыт совместного выражения состояний	Форма воспроизводства смысла (жизни)
<i>Характер входа в ситуацию</i>	Принятие системы измерения, метрики	Принятие субъективности и возможности пересечения субъективного опыта	Принятие существующих динамических границ	Принятие актуальной неполноты временного соответствия
<i>Способ исследования</i>	Логическое построение	Интуитивное усилие в понимании самого главного	Выяснение смысловых перспектив (точек зрения)	Согласование временных горизонтов
<i>Цель исследования</i>	Установить причинно-следственную связь	Увидеть и понять смысл связи и интенции ответов	Изменить ситуацию самим процессом исследования и понимания	Обеспечить условия для выполнения временных обязанностей, прежде всего обязанности определять порядок времени-бытия
<i>Позиция исследователя</i>	Сторонний наблюдатель, манипулятор	Включенный переживающий соучастник, протагонист	Терапевт, помогающий лидер	Пребывающий в срединной позиции, связывающий различные, до этого отчужденные друг от друга времена

¹ Антиномию языка операций и языка коммуникаций ввел К. Обуховский. Это два языка, принципиально не переводимые друг на друга. Язык операций стремится к минимизации значений, выражаемых одним символом, а язык коммуникаций стремится к максимизации значений, выражаемых одним символом (Обуховский, 2003).

Таблица 1 (окончание)

	1	2	3	4
<i>Критерий точности</i>	Точность инструмента измерения (тщательность, аккуратность)	Точность уникальности (точность хода в шахматах) (убедительность, честность, чувствительность)	Точность применения множества ключей к одному замку, множества решений одной задачи (действенность, расширение горизонтов свободы и ответственности)	Соответствие полноте временного соответствия, симфонизация времен (жизненная мудрость, свершение «раз и навсегда»)
<i>Требование к практике</i>	Аккуратность повторяемости процедуры	Чувствительность и сензитивность, личная важность проблемы, неограниченность во времени	Компетентность в понимании динамических аспектов события, наличие развитой формы коммуникации	Готовность быть в желаемом состоянии, соответствие желаемого и действительного, принятие временных обязанностей
<i>Рациональность</i>	Абстрактная цель	Интенциональность	Целесообразность	Смысл целесообразности
<i>Достоверность</i>	Повторяемость и способность к прогнозированию, обеспечиваемые инструментально	Убедительная выраженность прошлого, будущего и настоящего в актуальном контексте	Консенсус в оценке пользы, достигаемый в прямой коммуникации	Рост благополучия в единицах времени, исполненность смысла жизни
<i>Тенденция временного порядка</i>	Ретро-спективность	Интраспективность	Интер-спективность	Транс-спективность
<i>Данные</i>	Репрезентативная выборка	Случай, описание случая, репрезентация смысла	Событие творческого решения, реформация смысла	Поэтика языка, перманентная революция смысла
<i>Масштаб относительности времени (метрика бытия)</i>	Период восприимчивости, активности, деятельности	Человеческая жизнь и человек как центр переживаний, целостность человеческой жизни	Преимственность поколений и времен человеческой жизни, этическая ответственность	Соответствие вечности и временности, связь и соответствие времен
<i>Пределный смысл практики</i>	Производство отвлеченной силы, отчуждение времени жизни в пользу меньшей жизненности	Производство описаний живых целостностей, производство пониманий	Производство социальных систем более живого уровня	Воспроизводство смыслов жизни, воспроизводство смысловых соответствий

Симфонизация временных периодов как способ концептуализировать время

Абстрактно взятое время, время только исчисляемое, но не переживаемое, ведет к игнорированию живой действительности, полноты и сложности временных отношений. Время, понимаемое как метрика бытия, определяемое как условие бытия, как условие появления энергии, как свойство полевого напряжения, как характеристика пространства, ритма, позиционирования, интенсивности, скорости и т. д., действительно ощутимо и измеримо, оно специфично и действенно, но на самом деле живое время — это совсем другое. Время живое постоянно и парадоксально изменяется, это мы стараемся его конституировать, определить и упорядочить, а значит, исчисляемое абстрактное время есть виртуальность, симуляция, продукт человеческой, в том числе и психической, активности, а собственно время, то, что изначально ощутимо именно как время, является чем-то иным (Лосский, 1995).

В поиске системности психологических интерпретаций нельзя идти путем беспредельной редукции сложности времени, сводя его к какой-то одной форме, рассматривать его только механически, только логически, только интуитивно или только сенсорно, но нельзя не видеть формы времени (быть в перманентном кризисе, транс, растерянности, неопределенности и т. д.). Необходимо согласование всех порядков и смыслов учета времени, как необходима симфонизация пауз, высот, длительностей, интервалов и пр. в исполнении

музыкального произведения. Искусство и литература в своей бесконечной творческой муке подчас гораздо ярче отражают фронт психологической реальности, чем завершённые по внешней форме продукты научного труда. Например, полифоническая структура современного художественного романа показывает нам будущее научной методологии проще и точнее целых монографий.

Периоды активного действия, века систематической деятельности, эпохи осмысленного деяния, вечности мудрого пребывания — все согласовывающие нашу жизнь времена — должны быть приведены конкретным живым человеком в соответствие с историческими, теоретическими, эмпирическими, нравственными и духовными последовательностями. Исследование должно входить в историю. Например, исследование личного опыта должно входить в историю личности, исследование личности должно входить в историю социума, изучение социума — в историю этноса и т. д., насколько позволяет масштаб исследования.

Различные «сюжетные» линии событий должны служить открытию временной целостности исследуемого явления или феномена. Психологическая интерпретация призвана творить симфонию времен.

Ряд базовых методологических положений, необходимых для системности психологических интерпретаций, может быть сформулирован так.

1. Человек — открытая саморазвивающаяся система.

Человека следует рассматривать в качестве открытой, саморазвивающейся системы, т. е. не допускать

упрощения в понимании динамики и организации человеческой жизни больше, чем до уровня человекообразных интерпретаций. Для решения узкопрагматических, технических или операциональных задач редуциция целостности человеческого бытия до механического или органического понимания допустима, но общая интерпретация действительности должна строиться именно на базе динамики системного саморазвития. Этот подход можно идентифицировать как культурно-исторический, экзистенциальный, системно-динамический (перечисление не исчерпывающее, а только указывающее направление развития). В наше время среди других подходов он последовательно развивается в рамках системно-антропологической психологии (Клочко, 1998, 2005; Галажинский, 2002, 2003).

2. Многомерность человека выражается в тенденциях саморазвития.

Понимание психики и человека как сложной саморазвивающейся системы, т. е. системы, способной адекватно изменять свой уровень регуляции, требует введения специфического измерения, позволяющего отмечать не только статусы и закономерности, но и тенденции саморазвития человека, специфицировать процессы симфонизации различных временных порядков (уровней самоорганизации и саморазвития). Это измерение не совпадает с хронологическими мерностями, принятыми в системах интерпретаций, построенных на основе механической, органической, космической, когнитивной и пр. динамики, поскольку интегрирует различные типы темпоральностей, т. е. различные уровни и

порядки организации человекообразных систем. Мы предлагаем назвать это измерение транстемпоральностью (симфонизацией, вложенностью различных порядков самоорганизации в конкретном процессе саморазвития).

3. Психологические интерпретации должны становиться более системными по мере доступа к данным.

Кроме всех прочих методологических проблем, в психологии существует проблема системной интерпретации данных (отметим, что психологическая интерпретация применяется к различного рода данным, почерпнутым из других наук и учитывающим разные формы человеческой деятельности). При всем допуске в наше время плюрализме подходов интерпретативные системы, представляемые для общественной пользы, должны быть системными. Следует признать, что в реальных исследованиях и практиках имеет место дефицит системности (вариантом этого дефицита является ригидность, ветхость, неадекватная жесткость систем), недостаточная системность психологических интерпретаций, особенно в отношении динамики сложности психологических процессов.

4. Термины, обозначающие процессы саморазвития и самоорганизации, требуют феноменологического уточнения.

Подобно тому как у северных народов в языке присутствуют десятки слов для обозначения разных характеристик снега, а у индейцев Амазонии десятки слов для обозначения оттенков зеленого, в современной психологии существует множество терминов для обозначения

динамических характеристик психологических явлений. И, на наш взгляд, сегодня чрезвычайно важно своевременно уточнить смыслы понятий, с которыми мы работаем, планируем работу, судим о работе, отвечаем за работу и т. д. Чем отличается развитие от совершенствования, помощь от сопровождения, коррекция от воспитания и т. п. в конкретных системах и случаях психологических практик? Это практический вопрос, обеспечивающий феноменологическую точность решения научных, исследовательских и практических задач в психологии.

5. Система интерпретации лежит в основе получения психологических данных.

Сбор данных часто понимается как преимущественно техническая проблема. В этой связи возлагаются большие надежды на методические средства аппаратного и социального характера. Но в основе сбора психологических данных все же лежит система их интерпретации. Вне этой системы данные не могут быть собраны, особенно такая система важна в период проектирования исследования, т. е. до фактического их получения, на этапе их предполагаемого значения. И это, очевидно, не вопрос техники или методики, а вопрос мировоззренческий, этический, теоретический.

6. Феноменологический подход синтезирует процессы сбора и интерпретации психологических данных.

Феноменологический подход в значительной мере синтезирует процесс сбора и интерпретации данных. Утверждая, что мы можем исследовать неочевидные для нас в силу своей сложной организации и само-

организации явления непосредственно в своем восприятии, не набрасывая на них сетку теоретических представлений, а лишь выражая посредством теорий интуитивное, феноменологическое их понимание, феноменологический подход обеспечивает возможность работы не только на границах познанного и непознанного, но и на границах познаваемого и таинственного, непознаваемого. Отбросить все предварительные представления и увидеть действительность в подлиннике, так как она есть на самом деле, — граница тайны, науки и искусства жизни. Но выражение феноменологического знания, воплощение его в практиках и консенсусах взаимодействия требует общепринятой системы, общего языка.

7. Достаточно развитой системы интерпретации психологических данных в современной науке нет.

Множество психологических и психотерапевтических подходов, теорий, моделей, сформированных к сегодняшнему времени, позволяют выражать интуитивное понимание. Но наше понимание и взаимопонимание развивалось бы гораздо быстрее, если бы интуитивное постижение некоего феномена ученым или практиком не превращалось в усилия по созданию доказательной базы своей правоты. Зачем мне убеждаться в чьей-то правоте, если мне предоставлены данные, а я располагаю развитой и согласованной системой интерпретации? Я сам «сделаю себе мнение». Но достаточно развитой системы интерпретации психологических данных в современной науке нет. Поэтому и данных часто тоже, строго говоря, нет. Зато очень много

неточных, не достаточно дифференцированных сведений и гипотез, от которых мы поспешно переходим к еще более гипотетическим обобщениям.

По существу, мы часто передаем не данные, а агитируем за свою временную схему интерпретации. И пока системные основания динамики самоидентичности сложных саморазвивающихся систем не будут согласованы, психологические интерпретации будут носить редуccionистский характер. И ссылкой на постнеклассицизм эта проблема не решается.

Методологические границы изучения человека в постнеклассической науке

В настоящую эпоху объяснительные категории, в основе которых лежит представление о самоопределении, самостановлении, самоорганизации, саморазвитии и т. д., стали общепотребляемыми во многих науках, в том числе в науках о человеке. Системность социальных и психологических явлений (мышления, взаимодействия, развития, организации, управления и пр.) является методологическим основанием для исследовательских и помогающих практик во многих сферах человеческой деятельности. Возникают профессии и целые отрасли, содержащие в своем ядре психологическую составляющую, и, как правило, проблема многомерности, сложности и динамичности психологических явлений сводится к описанию системных оснований психологического «ядра» и специфических свойств предметной «периферии». Психологическое «ядро» при

этом представляется в виде определенного порядка самоидентичности (Свасьян, 2006).

Представление о самоорганизующейся и саморазвивающейся системах позволяет многое объяснить в сложных и многомерных процессах, поскольку обеспечивает масштабный взгляд, метапозицию, вводит критерий наблюдателя, одновременно размещающегося и внутри, и вне системы (критерий экзистенциальной открытости) (Степин, 2003). Для психологии такой уровень понимания сложности жизни не является принципиально новым, интуитивное видение динамической целостности мы можем обнаружить в практике великих теоретиков, психотерапевтов, педагогов, философов. Построение концепций саморазвития также не является для психологии однозначным шагом вперед, скорее этот процесс следует понимать как движение навстречу общенаучным тенденциям и уровню развития цивилизации, шагом к согласованию специфически психологических категорий с категориями естественных и социальных наук.

С другой стороны, в отношении психологических явлений общепотребительным сегодня является и феноменологический метод, когда теория и категориальная сетка не набрасывается на явление, «просеивая» действительность и оставляя только то, для чего была готова форма восприятия, а явление постигается интуитивно, таким, какое оно есть, с сохранением его целостности и жизненности. Только после этого интуитивное понимание выражается в различных концептуальных формах, при этом эти формы могут быть

относительно многообразны (Вдовина, 1997; Гуссерль, 1996). Например, такое психологическое явление, как ответственность, может быть выражено и в категориях психической динамики (как способ разрешения конфликта мотивов), и в категориях экзистенциального опыта (занятия более взрослой позиции по отношению к данностям и ограничениям жизни), и в категориях описания когнитивных процессов (обнаружение или придание смысла поиску ответа), и т. д. Но все эти выражения будут иметь смысл и ценность только в случае достаточно точного феноменологического понимания ответственности как целостного динамического явления, и даже самые технически точные описания, взятые абстрактно и сами по себе, только уведут нас от действительно понимания ответственности.

Проблема согласованности теории и практики решается с помощью сочетания феноменологического и системного подходов. Этот путь подсказывают нам явления, наблюдающиеся в сложных саморазвивающихся системах, для которых характерно изменение уровней и порядков саморегуляции, т. е. в системах, которые периодически становятся более и менее живыми, переходят на более высокие и более низкие уровни интенсивности жизни, сохраняя при этом свою идентичность как в системном, так и в феноменологическом отношении. Для этого необходимо поставить и решить вопрос об основаниях согласования интенциональности сознания человека (избирательности восприятия) и тенденциональности саморазвития мира (ограничений формы и объектива-

ции опыта), который одновременно является и вопросом о самоидентичности открытых саморазвивающихся систем.

В контексте психологической практики современное изучение вопроса самоидентичности сложных саморазвивающихся систем требует координации представлений о системных основаниях и свойствах человеческого мира и представлений о благополучии и процветании человека в мире. Самоорганизация (и понимание ее закономерностей) сама по себе не является благом для конкретного человека и человечества. Самоорганизации и саморазвитию присущи особые риски, которыми нам необходимо управлять. Ответственность человека в отношении тенденций самоорганизации психологических систем сегодня не только теоретическая, но и вполне практическая и прагматическая проблема.

Решению названных проблем может способствовать введение принципа трансвременности и разработка соответствующего методологического подхода. Его смысл — преодоление теоретических ограничений, существующих в современной психологии и других науках в отношении проблем, связанных с многомерностью человеческого бытия и интерпретацией многомерных по своей природе психологических данных. Многомерные психологические данные не могут адекватно интерпретироваться в категориях, меньших по своему масштабу и более простых, чем исходные. Подобно тому, как книга не может быть понята в категориях букв, предложений, слов или сюжетов, а должна пониматься посредством смыслов, психологические

данные не могут быть поняты в категориях математических, физических, биологических и даже смысловых, хотя необходимость выражения всех аспектов жизни, т. е. получения эмпирических данных в категориях конкретных измерений, не вызывает сомнений. Многомерность психологических данных определяет принципиальное различие связанных между собой задач получения данных и их интерпретации. Это в свою очередь делает необходимым изучение процессов возникновения и сохранения самоидентичности интерпретативных систем, систем мышления и вообще психологических систем.

Трудности, связанные с ограниченностью систем интерпретации психологических данных, — это трудности решения задач не только на понимание смысла явлений, смену категориального или методического аппарата, но и на смену собственно мышления и, что особенно важно сегодня, — создания особых культур регулярности в смене мышления. Так, например, современный человек должен не просто учиться или взрослеть, но и перестраиваться и трансформироваться, что существенно усложняет даже привычные и традиционные социальные практики (Клочко, 2009). Современная психология — это психология не человека, а человеческого бытия.

В психологии много аспектов, которые трудно интерпретировать. Ведь какими бы радикальными ни были изменения, необходимо сохранять устойчивость в главном: человек не может превращаться во флюгер, не имеющий и не знающий собственного направления и собствен-

ного происхождения. Основными относительно современной психологии являются запросы о возможностях устойчивости в изменениях, о концепциях устойчивости меняющегося (инновационного) человека, о системности практик, связанных со сменой мышления, о подходах к организации психологических практик саморазвития.

В ситуации интенсивных изменений сохраняет потенциал подход, который представляет собой развитие мировоззренческих положений о том, что специфические особенности человека нельзя изучить посредством анализа его сущности, а необходимо изучать его конкретное бытие. В психологическом отношении эта установка может быть коротко выражена положением: человек — это не сущность и не самость (сущность возникает в сложном симфоническом взаимодействии), а выбор (избирательность) и трансценденция выбора (*existencia*), не только выбор в структурно-функциональном смысле, не выбор из бинарных альтернатив, не факт выбора, а выбор как модус бытия, возможность формы присутствия, способ существования и становления, выбор из сложных и усложняющихся соответствий возможного и действительного, процесс, порождающий порядок жизни, ответ (*response*).

Транстемпоральность

Транстемпоральность не является новым термином и новым понятием для науки вообще, но и не может считаться достаточно популярным для современной психологии. Поэтому, вероятно, будет уместно представить

и проиллюстрировать ее смысл и различие психологических систем в темпоральном и транстемпоральном отношениях.

В темпоральной целостности идентичность саморазвивающейся системы видится как устойчивость во времени, т.е. как транспектива (Клочко, 2005), соответствие прошлого и будущего в настоящем, взгляд из прошлого и будущего в настоящее (момент и период С — D на рисунке 1).

В древних мифах и космогониях человеческая жизнь представлялась чем-то похожим на нить, свиваемую в целое из сложных и многочисленных элементов (переживаний). В этом представлении акцентировалась особая необратимость структурирования жизни, спутанность и разрыв «нити» означали смерть. В современных представлениях жизнь видится в большей степени как книга, которую необходимо не только сочинить, но и издать, и сохранить для читателя, сделать ее воспринимаемой. В психологическом смысле это представление гораздо более многомерно, поскольку каждое прочтение одной и той же книги имеет новые смыслы, а каждое закрытие книги может оказаться ее смертью, в то же время книга может множество раз открываться и закрываться (Деннет, 2004). И иден-

тичность сегодня представляется не только транспективой, т.е. устойчивостью во времени, но и системой транспектив — устойчивостью в многомерном жизненном мире.

Транспективное понимание идентичности — это понимание того, что смысл появляется там, где имеет место соответствие, порождающее избирательность.

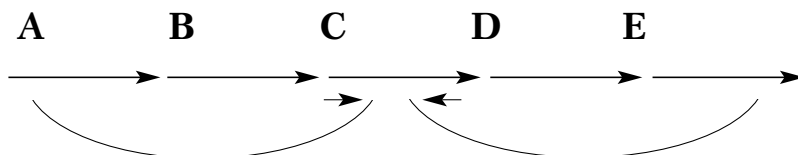
В транстемпоральном отношении мы постигаем метаномические основания — не только условия порождения избирательности восприятия, но и возможности, тенденции саморазвития.

В транстемпоральном отношении психологическая система открывает полноту и целостность жизни, особые психологические смыслы и степени ответственности — одновременность нашей включенности в мир, нашей «внезаходимости» и «вневременности» по отношению к миру, т.е. аспекты фундаментальной устойчивости, как говорят современные антропологи, бесосновной основы существования.

Психологическая система в транстемпоральном отношении может быть изображена как пространство различных, но идентичных в экзистенциально-динамическом отношении хронотопов — последовательности

Рисунок 1

Психологическая система в темпоральном отношении: событийный ряд и генеральная тенденция развития от прошлого к будущему

самоописаний, смыслы которых могут воплощаться в различных темпоральностях и их сочетаниях. Открытая саморазвивающаяся система может быть описана матрицей, представленной в таблице 2.

В транстемпоральном отношении система переживает себя не только как процесс детерминации (изменений, обусловленных различного рода причинностью), но и как санкционирование переходов к разным уровням и масштабам организации своего бытия. Если в сюжетном ряду романа события А и Б происходят одновременно и их разделяет мгновение, то автором романа (да и читателем) эти события могут переживаться много-

кратно и очень подолгу. Кроме того, для автора начало и конец романа могут переживаться одновременно. Автор устойчив по отношению как ко временам, так и к мирам, но при парадоксальном условии, при условии присутствия в мире и изменениях. Можно сказать, что в транстемпоральном отношении часть не меньше целого, а в психологическом смысле может быть и более целостна в силу самоидентичности, т. е. тождественности системному основанию.

Иными словами, автор (система) выбирает то соответствие времен и смыслов, которое является его идентичностью, его жизнью, его смыслом, его значением, выбирает то, что

Таблица 2

Психологическая система в транстемпоральном отношении

		Самоидентичность (авторство жизни)			
Горизонты времени (временные порядки)	Танатос (онтологии бытия); <i>духовность</i>	А-возрождение	Б-возрождение	С-возрождение	Д-возрождение
	Эрос (порядки коммуникации); <i>интеграция</i>	А-творчество	Б-творчество	С-творчество	Д-творчество
	Кайрос (порядки воли, сознания); <i>смысл</i>	А-решение	Б-решение	С-решение	Д-решение
	Хронос (причинно-следственный порядок); <i>поведение</i>	А-организм	Б-организм	С-организм	Д-организм
	Космос (естественный порядок); <i>темперамент (структура)</i>	А-тело	Б-тело	С-тело	Д-тело
	Хаос (отсутствие порядка, но и потенциал появления нового порядка); <i>температура</i>	А-импульс	Б - импульс	С - импульс	Д - импульс
		А	Б	С	Д
Нарративы (описания и самоописания)					

идентично ему, автору, или чему он становится идентичен. Это явление нельзя описать, только исходя из длительностных (темпоральных) соответствий, поскольку его понимание требует трансемпоральных симфонизаций и особого типа рациональности, допускающей многообразие смыслов.

В известных на сегодняшний день подходах самоидентичность является предельным явлением для понимания человека как сложной саморазвивающейся системы. Но следует отметить, что самоидентичность рассматривается либо статически, структурно, функционально, либо динамически, но только в темпоральном отношении. На наш взгляд, это является принципиальным ограничением для современного изучения психологии и для решения актуальных проблем психологической практики (Мадди, 2002).

Трансемпоральный подход позволяет увидеть, что самоидентичность есть фундаментальное условие устойчивости человека в процессе многомерных изменений и расширений жизненного мира, а не психический конструкт или структура, возникающая в процессе психической деятельности.

Проведенное нами исследование теоретических подходов и представлений о самоидентичности позволило объективировать тенденции развития психологии, ведущие к познанию оснований жизни человека в динамике саморазвития, в текучести и многомерности, к пониманию самоидентичности как процессуально-динамического явления, обеспечивающего устойчивость человека в меняющемся мире.

Мы предположили, что:

1. Самоидентичность — это не факт, а процесс саморазвития, присущий человеку способ бытия, обеспечивающий устойчивость. Саморазвитие выступает в качестве источника устойчивого существования человека во времени и пространстве, а самоидентичность — формой времени.

2. Процессуально-динамическое понимание психологии идентичности — это регулярность в смене мышления. Именно способность к смене уровня организации и уровня мышления (тернарность мышления) объясняет, каким образом и почему человек (в его обычном бытии) не оказывается во власти неопределенности, прежде всего неопределенного будущего, постоянно грозящего разрушить его идентичность, которую в связи с этим необходимо перманентно отслеживать и восстанавливать.

В результате исследования было обнаружено:

1. В научной психологии и в персональных праксисах идентификации (обыденной психологии) имеет место тенденция к перманентной актуализации проблемы идентичности (Маркус, Нуриус, 1987). В силу множественности и изменчивости вызовов, а также дефицита понимания фундаментальных оснований экзистирования порождается множество вариантов и представлений (по существу, гипотез) идентичности, разнообразие которых не исчерпывает всей проблемы, но указывает на существование более фундаментального основания этого психологического явления.

2. Как показал трансспективный анализ развития научных представлений об идентичности, сущность

современного состояния этой проблемы в психологии заключается в том, что она оказалась в эпицентре «перекрытия» разных парадигмальных установок. Рассматриваемая в начале как форма обобщения психической динамики (Эриксон, 1996) в своей адаптивной функции, т. е. *гомеостази*чески, в дальнейшем она использовалась применительно к человеку, понимаемому *гетеростази*чески, т. е. как явление принципиально сверхадаптивное, нормотворческое (Асмолов, 2002) — на фоне еще недостаточно осмысленных в психологии представлений о психологическом *гомеорезе* (Клочко, 2005) как способе выхода к параметрам, обеспечивающим устойчивость протяженного во времени процесса изменений («самостабилизирующегося потока» жизни как развития и развития как способа существования жизни).

3. Есть основания утверждать, что самоидентичность как раз и является основанием и условием процессов поддержания устойчивости психологической саморазвивающейся системы. Поэтому для своего решения проблема самоидентичности человека требует достаточно радикального перехода от структурно-функционального анализа к анализу процессуально-динамическому, причем, как показал опыт исследования, этот переход должен основываться не на редукционистской критике существующих теорий, а на попытке разглядеть процесс, инициируемый самим разнообразием теорий, а именно процесс «перерождения научной ткани» (Выготский, 1982) и обеспечения устойчивости в изменениях обыденной жизни.

4. Выход в процессуально-динамический контекст привел к следующему определению: самоидентичность есть системная характеристика человека, заключающаяся в способности человека удерживать непрерывность своего Я в потоке пространственно-временных трансформаций и проявляющее себя в форме темпоральных отношений — концентрации на одном из временных горизонтов (темпоральностей). Эти темпоральные отношения имеют большой психологический смысл: через них человек включается в действительность «переходов», узнает о нарушении процесса саморазвития как основания устойчивости своего бытия, возникновении угрожающего разрыва между образом мира и образом жизни или столь же угрожающего их сближения.

5. Темпоральные отношения отражают качества и индивидуальные особенности транстемпоральной динамики, составляющей сердцевину механизма устойчивости человека как по отношению к меняющемуся миру, так и по отношению к трансформациям (деформациям) ценностно-смысловых измерений жизненного пространства, влекущих за собой изменение его конфигурации и содержательного состава. Нарушение транстемпоральной динамики — это вызванное дефицитом симфонизации времен нарушение готовности человека провозгласить достойное будущее, встретить его и откликнуться на его вызовы, т. е. готовности «изменить себя, не изменяя себе», и одновременно это потеря готовности бросить вызов прошлому для того, чтобы переоценить его и перестроить наличный опыт.

6. Транстемпоральную динамику (диссонансы и консонансы саморазвития) можно представить в функции механизма самодиагностики открытой системы, подающей сигналы (эмоциональные, прежде всего), когда система вынужденно закрывается и саморазвитие теряет свою симфоничность под воздействием внутренних причин (болезнь, старость и т. д.) или внешних обстоятельств, часто независимых от человека (потеря значимого другого, катастрофы, катаклизмы, остракизм, вынужденная миграция, экономический кризис и т. д.).

7. Вывод проблематики самоидентичности в процессуально-динамический контекст адекватен выходу к постнеклассическим парадигмальным установкам, но это не означает, что сложившиеся способы объяснения и понимания идентичности, а также возникшие на их базе практики следует игнорировать или дискриминировать. Необходимо осознать, что конкретные концепции динамики и структуры идентичности в науке и конкретные понимания идентичности в обыденности неразрывно связаны с конкретными научными и обыденными онтологиями и при необходимости должны быть осмыслены на более высоком уровне понимания принципов саморазвития.

Транспективный анализ развития научной психологии позволяет открыть фундаментальные основания психологических праксисов, среди которых праксис идентификации является, вероятно, самым значимым для человека как существа исторического. Рассмотрение важнейших гипотез, сформулированных психологами XX в. и вытекающих из

них следствий показывает, что необходимость согласованного понимания онтологии мира и темпоральности бытия (самоорганизации) имманентно присутствует в мышлении создателей психологических концепций в прошлом и настоящем.

Как правило, концепции и подходы не рассматривают всей полноты типов динамик бытия, сосредотачиваясь на паре типов или даже на одном типе динамики. Но анализ концепций показывает, что в общем можно выделить шесть основных типов уровней самоорганизации и типов динамик бытия:

– динамика хаоса — отсутствие порядка, отсутствие начал, границ и законов; прожить в этом времени можно лишь состояния;

– космос — время фундаментальных законов; бесконечное, но упорядоченное время; все повторяется, все бесконечно, но есть законы; в этом времени человек может прожить и состояния и универсум;

– хронос — время последовательности, пути, истории, все, имеющее начало, имеет конец; необратимость и последовательность жизни; в этом времени человек проживает свою историю, прошлое, настоящее и будущее, постигает себя как относительное, а не универсальное существо, хотя и космическая универсальность и хаотическая состоятельность ему доступны;

– кайрос — время решения, решительного изменения, оперативного смысла; мгновение, вмещающее в себя вечность; в этом времени человек мыслит не только себя в истории, но себя на перекрестках историй, человек «распят на кресте действительности»;

– эрос — создание таких форм жизни, которые превышают самого творца; время эроса распространяется не индуктивно, как энергия в хаосе, не посредством диффузии, как вещество в космосе, не посредством заражения, инфицирования в органическом хроносе и не посредством преемственности и наследования, как в кайросе; в эросе время распространяется в событиях творчества самого бытия, самоактуализации;

– самое емкое и живое время — танатос — соединяет все времена в целостность; это время и открывает основания самоорганизации; человек в этом времени постигает все; В. Франкл отмечал, что дух в повседневной жизни человека проявляет себя в двух формах — юмор и способность любить (совесть); сегодня мы можем добавить к этому кое-что, но больше в деталях, чем по существу; для понимания этого типа динамики необходимо говорить о вере.

Мотивация, модусы бытия, атрибуты деятельности, тенденции интерпретации, интенции восприятия и пр. — все это ситуативно, оперативно, относительно времени и относительно определенного типа динамики. В хаосе нет интенциональности, но есть тенденции (нагреть — остудить). В космосе есть интенциональность, но нет выбора. В хроносе есть выбор и мотивация, но нет свободы. В кайросе есть воля, в эросе ответственность, а в танатосе смысл жизни и возможность пережить, а значит, и понять основания, вернуться к основаниям. Самоорганизация, самоосуществление, саморазвитие, самоконтроль, самопознание, самочувствие, самопорождение — это формы времени, типы динамик идентификации, темпоральные срезы.

Но жизнь человека не темпоральна, а транстемпоральна, потому что все времена уже есть, и только для конкретной экзистенции что-то есть, а что-то еще будет или было. Человек должен согласовать, соотнести, осознать времена.

В темпоральном отношении мы можем идентифицировать состояния (хаос), закономерности (космос), нарративы — истории развития (хронос), точки смысловой определенности (кайрос), пространства смысловой полноты (эрос), экстазы духовной целостности (танатос). И как индивиды сознания, деятельности, личности мы идентифицируем себя в определенном темпоральном срезе. Психологическая практика открывает будущее в настоящем и иные времена в моем времени.

Гомеостаз, характерный для космоса, и гетеростаз, свойственный эросу, кажутся абсолютными противоположностями только в контексте темпорального среза. На самом деле это внешние формы проявления фундаментального основания — ответственности жизни в устойчивости потока гомеореза.

В современном мировоззрении человек идентифицируется в основном с временем хроноса, т. е. с историческим аспектом экзистирования. И именно в этот тип динамики заземляются соответствия всех других форм бытия. Термином, определяющим устойчивость исторического существа, является психологический гомеорез, устойчивость потока бытия. Психологический гомеорез — это и есть современное основание для понимания идентичности, а формы, смыслы, отношения гомеореза — это конкретные формы идентичности.

В заключение сформулируем главную идею системности и феноменологии в психологических интерпретациях:

– Психологические интерпретации есть формы выражения динамики самоидентичности.

– Актуальная форма бытия является симфонизацией в ней всех форм времени и ее смысл определяется тенденцией саморазвития системы.

– Параметр транстемпоральности позволяет более точно выражать ин-

туитивно постигаемый смысл психологических процессов.

– Транстемпоральный подход не отрицает правоты отдельных теорий и представлений, но позволяет симфонизировать динамические качества, выделенные определенной системой интерпретаций, с качествами, присущими другим порядкам и уровням организации, придавая психологическим интерпретациям одновременно и более феноменологически точный, и более системно убедительный характер.

Литература

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.

Вдовина И.С. Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена // История философии. 1997. № 1.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Л.С. Выготский Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.

Галажинский Э.В. Детерминация и направленность самореализации личности: монография. Томск: Изд-во ТГУ, 2002.

Галажинский Э.В. Дифференциация смыслов и ценностей в психологии мышления и проблема уровней самореализации личности // Материалы конференции «Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современного психологического мышления». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 75–78.

Гуссерль Э. Метод прояснения // Современная философия науки. М.: Логос, 1996.

Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004.

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005.

Клочко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. № 8–9. С. 7–14.

Клочко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 324. С. 333–337.

Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995.

Лукьянов О.В. Готовность быть. Введение в транстемпоральную психологию. М.: Смысл, 2009.

Лукьянов О.В. Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск: Изд-во ТГУ, 2008.

Лукьянов О.В. Психологическая системность практик веры. Градиенты становления человеческого в человеке //

Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 325. С. 152–157.

Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ / СПб.: Речь, 2002.

Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб: Университетская книга, 2000.

Свасьян К.А. Растождествления. М.: Evidentis, 2006.

Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Юревич А.В. Системный кризис психологических наук. Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3.

Markus H., Nurius P. Possible Selves: The Interface between Motivation and the Self-Concept / K. Yardley, T. Honess. (eds). Self and Identity: Psychosocial Perspectives. Wiley, 1987.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ОПТИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В.В. НУРКОВА

Нуркова Вероника Валерьевна — доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор двух монографий и 96 публикаций в научных изданиях по тематике автобиографической памяти личности. Контакты: Nourkova@mail.ru

Резюме

В статье представлено обоснование и ряд результатов реализации комплексной программы исследования автобиографической памяти на основе неклассической методологии культурно-исторической психологии с расширением за счет деятельностного подхода. Применение системно-функционально-генетического анализа позволило исследовать автобиографическую память как высшую психическую функцию, организованную по смысловому принципу, оперирующую с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути, имеющую многоуровневую структуру взаимосвязанных единиц, принципы организации которой определяются использованием различных систем социокультурных средств. В качестве варианта стратегии системного экспериментально-генетического метода предложена методика «Линия жизни».

Ключевые слова: автобиографическая память, культурно-историческая психология, деятельностный подход

Обзор достаточно обширного массива эмпирических фактов, накопленный к сегодняшнему дню исследователями автобиографической памяти, в первую очередь в рамках мейн-

стрима западной когнитивной психологии, создает впечатление «методологической беспечности» авторов. Не определяя четко предмет своего исследования и ссылаясь лишь на

обыденные, интуитивные, по сути «предпонятийные» представления, авторы говорят об автобиографической памяти как о «памяти на специфичные личные события» (Brewer, 1986) или «памяти о событиях, произошедших в собственной жизни» (Rubin, Berntsen, 2004). За редкими исключениями (Conway, Pleydell Pearce, 2000; Nelson, 2003), не ставится задача разработки целостной модели данной мнемической системы. Конкретные работы носят преимущественно экстенсивный и несистематический характер, давая ответы на частные вопросы, например о влиянии ряда ситуативных факторов на степень достоверности свидетельских показаний или о связи параметра коллективизма культуры с содержанием ранних воспоминаний ее представителей, но они не интегрированы в многоэтапную исследовательскую программу. Такое положение ведет не только к трудностям при сопоставлении полученных результатов, но и к размыванию самого понятия автобиографической памяти.

Показательно, что потребность в теоретической реконструкции феномена автобиографической памяти недавно начала осознаваться в среде наиболее авторитетных западных ученых. Так, в июне 2010 г. на открытии первого Международного центра исследований автобиографической памяти (CON AMORE) в Дании профессор Дороти Бернтсен заявила: «Мы являемся свидетелями и участниками драматического расширения поля исследований автобиографической памяти. Если в 1980-е гг. было опубликовано не более 20 работ, посвященных этой теме, то к 2010 г. их количество приблизилось

к 2000. Наступает время перехода от накопления эмпирических обобщений, уже доказавших свою значимость в глазах мирового научного сообщества, к теоретическим обобщениям, к поиску теории автобиографической памяти» (Theoretical perspective on autobiographical memory, 2010, p. 3).

По нашему мнению, столь длительный относительно темпа развития современной науки период «до-теоретического» освоения реальности содержания, функций и механизмов памяти человека о себе и своей жизни неслучаен. Автобиографическая память как психологическая функция, обеспечивающая человеку возможность обращаться к прожитой части своей жизни, обладает бесспорной феноменологической очевидностью. В отличие от многих явлений, сначала описанных на основании гипотетических моделей в рамках той или иной исследовательской парадигмы (например, сенсорный регистр как мгновенно фиксирующая динамику изменений мира мнемическая система; внимание как «фильтр», активно подавляющий помехи, и др.), а затем, по мере накопления согласующихся с моделью эмпирических данных, приобретающих онтологический статус (в большей мере в кругу членов научного сообщества, чем в массовом сознании), каждый носитель автобиографической памяти не испытывает ни малейших сомнений в самом факте существования автобиографических воспоминаний. Однако законы работы автобиографической подсистемы памяти остаются скрытыми от ее носителя.

Такой статус проблематики автобиографической памяти отнюдь не

снижает, а наоборот, только повышает познавательную ценность теоретических и эмпирических исследований в данной области. Применительно к изучению автобиографической памяти абсолютно необходима работа (в частности, среди профессиональных психологов) по преодолению существующего в имплицитной форме постулата непосредственности, который все еще доминирует при изучении данной психологической реальности.

В качестве иллюстрации приведем исследование голландских коллег, позволившее прояснить, насколько далеки от действительности представления людей о закономерностях работы автобиографической памяти. В качестве респондентов в данном исследовании выступали 2000 лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, в том числе студенты психологических факультетов университетов (Magnussen et al., 2006). Респондентам задавали несколько вопросов, касающихся их мнения относительно тех или иных особенностей автобиографической памяти, например: «По сравнению с взрослыми дети вспоминают о случившихся с ними событиях ...?»; «С какого возраста человек может помнить себя?»; «Насколько заслуживают доверия ваши воспоминания о прошлом?»; «С какого возраста память о себе начинает портиться?» и др.

Результаты показали, что подавляющее большинство респондентов (75%) убеждены, что дети обладают точными и полными воспоминаниями о своем прошлом, не уступающими по качеству взрослым; что люди могут помнить себя с возраста после трех лет (и только около 25% уве-

рены, что возможны более ранние воспоминания); что наши воспоминания очень точны (72%), хотя и постепенно ухудшаются с возрастом. Надо ли говорить, что все эти обыденные представления, функционирующие в современной европейской культуре, не соответствуют эмпирическим данным?

Итак, для преодоления сложившейся ситуации в области исследований автобиографической памяти мы поставили перед собой задачу выбора конкретно-научной методологии, позволяющей не только интегрировать имеющиеся эмпирические факты, но и увидеть качественно новые проблемы, разработать целостную программу исследований, открыть новые закономерности, ускользающие от наивного эмпиризма. Разработка и организация программы исследования в свою очередь в качестве отдельной задачи предполагает предварительную методологическую рефлексию, т. е. экспликацию принципов структурирования заявленного проблемного поля, выделение эвристических единиц анализа, определение потенциально возможного репертуара гипотез и выбор или создание адекватного методического аппарата.

Вполне отдавая себе отчет в том, что сама наука как социокультурный институт и сопряженный с ней идеал научности социально и исторически обусловлены, причем претерпеваемые ими эволюционные изменения происходят скорее не последовательно, а «с захлестом», уместно говорить не о некоторой победившей научной парадигме, а об одновременном конфликтном сосуществовании принципиально различных «наук» (что,

кстати, отметил Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса»). Данное утверждение особенно верно для наук социального и гуманитарного цикла, поскольку в них и исследователем, и объектом исследования является человек как носитель определенных дискурсивных практик. Для обозначения культурно и исторически специфичной познавательной ситуации М. Фуко ввел термин «эпистема», поясняя: «эпистема — это тот способ, в соответствии с которым в каждой из дискурсивных формаций становится возможным и совершается движение научности и формализации, это совокупность всех связей, которые возможно раскрыть для каждой данной эпохи между науками, когда они анализируются на уровне дискурсивных закономерностей» (М. Фуко, 1996, с. 190). Значительно упрощая, можно представить следующие образцы науки (эпистемы): доклассическую (ренессансную), классическую, романтическую (неклассическую) и постнеклассическую.

Наиболее продуктивной для психологического исследования автобиографической памяти нам представляется модель неклассической (романтической) методологии, в конкретном воплощении культурно-исторической психологии Л.С. Выготского с расширением ее потенциала за счет деятельностного подхода.

Подчеркнем, что представители неклассической науки не отказываются от объективности исследования как таковой, но понимают ее не так, как сторонники классической науки. Они далеки от того, чтобы считать объект исследования исключительно продуктом сознания

исследователя, признавая, что научный факт производится во взаимодействии субъекта и объекта (а для психологии — во взаимодействии двух субъектов). Отсюда идея генетического, конструирующего типа эксперимента, где понимание того, что «наблюдение в принципе невозможно без воздействия» (Гейзенберг, 1989, с. 109) не мешает объективности исследования, а наоборот, наполняет его особым объемным содержанием. Изоляция объекта и субъекта исследования в классическом подходе сменяется в неклассическом включением в анализ не только полюсов этой дихотомии, но и активных отношений между ними. По тому, как откликается исследуемый субъект на воздействие исследователя, делается вывод не только и не столько о его предшествующих свойствах, но и о том, что создается сейчас в процессе взаимодействия. Неклассический подход оказывается, таким образом, более продуктивным, включающим в себя системный принцип описания реальности. Об особенностях неклассического метода писал А.Р. Лурия, называя его «романтической наукой»: «Классические ученые — это те, которые рассматривают явления последовательно, по частям... Один из результатов такого подхода — сведение живой действительности к абстрактным схемам. Свойства живого целого при этом теряются... Иными чертами, подходами и стратегией отличаются романтические ученые. Они не идут по пути редукции реальности к абстрактным схемам... Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на ее элементарные компоненты, ни воплощать богатство конкретных

жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений. Величайшее значение для романтиков имеет сохранение богатства конкретных событий как типовых, и их привлекает наука, сохраняющая это богатство» (Лурия, 1982, с. 167).

Выбор в качестве методологического основания нашей работы неклассической парадигмы в варианте культурно-исторической психологии Л.С. Выготского был обусловлен и рядом дополнительных причин.

Во-первых, как отмечали В.В. Давыдов и Л.А. Радзиховский, уникальность фигуры Л.С. Выготского заключается, помимо прочего, в том, что он разработал нормативные методологические требования к психологическому исследованию и в то же время показал их продуктивность в реальной исследовательской практике. «Выготский давал именно то, что и должна давать методология при построении определенной теории. Не предвещая конкретных путей такого построения, он задавал общую систему нормативных требований и способ проверки получающихся результатов... В творчестве Л.С. Выготского следует разводить два аспекта — методологический и психологический. Они образуют не хронологическую, но логическую последовательность. Л.С. Выготский — методолог — формулирует нормативные требования к построению и анализу психологических теорий. Л.С. Выготский — психолог — стремился реализовать эту методологическую программу и добился выдающихся результатов при создании конкретной психологической теории» (Давыдов, Радзиховский, 1980, с. 70).

Основные методологические заслуги Л.С. Выготского указанные авторы видят в:

1) разведении предмета, единицы, метода и объяснительного принципа исследования;

2) требовании удержания восходящей к философскому уровню методологии сквозной логики на всех этапах исследования;

3) понимании детерминации не как прямой, субстанциональной и редукционистской, а как опосредствованной, функциональной, генетической;

4) понимании предметно-практической деятельности как реальности, детерминирующей психику.

Последнее утверждение не столь бесспорно, как предыдущие, но к обсуждению его правомерности мы вернемся ниже.

Таким образом, именно в методологическом подходе культурно-исторической психологии содержатся нормативные требования и указания на все необходимые для построения полноценной концепции условия: принципы конструирования предмета исследования, выделения единиц анализа, метода исследования и объяснительного принципа.

Проблема выделения единиц анализа автобиографической памяти

Л.С. Выготский в качестве наиболее продуктивного метода анализа целостного психического процесса предложил метод системно-генетического анализа «по единицам». «Защищаемая нами система психологического анализа ...предполагает коренное изменение метода психологического

эксперимента. Это изменение сводится к двум основным моментам: 1) замене анализа, разлагающего сложное психологическое целое на составные элементы и вследствие этого теряющего в процессе разложения целого на элементы подлежащие объяснению свойства, присущие целому как целому, анализом, расчленяющим сложное целое на далее не разложимые единицы, сохраняющие в наипростейшем виде свойства, присущие целому как известному единству; 2) замене структурного и функционального анализа, неспособного охватить деятельность в целом, межфункциональным или системным анализом, основанным на вычлениении межфункциональных связей и отношений, определяющих каждую данную форму деятельности» (Выготский, 1982, т. 1, с. 174).

Таким образом, анализ автобиографической памяти предполагает, во-первых, нахождение наблюдаемых в реальной деятельности человека единиц оперирования с материалом личного опыта и, во-вторых, моделирование целостного процесса автобиографической мнемической деятельности на основе воссоздания взаимосвязи этих единиц.

В.П. Зинченко сформулировал имплицитно присутствующие в работах Л.С. Выготского требования к выделению единиц анализа психического (Зинченко, 2001), которые включают в себя структурную целостность и связность, гетерогенность, способность к развитию и саморазвитию, способность к образованию открытого таксономического ряда, витальность (единица должна быть живой частью целого) и, что особен-

но важно, экологичность («оптика» метода анализа должна правильно отображать свойства объекта).

При организации исследования специальных психических функций, к которым мы относим автобиографическую память, важно, безусловно удерживая идею системного функционирования психики в целом, перейти к выделению единиц более конкретного уровня. Таким образом, на данном этапе центральным для нас является вопрос: что может быть принято в качестве той «капли воды», в которой портретируются свойства автобиографической памяти как целого?

С позиций разрабатываемой нами концепции наиболее продуктивным является представление автобиографической памяти в виде динамичной иерархически организованной многоуровневой системы. Мы предлагаем модель структурно-функциональной организации автобиографической памяти, согласно которой часть эмпирики жизненного опыта, которая оценивается как релевантная системе смысловых образований личности, презентуется сознанию субъекта в форме различных структурно-функциональных единиц. Каждому уровню соответствует специфичная система единиц анализа. Микроуровень функционирования автобиографической памяти представлен единицами «воспоминаний», которые могут актуализироваться по типу «фотографических», «важных», «переломных» и «характерных», а макроуровень — единицами жизненных тем, истории жизни, представления о своей судьбе как целостности и иллюзорного «мгновенного жизненного обзора».

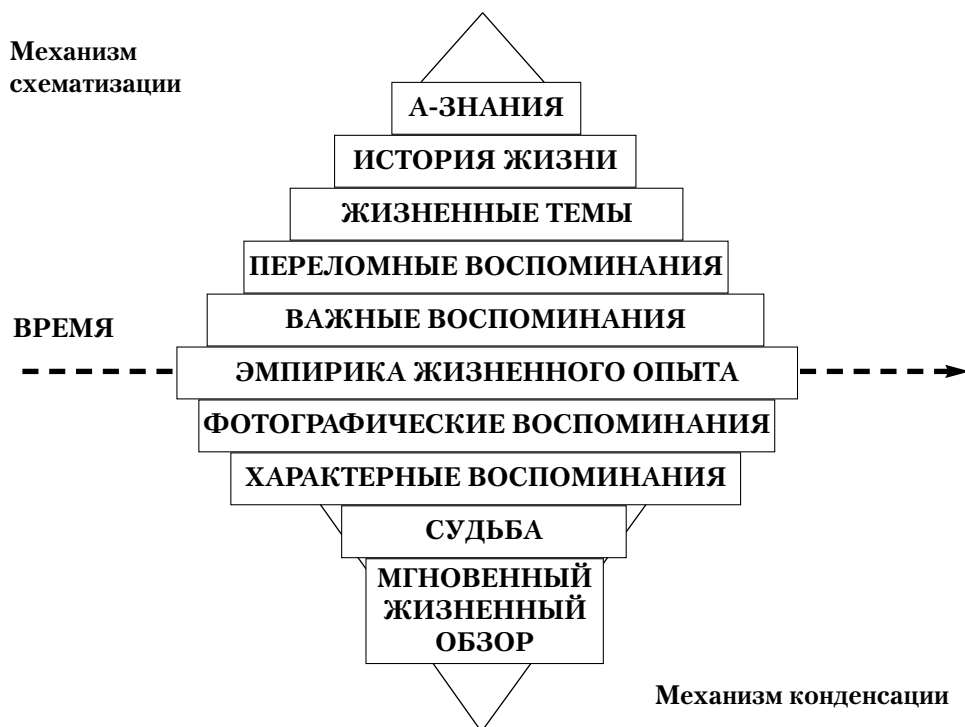
Отнесенная к Я информация преобразуется в структурно-функциональные единицы автобиографической памяти при помощи двух разнонаправленных механизмов. Суть одного из этих механизмов заключается в обобщении, схематизации, усилении повторяющихся компонентов и элиминации уникальных деталей. Процесс схематизации автобиографического опыта лежит в основе формирования важных и переломных воспоминаний, сквозных жизненных тем, истории жизни и системы автобиографических знаний. Противоположный механизм заключается в конденсации, сгущении перцептивной насыщенности представ-

ления, усилении уникального и единичного при элиминации повторяющегося. Механизм конденсации лежит в основе формирования «фотографических» (flashbulb) и «характерных» воспоминаний, представления о своей судьбе как целостности, а также феномена переживания целостного образа прошлого с максимальной смысловой насыщенностью — иллюзорного «мгновенного жизненного обзора».

Модель структуры феноменологии автобиографической памяти как результата преобразования эмпирики жизненного опыта посредством действия механизмов схематизации и конденсации представлен на рисунке 1.

Рисунок 1

Обобщенная модель феноменологии автобиографической памяти как результата схематизации и конденсации воспринятой субъектом эмпирики жизненного опыта

Для установления межфункциональных отношений (см. выше требование 2 к системе психологического анализа) автобиографическая память должна рассматриваться в единстве отношений, с одной стороны, к другим когнитивным процессам (прежде всего иным мнемическим подсистемам), с другой стороны, к личности и, с третьей стороны, к реализации немнемических по основному содержанию целей деятельности. В связи с этим в программу нашего исследования была включена проблематика роли автобиографической памяти в регуляции личностных процессов (саморегуляционные и экзистенциальные функции автобиографической памяти), функционирования содержания автобиографической памяти в качестве материала для реализации широкого круга жизненных целей (коммуникативные и прагматические функции автобиографической памяти) и определение специфики и характера координации автобиографической памяти с иными мнемическими подсистемами (эпизодической и семантической памятью).

**Проблема реализации
экспериментально-генетического
метода исследования
автобиографической памяти**

Требование системности исследования в методологии Выготского выступает совместно с другим важнейшим требованием раскрытия причинно-следственных связей как основной задачи исследования. Современные Л.С. Выготскому методологические оптики не удовлетворяли данному критерию: «Феномено-

логический, или описательный, анализ берет данное явление так, как оно есть в его внешнем обнаружении, исходит из наивного предположения, что внешний вид или проявление вещи и действительная, реальная каузально-динамическая связь, лежащая в его основе, совпадают. Кондиционально-генетический анализ исходит из вскрытия реальных связей, скрывающихся за внешним обнаружением какого-нибудь процесса. Последний анализ спрашивает о возникновении и исчезновении, о причинах и условиях и о всех тех реальных отношениях, которые лежат в основе какого-нибудь явления» (Выготский, 1983, т. 3, с. 97). Именно феноменологический подход к автобиографической памяти является на сегодняшний день одним из самых распространенных.

Сошлемся теперь на известное разъяснение Л.С. Выготского о специфике разработанного им метода: «Применяемый нами метод может быть назван методом экспериментально-генетическим в том смысле, что он искусственно вызывает и создает генетически процесс психического развития. Сейчас мы могли бы сказать, что в этом же заключается и основная задача того динамического анализа, который мы имеем в виду. Если на место анализа вещи мы поставим анализ процесса, то основной задачей рассмотрения, естественно, сделается генетическое восстановление всех моментов развития данного процесса. Основной задачей анализа при этом является возвращение процесса к его начальной стадии или, говоря иначе, превращение вещи в процесс. ... Короче говоря, задача подобного анализа сводится к тому, чтобы

экспериментально представить всякую высшую форму поведения не как вещь, а как процесс, взять ее в движении, к тому, чтобы идти не от вещи к ее частям, а от процесса к его отдельным моментам» (Выготский, 1983, т. 3, с. 95).

Таким образом, для реализации заявленной нами методологии культурно-исторической психологии перед нами встала задача создания действительно генетически динамичной методики исследования автобиографической памяти. Такая методика должна улавливать ход процесса овладения новым для испытуемого средством организации автобиографического опыта. Только тогда откроется возможность наблюдать то, как человек переходит от использования «готовой» структуры автобиографической памяти к господству над нею через автостимуляцию с помощью нового средства.

В пояснениях к формулировке общего генетического закона культурного развития Л.С. Выготский подчеркивает, что «переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции» (Выготский, 1983, т. 3, с. 145). Симметрично сказанному мы можем утверждать, что переход изнутри вовне снова ставит функцию в точку развития, давая возможность формирования ее с новыми качествами осознанности и произвольности, не повторного, но на новом витке.

В нашей исследовательской практике в качестве такого метода была разработана методика «Линия жизни», направленная на создание в графической форме целостной субъективной картины прошлого. При применении данной методики перед

испытуемым ставится новая для него задача, требующая рефлексивной работы, включающей в себя селекцию доступного опыта по критерию личностной значимости, сравнение фрагментов личной истории, создание хронологии прошлого, интеграцию отдельных воспоминаний в целостную картину. При выполнении методики «Линия жизни» происходит не просто выявление уже существующего образа прошлого, а активное его структурирование, при котором осуществляется моделирование функционального репертуара автобиографической памяти в будущем субъекта. Подчеркнем, что в наших работах выполнение методики «Линия жизни» всегда происходит в рамках индивидуального взаимодействия исследователя и испытуемого, что позволяет произвести «экспериментальное развертывание высшего психического процесса в ту драму, которая происходит между людьми» (Выготский, 1983, т. 3, с. 145).

Методика «Линия жизни» базируется на топографической метафоре организации автобиографической памяти. Вариации метода состоят в характере топографических моделей, предлагаемых человеку в качестве средства актуализации содержания автобиографической памяти, начиная от простейших (прямая линия) до сложных (ветвящееся дерево) и даже многомерных форм. Сама идея данной методики не имеет конкретного авторства, так как стоящий за ней образ однонаправленного линейного течения времени прочно укоренен в культуре. Наиболее традиционная процедура выполнения методики «Линия жизни», которая

используется в большинстве наших исследований, заключается в предоставлении испытуемому листа бумаги формата А4, разделенного по центру стрелкой, которая обозначает линию времени (Нуркова, 1999, 2000). От респондентов требуется выполнить следующую инструкцию: «Представьте, что это — ваша жизнь, от начала до сегодняшнего дня. Обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более позитивно событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите), и чем оно негативнее — тем ниже. На самой оси укажите, сколько вам было лет, когда это событие произошло».

Применение методики «Линия жизни», по сравнению с автобиографическим интервью, по нашим данным, имеет ряд серьезных преимуществ. Во-первых, требование поместить на один лист все наиболее значимые воспоминания задает испытуемому высокий критерий селективности, отсекая попадание случайной, лишь ассоциативно связанной с представлением о своей судьбе информации (что часто можно наблюдать при неструктурированных рассказах). Во-вторых, испытуемому предоставляется возможность работать в наиболее органичной для него стратегии (от настоящего к прошлому, от прошлого к настоящему, от ключевых событий к интервалам между ними и т. д.). Таким образом, снимается один из обычных артефактов автобиографического интервью, когда пространственный рассказ о детстве исчерпывает временные и энергетические ресурсы испытуемого, что ведет к плохой вербальной проработке более поздних периодов

жизни. В-третьих, создание изображения субъективной картины прошлого представляет для большинства испытуемых новое психологическое орудие рефлексии содержания своей автобиографической памяти, что приводит к повышению уровня осознанности ее функционирования.

За 17 лет исследовательской практики нами было получено и проанализировано более 2500 протоколов применения методики «Линия жизни» (ЛЖ). В результате нами выделен ряд значимых для анализа параметров выполнения методики.

Существенными формальными признаками анализа выполнения методики ЛЖ являются: 1) соотношение позитивных и негативных автобиографических воспоминаний (амплитуды расположения событий от оси времени); 2) внутренний (для датировки используется возраст) или внешний локус датировки (датировка по годам); 3) присутствие события «мое рождение»; 4) плотность Линии жизни в целом (рассчитывается как отношение общего количества актуализированных событий к возрасту испытуемого); 5) плотность Линии жизни в различные жизненные периоды, наличие «пиков воспоминаний»; 6) объем «оперативного прошлого» (интервал между последним нанесенным на ось воспоминанием и возрастом испытуемого); 7) представленность детства; 8) тип связи между событиями (дискретность — связанность). В качестве содержательных параметров выделяются: 1) количество жизненных тем; 2) полнота и проработанность тем; 3) оригинальность событий; 4) актант истории жизни («я действую» или «я претерпеваю действия»);

5) наличие событий внутренней жизни; 6) наличие рекреационных событий (путешествия, отдых и т. д.); 7) наличие исторических событий — сопряженность с историей.

Выполнение методики «Линия жизни» становится для человека творческой задачей «на смысл», которая активизирует и качественно преобразует функциональный потенциал работы автобиографической памяти личности. Методика «Линия жизни» в нашем исследовании представляет собой вариант реализации стратегии системного экспериментально-генетического метода и становится для испытуемых средством преобразования и формирования автобиографической памяти.

Расширение потенциала культурно-исторической психологии за счет деятельностного подхода

Соотношение и возможность объединения культурно-исторического и деятельностного подходов до сих пор является предметом дискуссий. По нашему мнению, следующая совокупность причин позволяет признать существенное единство данных позиций.

Во-первых, это причины личностного порядка. А.Н. Леонтьев входил в знаменитую московскую «восьмерку», успешно работавшую под непосредственным руководством Л.С. Выготского, сформировался в ее рамках как самостоятельный исследователь и, безусловно, во многом интериоризировал научное мировоззрение своего учителя. Такое влияние служит основанием для установления преемственных отношений между культурно-исторической психологией и деятельностным подходом.

Во-вторых, культурно-историческая психология и деятельностный подход восходят к единой общепсихологической методологии диалектического материализма. И с этой точки зрения, культурно-историческая психология и деятельностный подход развиваются как ветви от одного философского ствола.

В-третьих, мысль о том, что идея деятельностного источника формирования высшей психики, коллективного труда как материального аналога психологических структур и овладения знаком в рамках практической деятельности содержится в работах Выготского, представляется вполне обоснованной. Это мнение подкрепляется выдержками из работ Л.С. Выготского, иллюстрирующими принцип «перехода высших функций из системы внешней в систему внутренней деятельности» (Выготский, 2005, с. 1051): «Подобно тому, как применение того и или иного орудия диктует весь строй трудовой операции, подобно этому характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конституируется весь остальной процесс» (Выготский, 1983, т. 3, с. 96); «Все элементы первичного управления собой, которые заслуживают названия волевых процессов, первоначально возникают и проявляются в какой-либо коллективной форме деятельности. ... Потом эти формы сотрудничества, приводящие к подчинению поведения известному игровому правилу, становятся внутренними формами деятельности ребенка, его волевыми процессами» (Выготский, 1984, т. 5, с. 204); «Высшие психические функции возникают непосредственно в связи с развитием

коллективной деятельности ребенка» (Выготский, 1983, т. 5, с. 207); «В поведении культурного взрослого человека практическое использование орудий и символические формы деятельности, связанные с речью, не являются двумя параллельными цепями реакций. Они образуют сложное психологическое единство, в котором символическая деятельность направлена на организацию практических операций путем создания стимулов второго порядка и путем планирования собственного поведения субъекта» (Выготский, 1984, т. 6, с. 26).

Таким образом, культурно-историческая теория и теория деятельности выступают в нашей работе как органично связанные на основе единства философской методологии и общенаучных принципов методологической оптики, позволяющих в комплексном исследовании перейти от изолированных позиций структурного или функционального анализа к системному рассмотрению психического явления во взаимосвязи структурного-функционального-генетического. Тогда может быть снято противопоставление процессуального и структурного описания психической деятельности, что должно найти воплощение в целостной концепции автобиографической памяти.

К программе культурно-исторической психологии автобиографической памяти

Базирующийся на культурно-исторической и деятельностной методологии взгляд на автобиографическую память как на специфически

человеческую высшую психическую функцию, формирующуюся и реализующуюся в совместной опосредствованной знаковыми системами деятельности людей, позволяет выдвинуть гипотезы, которые ставят под сомнение описанные выше и иные «очевидные» истины, уйти от поверхностных наблюдений к вскрытию внутренних каузальных закономерностей ее работы. Данный подход позволил очертить круг потенциально фальсифицируемых в конкретных исследованиях гипотез и получить ряд новых результатов.

Во-первых, в нашей работе мы отталкиваемся от основополагающей идеи Л.С. Выготского о том, что становящаяся психическая функция сначала исполняется только в совместной деятельности в разделенной между людьми форме (что предполагает, кстати, несимметричность мотивации этого исполнения у более опытного и менее опытного носителей культуры), потом разворачивается как индивидуальное культурное действие и лишь затем выстраивается как внутреннее идеальное знаково-опосредствованное действие (ВПФ в узком смысле). Как указывает Л.С. Выготский: «Развитие идет не к социализации, а к индивидуализации общественных функций, превращение общественных отношений в психологические функции» (Выготский, 2005, с. 1025).

Следовательно, автобиографическая память ребенка производна от уровня присвоения культурных практик рассказа о себе и, очевидно, уступает автобиографической памяти взрослого. Отсюда складывается понимание необходимости анализа многообразия аутоэмоциональных

культурных практик и артефактов, в которых они опредмечиваются. Следует предположить также, что присвоение культурных орудий опосредствования автобиографической памяти с предельной целью (конечно, скрытой от ребенка) создания целостной глубоко индивидуальной субъективной картины прошлого продвигается от простых форм к сложным: от автобиографического рассказа о единичном эмоционально насыщенном эпизоде к важному воспоминанию; затем к бытийной теме, объединяющей совокупность воспоминаний; далее — к пронизанной смысловыми линиями истории жизни и, наконец, к интегрированному обобщению — концепции своей судьбы.

Результатом операционализации данной гипотезы стали формулировка тезиса об отсутствии натуральной стадии развития автобиографической памяти в онтогенезе и обнаружение зависимости «автобиографической компетентности» ребенка от параметров социальной ситуации развития. Выявлена особая структурная характеристика автобиографической памяти, которая заключается в наличии субъективных сгущений воспоминаний в точках смены интервалов самоидентичности личности, обеспечивающая переживание целостности картины жизненного пути вопреки ее изменениям (см.: Нуркова, Митина, Янченко, 2005).

Во-вторых, культурно-историческая и деятельностная методология включает в качестве центрального постулата принцип активности, т. е. избыточной по отношению к ситуации здесь и теперь устремленности субъекта к образу предвосхищаемого

будущего. Автобиографическая память понимается тогда не как реактивное «хранилище» отпечатка эмпирики жизни, а как текучий, постоянно приноравливающийся к целям человека процесс согласовывания пережитого с предвосхищаемым, как ресурс прогрессивного развития личности. Отсюда представление о подвижности структурно-функциональных единиц автобиографической памяти, которые в зависимости от мотивов, целей и условий актуализации обретают уникальную конфигурацию потенциально возможных характеристик (единицы автобиографической памяти). Определяющим конкретную феноменологию автобиографической памяти тогда является место материала прошлого опыта человека в структуре его деятельности.

Содержание автобиографической памяти может появляться в сознании как представитель операционального уровня деятельности (непроизвольные автобиографические воспоминания). Произвольное воспроизведение автобиографических воспоминаний может быть компонентом цели внешней по отношению к его содержанию. Тогда воспоминания представляют собой материал для реализации социально-ориентированных (например коммуникативных) и саморегуляционных (на уровнях регуляции психологического состояния или планирования поведения) действий.

Следствием данной серии гипотез стало, в частности, открытие эффекта зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности (Нуркова,

2009). На материале воспоминаний москвичей о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г., полученных с полугодовым интервалом в апреле и октябре 2002 г., было показано, что ряд параметров чувственной ткани мнемического образа (субъективная яркость и полнота) и его значения (оценка исторической значимости события прошлого) изменяются в соответствии с динамикой смысловой насыщенности воспроизводимого материала, связанной с наступлением сходного по смысловому содержанию события — захвата заложников в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 года. Эффект был проинтерпретирован на основе представления о том, что наращивание смысла мнемического содержания через актуализацию его в рамках более высокомотивированной деятельности иррадирует на другие образующие сознания — чувственную ткань и значение.

С точки зрения нашей исследовательской логики, наибольший интерес представляет процесс автобиографического воспоминания, инициированный и поддерживаемый специфической мотивацией «иметь субъективную презентацию истории личностного существования», который осуществляется на двух уровнях — в создании событийной истории жизни и концепции судьбы. Представление о деятельностной детерминации автобиографической памяти ставит перед исследованием задачу описания и анализа функционального потенциала автобиографической памяти в форме наличного репертуара функций и зоны его ближайшего развития. Обособляется и психотехническая задача расши-

рения доступных человеку способов использования ресурса автобиографического опыта, перехода к активному и сознательному овладению им («господству» — в терминах Л.С. Выготского). Развитие автобиографической памяти как высшей, т. е. социальной, опосредствованной, системной, осознаваемой и как результат — произвольной функции делает ее орудием сознательной самодетерминации личности.

В проведенном дифференциально-психологическом исследовании было продемонстрировано, что автобиографическая память, складывающаяся как ВПФ, обладает потенциалом преодоления физиологических ограничений субъекта на уровне личностной регуляции (Нуркова, 2009). Выдвинута гипотеза об изменении роли физиологических предпосылок функционирования автобиографической памяти в различных возрастных группах: в период своего становления она «вынуждена» опираться на наличные особенности нервной системы (прямое соответствие), зрелая автобиографическая память способна стать психологическим орудием перестройки природных предпосылок, средством регуляции личностных процессов.

В-третьих, обратим внимание на то, что автобиографическая память имеет свою историю не только в онтогенезе ребенка, но и в антропогенезе. Автобиографическая память (во всяком случае в той форме, в которой она может наблюдаться у современного взрослого человека) является культурным изобретением. М.М. Баткин раскрывает историческую обусловленность и поэтапность развития в рамках европейской

культуры психологического новообразования современной личности, неотъемлемым атрибутом которой является автобиографическая память (Баткин, 2000). Исходя из функционального понимания автобиографической памяти, можно предположить, что культуры различных типов (например отличные по параметру индивидуализма — коллективизма) используют формирование автобиографической памяти в качестве стратегии создания личности конгруэнтной доминирующему культурному профилю. Развивая данную мысль, можно прийти к выводу, что автобиографическая память «европейского» типа направлена в первую очередь на формирование «базы данных» для персональной идентичности («Какой я?»), а автобиографическая «азиатского» типа — для социальной идентичности («С кем я?»). В дальнейшем сложившаяся структура автобиографической памяти определяет ее возможное содержание и служит орудием воспроизводства наиболее желательного для той или иной культуры типа личности.

В нашей работе новое звучание приобрела проблема автобиографического нарратива как процесса и результата реализации мотивированного и целенаправленного мнемического действия, исполненного по семиотическим правилам в позволяющей актуализировать механизм осознания речевой форме и направленного на стабилизацию или изменение существующей иерархии мотивов для оптимизации характеристик будущей деятельности (Нуркова, 2009). Данное понимание привело к возможности постановки и решения ряда новых исследовательских задач:

1) поскольку автобиографический нарратив всегда представляет собой реализацию цели в рамках мотивированной деятельности, его анализ с учетом ситуации рассказывания является методом реконструкции структуры мотивов, целей ценностей личности. Характеристики рассказа дают возможность оценить место в иерархии мотива, связанного с актуализацией воспоминания;

2) автобиографический нарратив как один из компонентов текущей деятельности является осознаваемым средством изменения или стабилизации личностных свойств, его анализ позволяет выявить тот идеальный «проект» личности, который своей жизнедеятельностью стремится осуществить субъект;

3) семиотическая опосредованность нарратива открывает возможность анализа тех дискурсивных практик, в которых складывается самосознание человека.

Важно учитывать, что исторически развивается динамическое единство психической функции, опосредствующих ее знаков и форм деятельности. Семиотические системы имеют историческое измерение. Л.С. Выготский в контексте анализа разработки приемов «обходного пути» формирования высших психических функций в дефектологической практике указывает на возможность изобретения новых культурных средств: «Слепой ребенок не может овладеть письменной речью... Эта форма поведения, эта культурная функция... оставалась не доступной для слепого ребенка до тех пор, пока не был создан и введен обходный путь развития письменной речи, так называемый точечный шрифт, или шрифт

Брайля. Осязательная азбука заменила оптическую, сделав доступными для слепых чтение и письмо. Но для этого потребовалось создание особой, вспомогательной, специальной искусственной системы, приуроченной к особенностям слепого ребенка. ... Подобно этому, наряду со звуковым языком всего человечества, создан язык жестов для глухонемых — дактилология, т. е. ручная азбука, заменяющая устную речь письмом в воздухе. Процессы овладения этими культурными вспомогательными системами и пользования ими отличаются глубоким своеобразием по сравнению с использованием обычными средствами культуры» (Выготский, 1983, т. 3, с. 38). Таким образом, важнейшей задачей становится культурно-исторический анализ изобретения и развития культурных средств регуляции автобиографической памяти.

В нашем исследовании подобный анализ был проведен на материале истории развития фотографии (Нуркова, 2006). Было показано, что развитие культурных практик, основанных на использовании фотографии, и превращение фотографии в средство преобразования системно организованных ВПФ осуществляется как единый процесс развития культуры и психики человека. Фотография оказывается культурным средством, одновременно преобразующим социум и личность, становясь источником возникновения не существовавших ранее потребностей, видов деятельности, форм познания и общения. Преобразование процессов социализации и индивидуализации личности, появление особого класса «техник себя», реали-

зуемых с применением фотографий, обеспечивает новые траектории системного развития высших психических функций. Человек, входящий в мир культуры, овладевает фотографией как потенциально многогранным социокультурным средством, последовательно распредмечивая возможности этого «орудия», и совершенствует его в новых технических изобретениях. Интериоризация в ходе преобразования интерпсихической формы деятельности в интрапсихическую меняет фотографию, придавая ей символические свойства. Воспоминания о фотографиях становятся внутренними (интериоризованными) средствами регуляции автобиографической памяти. Обращение к «ментальной» фотографии представляет собой закономерную стадию развития внутреннего психологического средства регуляции автобиографической памяти культурного человека. Главным результатом исследования является демонстрация направления дальнейшего развития ВПФ как «нарастание степеней свободы» при овладении полифункциональным культурным средством, когда оно, интериоризуясь, становится психологическим. В исследовании показано, как фотография становится средством осознанного и произвольного преобразования различных функций автобиографической памяти.

Другими изученными нами формами опосредствования автобиографической памяти стали автопортрет и личное имя.

В-четвертых, автобиографическая память как репрезентированная человеку в осознаваемой и интуитивно переживаемой форме субъективная

реальность выполняет специфические функции временной интеграции личности и организации временного аспекта ее самосознания. Развитая автобиографическая память не замыкается сама в себе, а становится условием возникновения таких личностных феноменов, как патриотизм, благодарность, прощение, мудрость (определяемая как способность продуктивно решать жизненные задачи с опорой на свой жизненный опыт и ориентацией на ценности), и, с другой стороны, во многом деструктивных феноменов злопамятности и мстительности. В рамках заявленной методологической позиции мудрость понимается нами в развитии как комплексный интересубъектный психологический феномен разделенного решения субъективно безвыходной ситуации, ведущий к совершению поступка на основе особого автобиографического модуса мышления. В результате положительной динамики развития мудрость может стать атрибутивным свойством личности при переходе в интрасубъективный план функционирования. Высшая стадия становления мудрости заключается в том, что действенный совет запрашивается, генерируется и принимается в процессе внутреннего диалога с собой (Нуркова, Алюшева, 2010).

В-пятых, мы, безусловно, признаем и неэксплицируемые (неосознаваемые) содержания автобиографической памяти, которые уже на протяжении многих лет привлекают внимание ученых (особенно психоаналитической ориентации). Однако значимость направления исследовательского фокуса именно на осозна-

ваемый уровень функционирования автобиографической памяти подтверждается существованием особого мнемического переживания, сопровождающего воспроизведение автобиографически отнесенной информации — состояния автоноэзиса (Tulving, 2001). Мнемическое переживание автоноэзиса («я вспоминаю») характеризуется высокой субъективной достоверностью, когнитивной активностью, сложностью переработки, активным участием конструктивных процессов и интенсивной эмоциональной насыщенностью процесса воспоминания (Нуркова, Еременко, 2003, 2006). М.М. Баткин, характеризуя это явление, вводит специальный термин — «автобиографическое самосознание» (Баткин, 2000, с. 130).

Таким образом, применение системно-функционально-генетического анализа на основе методологии культурно-исторического подхода позволило исследовать автобиографическую память как высшую психическую функцию, организованную по смысловому принципу, оперирующую с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути, имеющую многоуровневую структуру, принципы организации которой определяются использованием различных систем социокультурных средств.

Литература

- Баткин М.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. в 6 т. М., 1983–1986.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
- Гейзенберг В.К.* Физика и философия. М.: Наука, 1989. С. 3–132.
- Давыдов В.В., Радзиховский Л.А.* Теория Л.С. Выготского и деятельностный подход в психологии // Вопросы психологии. 1980. № 6. С. 48–59; 1981. № 1. С. 67–80.
- Зинченко В.П.* Размышления о живой памяти // Психологическая наука и образование. 2001. № 3. С. 5–34.
- Лурья А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Нуркова В.В.* Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 2. С. 16–29.
- Нуркова В.В.* Методы исследования автобиографической памяти // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. № 2. С. 11–31.
- Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Университета РАО, 2000.
- Нуркова В.В.* Биографическое интервью. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2001.
- Нуркова В.В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77–87.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографии: культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006.
- Нуркова В.В.* Фотография как «техника себя»: Анализ с позиций культурно-деятельностной психологии // Культурно-историческая психология: современное состояние и перспективы. М., 2007. С. 70–80.
- Нуркова В.В.* Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–25.
- Нуркова В.В.* Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. В.Д. Соловьева, Т.В. Черниговской. М., 2008. С. 87–102.
- Нуркова В.В.* Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 60–68.
- Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.
- Нуркова В.В., Алюшева А.Р.* Феномен мудрости с позиций культурно-деятельностного подхода // Юбилейная конференция, посвященная 125-летию Московского психологического общества. М., 2009.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В.* Ступени в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 2. С. 22–32.
- Нуркова В.В., Михайлова О.И., Назлоян Г.М.* Автопортрет как средство саморегуляции личности // Журнал практического психолога. 2005. № 1. С. 100–119.
- Фуко М.* Воля к истине. М., 1996.
- Brewer W. F.* What is autobiographical memory? // *Autobiographical memory* /

D. Rubin (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 25–49.

Conway M.A., Pleydell-Pearce C.W. The Construction of Autobiographical Memories in the Self-Memory System // *Psychological Review*. 2000. 107. 2. 261–288.

Conway M.A., Rubin D.C. The Structure of Autobiographical Memory // *Theories of Memory* / A.E. Collins, S.E. Cathercole, M.A. Conway, P.E. Morris (eds.). Hove, U.K., 1993. P. 103–137.

Magnussen S., Andersson J., Cornoldi C., De Beni R., Endestad T., Goodman G.S., Helstrup T., Koriat A., Larsson M., Melinder A., Nilsson L.G., Ronnberg J., Zimmer H. What people believe about memory // *Memory*. 2006. 14. 5.

Nelson K. Self and social functions: Individual autobiographical memory and collective narrative // *Memory*. 2003. 11. 125–136.

Rubin D.C., Berntsen D. Cultural Life Scripts Structure Recall from Autobiographical Memory // *Memory & Cognition*. 2004. 32. 3. 427–442.

Theoretical perspective on autobiographical memory / CON AMORE – Center on Autobiographical Memory Research // Aarhus University, Denmark, June 13th–16th 2010.

Tulving E. Origin of Autonoesis in Episodic Memory // *The Nature of Remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder* / H.L. Roediger III, J.S. Nairne et al. (eds.). Washington, 2001.

ПСИХОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИИ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА)

А.В. РОССОХИН

Россохин Андрей Владимирович — старший научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор монографий: «Личность в измененных состояниях сознания» (2004) и «Рефлексия и внутренний диалог в ИСС. Интерсознание в психоанализе» (2010). Главный редактор и составитель монографий: «Антология современного психоанализа» (2000) и «Французская психоаналитическая школа» (2005, совместно с А. Жибо). Практикующий психоаналитик.
Контакты: rossokhin@mail.ru

Резюме

В статье отражены исследования психоаналитического процесса, позволившие автору разработать новое научное направление — психологию рефлексии измененных состояний сознания (ИСС). Полученные результаты позволяют утверждать, что именно рефлексия ИСС как активный субъектный процесс порождения смыслов запускает и осуществляет интеграционные процессы в личности. Это утверждение доказывается обширными теоретическими и эмпирическими исследованиями различных аспектов рефлексии ИСС, возникающих в ходе психоаналитического процесса, — ее особенностей, структуры и уровней, динамики протекания рефлексии, условий ее активизации и формирования, взаимосвязи рефлексии ИСС с внешним и внутренним диалогом, внешнекоммуникативной и интрапсихической направленности рефлексивных процессов в ИСС, эффективности различных рефлексивных стратегий в ИСС.

Ключевые слова: *личность, рефлексия, внутренний диалог, психоанализ, измененные состояния сознания, психоаналитический процесс, бессознательное, сновидения*

Я начну эту статью с определения ключевых понятий и описания основных проблем, на решение которых направлено разработанное мною новое научное направление — психология рефлексии измененных состояний сознания.

Являясь активным субъектным процессом, преобразующим внутреннюю реальность человека, рефлексия трудноуловима эмпирически и операционально. Актуальность исследования рефлексии измененных состояний сознания (ИСС) определяется недостаточностью эмпирических и экспериментальных методов ее изучения, насущной необходимостью сделать материалом общепсихологического исследования психоаналитический процесс и в целом психотерапевтическую практику.

Наше **определение рефлексии** состоит в следующем. Личностная рефлексия — это активный субъектный процесс порождения смыслов, основанный на уникальной способности личности к осознанию бессознательного (*рефлексии нереплексивного*) — внутренней работе, приводящей к качественным изменениям ценностно-смысловых образований, формированию новых стратегий рефлексии и способов внутреннего диалога, интеграции личности в новое, более целостное состояние.

Важнейшим методологическим основанием для понимания рефлексии ИСС служит феноменология Э. Гуссерля и феноменологическая концепция М. Мерло-Понти. Э. Гуссерль утверждал, что самоактуализация может происходить лишь посредством рефлексии с учетом существенной связи между рефлексивным и нереплексивным опытом.

Именно рефлексия, согласно Э. Гуссерлю, обладает *свойством изменения сознания*. Это приводит Э. Гуссерля к разделению всех переживаний сознания на рефлексивные и нереплексивные. Он понимает нереплексивный опыт как любой неотрефлексированный опыт, включая и опыт неотрефлексированных рефлексий.

М. Мерло-Понти акцентирует внимание на *рефлексии нереплексивного*, которая является подлинным творчеством и *способом изменения структуры сознания*.

В целом традиционная интерпретация рефлексии, выражающаяся в конституирующей работе сознания, расценивается современной философской мыслью как понимание рефлексии исключительно с позиций интеллектуализма. Разрабатываемое нами *новое общепсихологическое понимание рефлексии как рефлексии нереплексивного* исходит из представления о недостаточности сферы сознания, его зависимости от нереплексивных психических содержаний.

В зарубежных исследованиях, посвященных проблеме рефлексии, мы встречаем, с одной стороны, недостаток экспериментальных и эмпирических исследований личностной рефлексии и, с другой стороны, их интеллектуалистическую в теоретическом плане ориентацию, присущую в первую очередь метакогнитивизму и в целом большинству зарубежных исследований мышления. В исследованиях когнитивной и метакогнитивной психологии все функции рефлексии замещаются метакогнитивными процессами (формирование метакогнитивных стратегий, метамышление, метапамять,

метакогниция, метапонимание, метакогнитивная регуляция, метапроцессы как «клей» для целостной психики). Однако при этом происходит не просто *замещение рефлексивных процессов метакогнитивными*, но и существенное *обеднение самой сущности рефлексии*. Она низводится до обслуживания контроля, мониторинга, регуляции, планирования, согласования и др. Таким образом исчезает не только личностный план рефлексии, но и вся «целостная личность», чьим «клеем», с точки зрения общей психологии, и является рефлексия. При этом организованная иерархическим образом рефлексивная регуляция (Карпов, 2004) или прямо отождествляется с метакогнитивными процессами, или в более частных случаях превращается либо в один из метакогнитивных процессов, либо даже в «базовый регулятивный компонент метакогниции».

Наш подход к исследованию рефлексии принципиально отличается от метакогнитивно-ориентированных концепций рефлексии, в которых последней отводится регулятивная роль, что способствует достижению адаптации субъекта в его отношениях с миром. Когда рефлексия подменяется метакогницией, то та же участь ожидает и субъекта, из которого исчезает все нереплексивное, бессознательное, иррациональное и непостижимое. Часто делается акцент на «повышение меры адаптивности» субъекта и в современных исследованиях рефлексии. Однако благодаря работам Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.Г. Асмолова, А.К. Абульхановой-Славской, В.А. Петровского и

др. мы хорошо знаем, что наличия только адаптивных тенденций взаимодействия человека с самим собой и с миром недостаточно для развития, для формирования личности как субъекта активности. Именно благодаря рефлексии, понимаемой нами вслед за А.Н. Леонтьевым как *внутренняя работа* и вслед за А.Г. Асмоловым как *активный субъектный процесс порождения смыслов*, и возникает выход за пределы адаптивного поведения, позволяющий преодолевать сложившиеся стереотипы и способы рефлексии, формируя субъектность как важнейшее качество развивающейся личности.

Вне всякого сомнения, регуляция, координация, организация, контроль и управление играют существенную роль в процессе адаптации субъекта к жизни и деятельности, к своим внутренним переживаниям и др. Однако для развития и становления личности, обретения субъектом индивидуальности их участие, конечно, необходимо, но этого совершенно недостаточно. Важнейшие аспекты рефлексии, обеспечивающие именно процесс развития личности, интегративные процессы, включающие в себя не только сознательные (и тем самым регулируемые), но и *неосознаваемые психические содержания*, не должны оставаться без внимания.

Именно в этом, на наш взгляд, заключается суть личностной рефлексии, позволяющей рассматривать ее как механизм качественных изменений ценностно-смысловых образований и интеграции личности в новое, более целостное состояние.

Психоанализ, являясь методом погружения субъекта в ИСС в ходе особым образом организованной

рефлексии, предоставляет уникальный эмпирический материал для общепсихологического исследования динамики личностной рефлексии ИСС и ее влияния на различные аспекты жизнедеятельности личности. Теоретическое и эмпирическое исследование этой личностной рефлексии ИСС и служит главной целью нашей работы.

Я определяю ИСС как состояния, в которых происходит трансформация семантических пространств субъекта, изменения формы категоризации, сопровождающиеся переходом от социально-нормированных культурой форм категоризации к новым способам упорядочения внутреннего опыта и переживаний.

Разработанные нами (Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998) критерии возникновения ИСС следующие: 1) переход от преимущественной опоры на вербально-логические, понятийные структуры, к отражению в форме наглядно-чувственных (довербальных) образов; 2) изменения эмоциональной окраски отражаемого в сознании внутреннего опыта, сопровождающие переход к новым формам категоризации; 3) изменения процессов самосознания, рефлексии и внутреннего диалога; 4) присутствие во внешнем диалоге фрагментов внутреннего диалога; 5) изменения восприятия времени, последовательности происходящих во внутренней реальности событий, частичное или полное их забывание, обусловленное трудностью, а иногда и невозможностью перевода внутреннего опыта, полученного в измененных состояниях, на «язык» социально-нормированных форм категоризации: например, сложность

воспроизведения последовательности событий сновидения во время рассказа о нем в бодрствующем состоянии сознания.

Возникающие в ходе психоанализа состояния сознания полностью соответствуют этим критериям и демонстрируют появление характерных для ИСС изменений в психическом функционировании субъекта. В ходе психоаналитического процесса субъект, проходящий психоанализ, постепенно погружается в особые регрессивные ИСС, сопровождающиеся изменением эмоциональной окраски отражаемого в сознании внутреннего опыта, изменениями процессов самосознания, рефлексии, восприятия времени и последовательности происходящих во внутренней реальности событий.

Характерной особенностью регрессивных ИСС является оживление прошлого в настоящем, приводящее к активизации глубинных бессознательных содержаний личности и их взаимодействию с сознательным Я. Этот новый интерактивный диалог приводит к возникновению у субъекта специфических трансферентных ИСС. Активный рефлексивный процесс их переосмысления и проработки, осуществляемый субъектом с помощью аналитика, приводит к порождению новых личностных смыслов и качественно новых рефлексивных стратегий и способов внутреннего диалога.

Другой признак, по которому феноменологию, полученную в процессе психоанализа, можно отнести к продукции ИСС, — присутствие во внешнем диалоге фрагментов внутреннего диалога. Происходит «диалог сознательного и бессознательного»,

вербально выраженное взаимодействие между психическими структурами, имеющими различную степень представленности в сознании. Именно благодаря ИСС появляется возможность реализации важнейшей функции — рефлексии ранее нерелексивных психических содержаний.

Подобные регрессивные состояния сознания и та или иная рефлективная активность в этих состояниях, возникающие у субъекта в ходе психоанализа, находят свое отражение в вербальном материале психоаналитических сессий. Соответственно, посредством изучения этого вербального эмпирического материала могут быть исследованы как сами ИСС, так и динамика рефлективной активности личности в этих состояниях.

В отечественной психологии пионерские исследования психотерапевтического процесса были осуществлены Е.Т. Соколовой (Соколова, Буракова, 1997; Соколова, Чечельницкая, 2001), внесшей фундаментальный вклад в их понимание и в разработку эмпирических методов их исследования.

Обращаясь к проблеме ИСС, В.А. Петровский различает ясное и измененное состояния сознания (Петровский, 2000). Критерием ясного сознания, с его точки зрения, является обратимость саморефлексии, «след в след» сопровождающей действия человека и динамику его психических состояний (человек при этом может вернуться назад и вновь пройти пройденное). При ИСС индивид не может «вернуться в прошлое», с тем чтобы пройти путь заново. Наряду с понятиями ясного и измененного сознания В.А. Петровский предлагает говорить также о яс-

ном и измененном состоянии самосознания.

В зарубежной психологии и психоанализе значительное количество работ посвящено описанию процесса регрессии, состояниям субъекта на его различных стадиях, психическим содержаниям, возникающим при этом у субъекта, рефлективным процессам, происходящим в этих ИСС как у аналитика, так и у субъекта (Aron, 1996; Aron & Bushra, 1998; Bromberg, 1979, 1996; Lewin, 1955; Rapaport, 1967). Главный акцент в психоаналитических исследованиях ставится на необходимости сохранения рефлективной активности в ИСС, что является важнейшим условием глубокого рефлективного переосмысления ИСС и последующего развития личности.

Основываясь на психоаналитической феноменологии, мы можем выделить *три типа ИСС*, возникающих в ходе психоаналитического процесса: трансферентные ИСС, контртрансферентные ИСС и совместные трансферентно-контртрансферентные ИСС (Россохин, 2004).

Эмпирические исследования психоаналитического процесса в зарубежной психологии представляют собой анализ текстов с целью выявления паттернов коммуникации и аутокоммуникации, личностных особенностей субъектов высказывания. Большая часть исследований проведена на основе качественного анализа единичного психоаналитического случая. В других исследованиях применяются количественные, в частности компьютерные способы обработки данных, ограничивающие субъективность экспертной оценки (Fonagy, 1999, 2002).

Следует заметить, что проблема ИСС разрабатывается не только в общей психологии и психологии личности, но также в психиатрии, клинической психологии и трансперсональной психологии. При этом каждая научная дисциплина рассматривает особый аспект ИСС.

В частности, ИСС активно исследуются в трансперсональной психологии, в рамках которой постулируется спонтанное и самопроизвольное достижение интеграции личности в ходе погружения в ИСС при условии полного прекращения рефлексии и абсолютного доверия глубинным бессознательным процессам.

В связи с этим *актуальной становится основная теоретическая проблема нашего исследования*: какой из двух процессов (рефлексивная работа с нерефлексивными содержаниями как переосмысление личностных содержаний и их взаимоотношений или самопроизвольная, спонтанная интеграция в более целостное Я в ИСС) является причиной, а какой следствием. Рефлексия как процесс смыслопорождения вызывает интеграцию, или произошедшая в ИСС спонтанная интеграция приводит к переосмыслению себя и своих отношений с внутренним миром.

Мы утверждаем и доказываем в целом ряде исследований (Россохин, 1996, 1997, 2002, 2003, 2004, 2009), что именно рефлексия ИСС как активный субъектный процесс переосмысления и преобразования проявляющихся в ИСС ранее нерефлексируемых психических содержаний служит механизмом их трансформации и интеграции с сознанием и, следовательно, приводит к порождению психических новообразований, вы-

ступающих в виде более целостного образа Я и новых способов и форм рефлексии, мышления, эмоционального восприятия и взаимодействия как с психической, так и с внешней реальностью. Это утверждение подкреплено в нашей работе обширными теоретическими и эмпирическими исследованиями.

В более широком контексте одной из наиболее актуальных задач нашего исследования является *анализ и осмысление психоаналитических феноменов с общепсихологических позиций*. Психоанализ представляет собой не только терапевтический метод, но и исследовательскую процедуру, направленную на изучение и развитие личности человека. Специальным образом организованная рефлексия ИСС как внутренняя работа, порождающая новые смыслы, представляет собой самую сердцевину психоаналитического метода. Именно поэтому исследования рефлексии ИСС мы проводим на эмпирическом материале, полученном в ходе психоаналитического процесса.

Новое общепсихологическое понимание личностной рефлексии как рефлексии о нерефлексивном в ИСС делает *актуальным* проведение новых эмпирических исследований, для осуществления которых требуется разработка нового методического арсенала.

Эмпирическую базу нашей работы составили 35 эмпирических исследований, которые преимущественно были проведены на материале протоколов психоаналитических сессий. Всего было исследовано 12 единичных психоаналитических случаев. Общий объем эмпирического материала составил 1300 страниц текста.

Динамика рефлексии ИСС была исследована нами с помощью как известных экспериментальных и эмпирических *методов* — психосемантического анализа, микросемантического анализа, психолингвистического метода, лингвостатистических методов, дискурс-анализа, метода центральной конфликтной темы взаимоотношений (CCRT), так и специально разработанных авторских методов — метода выявления актуализации внутреннего диалога в тексте, метода анализа контекстов внутреннего диалога, модифицированного метода экспликации ментальных карт, метода исследования интрапсихических изменений личности, метода исследования динамики внутриличностных конфликтов, метода исследования трансферентных ИСС, методики расшифровки движения нерелексируемых ассоциаций, методики исследования имплицитного содержания речи субъекта, метода интерактивной рефлексии ИСС.

Одним из ключевых для нашей работы направлений исследования был теоретический и эмпирический анализ взаимосвязи рефлексии ИСС и внутреннего диалога, в ходе которого было выявлено, что основной функцией внутреннего диалога в ИСС является реализация рефлексивных процессов переосмысления как нерелексивных психических содержаний, так и самих стратегий рефлексии и внутреннего диалога в ИСС.

Обращаясь к внутренней реальности ищущего себя субъекта, мы можем заметить, что наиболее значимым в плане личностных изменений является тот внутренний диалог,

который имеет *полилогическую*, а не собственно диалогическую форму. Так, например, полилог между новыми и прежними формами внутренних диалогов эмпирически наблюдается в тексте психоаналитических протоколов в виде включения в диалог *третьей позиции* и возникновение *триалога*.

Результаты исследования взаимосвязи рефлексии ИСС и внутреннего диалога позволили предложить новое определение внутреннего диалога как способа организации *полилогического интрапсихического пространства* личности.

Понимание ИСС как диалогической, вечно изменяющейся, динамической жизни *сознательного и бессознательного* во всевозможных невероятных переплетениях жизни, существующей в «*междумирии*», привело нас к необходимости введения для описания ИСС нового понятия: *интерсознание* и его состояния (Россохин, 2004). Интерсознание — это «междумирие», находящееся между сознанием и бессознательным.

Интерсознание всегда имеет триалогическую природу, т. е. тесно связано не только с диалогом сознания и бессознательного отдельного Я, но и с интерсубъективным диалогом. Диалог может существовать только в присутствии Другого. Этим Другим может выступать и внутренний объект, но только если он тесно связан с внешним субъектом.

В ходе исследований было показано, что метарефлексивные процессы в ИСС формируются у субъекта посредством *триалога*, выступающего в качестве *переходной формы сознания*, содержащей элементы как внешней, так и внутренней речи.

Речь субъекта в момент триалога¹ одновременно направлена и к своему внутреннему собеседнику, и к внешнему участнику диалога. Соответственно, аналитически ориентированное рефлексивное Я субъекта, осуществляющее в том числе и рефлекссию о рефлексии, возникает путем идентификации с рефлексивными функциями психоаналитика.

Этот третий «внутренний собеседник» становится участником внутреннего диалога субъекта, производя анализ и рефлексировав внутренний опыт. В то же время этот «третий собеседник» участвует и во внешнем диалоге, так как для выполняемых им функций требуется соотнесение своей точки зрения с точкой зрения Другого, опора на объективную реальность и принятие во внимание новых возможностей размышления над возникающими проблемами.

В психоаналитическом процессе «третий собеседник» — аналитическое рефлексивное Я субъекта — формирует свои функции и вырабатывает свою позицию в диалоге с аналитиком. В таком случае «третий собеседник» — связующее звено между внешним и внутренним диалогами, способствующее определению позиции индивидуального Я и превращающее внутренний диалог в полилог. Результаты проведенных нами эмпирических исследований взаимосвязи рефлексии и внутрен-

него диалога в ИСС показали, что внутренний полилог часто включает высказывания, отражающие позицию *рефлексии второго уровня, т. е. рефлексии о рефлексии*, имевшей место ранее, что создает условия для переосмысления прежних и формирования принципиально новых личностных рефлексивных стратегий. Выявленная нами в структуре внутреннего диалога в ИСС роль «третьего собеседника» позволяет описать его функции: он наблюдает, рефлексировав, анализирует, переосмысливает. Можно сказать, что этот внутренний объект («третий собеседник») формирует определенное отношение субъекта к его собственным содержаниям сознания, способам рефлексии и внутреннего диалога.

Для проведения исследований взаимосвязи рефлексии ИСС и внутреннего диалога нами была разработана и апробирована методика, позволяющая с помощью эмпирически выявленных признаков определять участки текста с актуализирующимся внутренним диалогом (ВД) и сравнивать их с текстом внутреннего монолога (ВМ). В результате экспертного анализа было определено, что опорными для определения фрагментов текста с ВД выступили два индикатора: наличие противоположных смысловых позиций и присутствие в тексте Я-, Ты- высказываний. Далее был осуществлен

¹ Наше понимание триалога отлично от понятия триалога, впервые в отечественной психологии предложенного А.Б. Орловым. Орлов рассматривает триалог как «... *реальный феномен практики психотерапии-консультирования*, которая, лишь на первый взгляд, являясь диалогическим общением тет-а-тет, *всегда* включает в себя не только две позиции, два голоса психотерапевта-консультанта и пациента-клиента, но также позицию (голос) *наблюдателя* — третьего участника общения» (Орлов, 2002, с. 9).

эмпирический анализ динамики контекстов ВД в ходе рефлексии ИСС. Экспертная группа сравнивала фрагменты внутренне диалогического и внутренне монологического текста на основе анализа разнообразия содержащихся в них контекстов. Качественный анализ выделенных контекстов и подтем обнаружил большое смысловое разнообразие контекстов относительно тем, а также тот факт, что чаще всего именно в текстах ВД вводятся новые аспекты (в форме контекстов) обсуждения темы.

Для количественного исследования контекстов ВД и сравнения их с подтемами ВМ мы ввели два коэффициента: коэффициент разнообразия контекстов внутреннего диалога (КВД) и коэффициент разнообразия подтем внутреннего монолога (КВМ). КВД отражает количество различных точек зрения, способов понимания и интерпретаций, относящихся к теме текста ВД. Он равен отношению количества контекстов к количеству тем внутреннего диалога. КВМ равен отношению количества подтем к количеству тем текста внутреннего монолога. Величины данных коэффициентов мы сравнивали для фрагментов текстов ВД и ВМ.

Количественный анализ показал, что коэффициент разнообразия контекстов внутреннего диалога почти вдвое превышает коэффициент разнообразия подтем внутреннего монолога, т. е. разнообразие контекстов в два раза превышает разнообразие подтем. Для оценки значимости этих различий мы использовали непараметрический критерий (критерий Колмогорова = 0.3047, $p < 0.01$). Применение непараметрического критерия

для определения сходства или различия контекстов внутреннего диалога и подтем внутренне монологического текста показало значимое различие между медианами выборок (критерий Вилкоксона = 9378, $p < 0.01$). Применение критерия Краскала–Уоллиса (критерий Краскала–Уоллиса = 87.56; $p < 0.01$) выявило влияние фактора присутствия внутреннего диалога в тексте на количество контекстов.

Эмпирический анализ динамики контекстов ВД в ходе рефлексии ИСС показал следующее: 1) выявлено статистически значимое различие между текстами ВД и ВМ: контексты текста ВД примерно в два раза количественно превосходят подтемы текста ВМ; 2) в ходе рефлексии ИСС новые личностные смыслы появляются в форме контекстов внутреннего диалога, направленного на рефлексивное преобразование личностно и эмоционально значимых содержаний сознания и самосознания субъекта в ИСС.

В ходе внутреннего диалога прежний вопрос переносится в новое смысловое поле, появляется возможность рефлексивно осмыслить его с других позиций. В контекстах субъект доопределяет свое отношение к проблеме, выясняет его для самого себя, т. е. осуществляет активную рефлексивную работу в ИСС. В подтемах привносится не личностно и эмоционально значимый смысл, а скорее нейтральная информация, уточняющая высказывание и поясняющая его слушателю. Подтемы ориентированы на понимание слушателем сути высказывания.

Эмпирический анализ динамики контекстов ВД в ходе рефлексии

ИСС показал следующее. Рефлексия ИСС как активный процесс смыслопорождения, преобразующий содержание сознания и самосознания, актуализируется в ходе вербализованного внутреннего диалога. Рефлексивные процессы внутренне диалогического высказывания качественно и количественно отличаются от внутренне монологической рефлексии. Они создают условия порождения новых смысловых образований.

Предварительный качественный анализ текстов психоаналитических транскриптов позволил также выявить четыре различных по степени осознанности рефлексивных уровня, каждый из которых имеет название, соответствующее выполняемой им функции.

1. Нарративный (повествование) — позволяет констатировать появление возможности осознания субъектом ранее неосознаваемого психологического материала, а также самого намерения его осознать.

2. Диалогический (реплика) — высказывание внутреннего собеседника.

3. Наблюдающий — наблюдение и анализ собственных мыслей и переживаний.

4. Ценностный — выступает как определенное отношение к собственным мыслям и переживаниям, их сущности и возможным причинам.

Мы провели эмпирическое исследование, направленное на определение количественной выраженности различных рефлексивных уровней в текстах ВД и ВМ. Для этого с помощью метода контент-анализа определялась относительная частота встречаемости рефлексивных уровней в текстах ВД и ВМ.

Результаты описательной статистики показывают, что наличие диалогических реплик является особенностью внутреннего диалога. Активность ценностного и наблюдающего уровней в текстах ВД статистически значимо выше, чем в текстах ВМ. Наиболее значительна разница по ценностному рефлексивному уровню. Активность нарративного уровня в тексте ВМ статистически значимо выше, чем в тексте ВД. Это единственный рефлексивный уровень, активность которого менее выражена в ходе ВД по сравнению с ВМ. Этот уровень рефлексии отражает наиболее примитивные формы осознания, поэтому закономерно их появление именно в текстах ВМ.

Эмпирический анализ особенностей рефлексивных уровней внутреннего диалога в ИСС показал следующее:

1. Сравнение частотного распределения рефлексивных уровней в текстах ВД и ВМ позволило выявить статистически значимое различие между ними, прежде всего по ценностному уровню. По сравнению с ВМ, во ВД в большей степени проявляется активность ценностного и наблюдающего рефлексивных уровней, наличие диалогических реплик выступает особенностью ВД. Это свидетельствует о качественных особенностях рефлексивных процессов ВД. Актуализация этих рефлексивных уровней в ИСС создает возможность рефлексивного переосмысления и преобразования устойчивых паттернов самовосприятия и восприятия внутренней и внешней реальности, которое происходит в ходе ВД.

2. В ходе ВД зафиксирована наибольшая активность ценностного и

наблюдающего уровней рефлексии ИСС. В тексте ВМ также преобладает активность ценностного рефлексивного уровня, приблизительно одинакова активность наблюдающего и нарративного уровней, практически отсутствует диалогический уровень рефлексии.

Результаты исследования показали, что диалогический уровень рефлексии ИСС практически отсутствует в текстах вне внутреннего диалога. Он является отличительной чертой вербализованного внутреннего диалога в ИСС. Выявлена статистически значимая большая степень активности, по сравнению с обычным текстом ценностного и наблюдающего рефлексивных уровней внутреннего диалога в ИСС. В ходе вербализованного внутреннего диалога в ИСС задействуются метарефлексивные процессы наблюдения, осмысления и изменения, преобразующие содержание сознания и самосознания. Эти процессы не свернуты в полной мере, как повествовательный уровень рефлексии, что создает возможность трансформации самих рефлексивных процессов в ходе внутреннего диалога в ИСС. Новые способы рефлексии позднее фиксируются в повествовательном уровне рефлексии.

Динамика рефлексии ИСС, ее особенности, условия ее активизации, взаимосвязь рефлексии ИСС с внешним и внутренним диалогом были впервые исследованы нами с помощью микросемантического анализа — метода, разработанного А.В. Брушлинским (Брушлинский, 1979) для анализа субъект-объектных связей и отношений.

Для осуществления подобного исследования рефлексии ИСС требу-

ется обработать с помощью микросемантического анализа большое количество материала, собранного за длительный промежуток времени осуществления субъектом психоаналитического процесса (продолжительностью не менее двух лет). Это вызвано спецификой процесса аналитической рефлексии ИСС, который ориентирован на рефлексивное осмысление субъектом своего внутреннего мира в его различных проявлениях.

В ходе микросемантического анализа, который впервые использовался нами для анализа субъект-субъектных отношений, была обнаружена связь процессов прогнозирования и характера коммуникаций, возникающих в процессе рефлексии ИСС в зависимости от степени сформированности у субъекта «аналитического рефлексивного Я» и выражающихся в разных формах высказываний психоаналитика.

Микросемантический анализ пар и последовательностей высказываний психоаналитика и субъекта позволил сделать вывод о том, что рефлексия субъекта целенаправленно побуждается и организуется высказываниями психоаналитика. С помощью микросемантического анализа были выделены различные типы высказываний психоаналитика на основании предмета и цели их направленности. Выявленные типы высказываний отражают разные стороны процесса активизации рефлексии ИСС — продуцирование материала и его рефлексивное осмысление, «проживание» в реальности «здесь и теперь» и рефлексивную проработку трансферентных ИСС (переноса), искажающих эту реальность.

Рефлексия субъекта побуждается в отношении наблюдения аспектов, необходимых для осознания и использования в качестве материала для дальнейшей рефлексии ИСС.

По степени овладения субъектом психическим процессом рефлексии ИСС были выделены следующие формы рефлексии: обращение внимания на себя и на содержание собственного сознания, «называние» происходящего с использованием индивидуальной системы значений, «осмысление» отдельного явления в логике целостной многоуровневой смысловой сферы личности.

Динамика интрапсихических изменений личности в ходе психоаналитического процесса была исследована нами с помощью психосемантического и психолингвистического анализа. Предметом исследования в обоих случаях являлись внутренние отношения личности и интрапсихические инстанции Ид, Эго, Супер-Эго, выделяемые в психоаналитическом представлении об организации психики. Были изучены транскрипты 12 сессий единичного психоаналитического случая, из которых были эксплицированы 20 объектов. Интрапсихические инстанции Ид, Эго и Супер-Эго составили три соответствующие категории. Экспертным образом в процессе анализа психоаналитической литературы и психоаналитического дискурса было выделено 45 пар дескрипторов (прилагательные и причастия) по 15 пар для каждой категории.

Разработанная нами для этого исследования методика представляет собой модификацию метода семантического дифференциала и метода экспликации ментальных карт: для

оценки предлагаются объекты (люди и представления о них) — личностный семантический дифференциал, и в то же время существуют три априорных категории-фактора, о которых не знает человек, заполняющий опросник. Был составлен опросник, содержащий 45 переменных и 20 объектов. Это дает возможность построения трехмерного пространства объектов по заданным категориям. Субъект один раз в месяц в течение 10 месяцев заполнял предлагаемый опросник. Полученные данные были занесены в матрицы смешения, содержащие 20 строк и 45 столбцов. Были проанализированы результаты по каждому временному срезу и динамика их изменений. Для каждого этапа были построены трехмерные пространства объектов, которые также подверглись анализу.

Анализ полученных данных показывает, что позиции внутренних объектов динамичны и изменяют свое положение в интрапсихическом пространстве по мере осуществления субъектом аналитической рефлексии ИСС. Это подтверждает гипотезу о том, что в процессе особым образом организованной рефлексии в ИСС происходит реорганизация пространства внутренних объектных отношений, переосмысление субъектом своих взаимоотношений с внутренними объектами. Эти изменения являются индикатором происходящей в ходе аналитической рефлексии ИСС модификации ригидных паттернов взаимоотношений со значимыми интроецированными другими и, следовательно, отражают процесс рефлексивной проработки и разрешения проблем, связанных с трансферентными ИСС (переносом).

Наглядное представление внутренних объектов в пространстве дает возможность обозначить тип развивающихся трансферентных ИСС путем выявления объекта, наиболее близкого к объекту «Аналитик». Такой эмпирический способ анализа психоаналитического феномена *переноса* может быть полезен как дополнительный при общем анализе пространства внутренних объектных отношений. Например, в нашем исследовании объект «Аналитик» достаточно стабильно расположен рядом с объектами «Счастливый человек» и «Муж» (см. рисунок 1). Это свидетельствует о том, что паттерн внутренних взаимоотношений с мужем близок с паттерном взаимоотношений с аналитиком.

Данные пространства также дают нам возможность говорить о наблюдаемых *идентификациях*. Например, на рисунке 1 объекты «Я сейчас» и

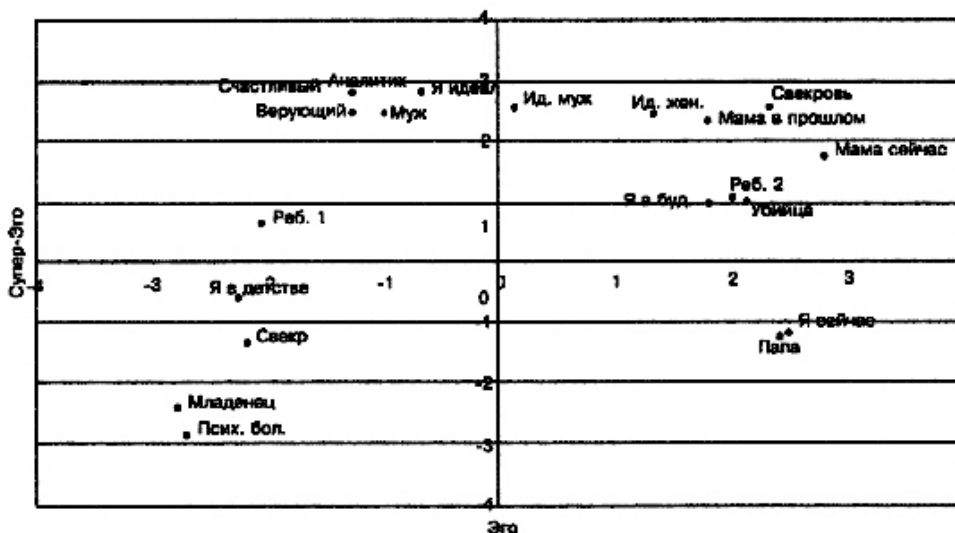
«Папа» расположены очень близко, что позволяет говорить об идентификации субъекта с отцом на данном этапе рефлексивной работы в ИСС.

Анализ динамики интрапсихических изменений личности в ходе рефлексии ИСС демонстрирует увеличение показателей Эго при уменьшении показателей Ид и Супер-Эго. В ходе корреляционного анализа с применением критерия Спирмена была выявлена значимая отрицательная корреляция категорий Эго и Супер-Эго ($r_s = -0.72, p < 0.05$), высокая значимая положительная корреляция категорий Ид и Супер-Эго ($r_s = 0.9, p < 0.01$) и тенденция достоверной связи (средняя отрицательная корреляция) категорий Ид и Эго ($r_s = -0.63, p < 0.1$).

Это эмпирически подтверждает гипотезу, высказанную еще З. Фрейдом: «Где было Ид, должно стать Эго» — и отражает ход аналитической

Рисунок 1

Пространство внутренних объектов (Эго – Супер-Эго). Срез № 4 (март)

рефлексии ИСС в процессе психоанализа. Динамика представленности внутренних объектов в интрапсихическом пространстве показана на рисунке 2.

Эта динамика является важной информацией для количественной и качественной оценки происходящих в ходе аналитической рефлексии ИСС изменений. Так, например, расположенные сначала рядом объекты «Я сейчас» и «Убийца» по мере осуществления аналитической рефлексии ИСС оказались на значительном расстоянии друг от друга, а объект «Я-идеал», находившийся рядом с объектами «Аналитик», «Муж», «Верующий», переместился в направлении «Идеал женщины».

В психосемантическом исследовании оценка интрапсихической динамики производилась самим испытуемым и, как следствие этого, была

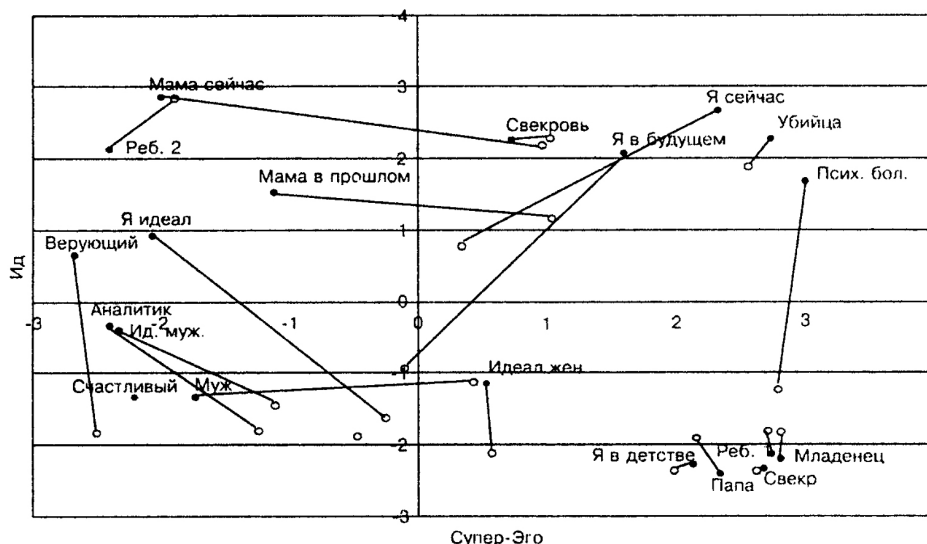
в определенной мере субъективной. Поэтому мы провели оценку тех же показателей (Ид, Эго и Супер-Эго) также прямым методом лингвостатистического анализа дословных транскриптов речи субъекта. Были разработаны лингвостатистические критерии соотнесения текста спонтанной речи с интрапсихическими инстанциями Ид, Эго и Супер-Эго. Оценка показателя инстанции Эго осуществлялась по частоте встречаемости местоимения «я» в сочетании с глаголами активной формы, когда человек обозначает себя как активного субъекта действия.

Пример 1. «Я приняла решение двигаться дальше, пусть даже будет много трудностей, и иногда, возможно, мне будет не хотеться ... и ... и, возможно, будет больно».

Оценка показателя инстанции Ид осуществлялась по частоте

Рисунок 2

Динамика представленности внутренних объектов в интрапсихическом пространстве (Ид – Супер-Эго)

встречаемости возвратных и безличных глаголов, а также наречий образа действия в сочетании с местоимениями «мне», «меня», страдательных причастий в сочетании с местоимением «я».

Пример 2. «В тот момент я была совершенно растеряна, что происходит, почему эти люди меня не слушают, я металась, я была охвачена ужасом».

Пример 3. «В такие моменты мне всегда хочется чего-нибудь сладенького».

Оценка показателя инстанции Супер-Эго осуществлялась по частоте встречаемости высказываний, носящих характер долженствования, оценки, вины. Оно может и не содержать местоимения «я», «мне», иметь форму глагола повелительного наклонения, выражаться в вопросе, подразумевающим ответ позволения или оценки.

Пример 4. «Я должна забыть и никогда об этом не вспоминать, забыть как страшный сон, все пройдет, не надо даже и думать».

Пример 5. «Мы возьмем с вами в этом болоте, я ничего не хочу, мои переживания ничего не стоят ... это все пустое, не вижу смысла говорить об этом дальше ... я — корова, я, я — беззаботная корова, пасущаяся на лугу».

Пример 6. «Ведь я была не права в этой ситуации, правда?»

Было проанализировано 10 транскриптов психоаналитических сессий, совпадавших по времени со срезами в психосемантическом исследовании. По каждой сессии подсчитывался относительный показатель высказываний для каждой из категорий — Ид, Эго и Супер-Эго — и

относительный показатель их изменения.

В ходе корреляционного анализа с применением критерия Спирмена была выявлена высокая значимая отрицательная корреляция категорий Ид и Эго ($r_s = -0.95, p < 0.01$), высокая значимая отрицательная корреляция категорий Эго и Супер-Эго ($r_s = -0.96, p < 0.01$) и высокая значимая положительная корреляция категорий Ид и Супер-Эго ($r_s = 0.87, p < 0.01$). Таким образом, психолингвистический анализ обнаружил ту же самую тенденцию, которую мы получили в ходе психосемантического анализа, а именно в ходе рефлексии ИСС происходит усиление Эго при одновременном ослаблении давления на него Супер-Эго и Ид.

Психосемантический анализ ИСС показал, что в процессе рефлексии ИСС происходит реорганизация внутренних отношений личности, а именно при увеличении показателя психической инстанции Эго уменьшаются показатели психических инстанций Супер-Эго и Ид. Это было также подтверждено результатами психолингвистического исследования.

В целях более детального исследования влияния аналитической рефлексии на динамику трансферентных ИСС была применена модифицированная нами методика экспликации ментальных карт.

Возникающие в ходе рефлексии ИСС трансферентные состояния сознания являются важнейшим феноменом психоаналитического процесса. Необходимость углубления общепсихологических представлений о личности, переживающей эти состояния в ходе активной рефлексии в

ИСС, требует разработки и применения формализованных методов исследования. Мы показали, что модифицированный метод экспликации ментальных карт, наряду с психосемантическим и психолингвистическим анализом, позволяет эффективно исследовать динамику развивающихся ИСС в ходе активной рефлексивной работы с нерелексивными психическими содержаниями.

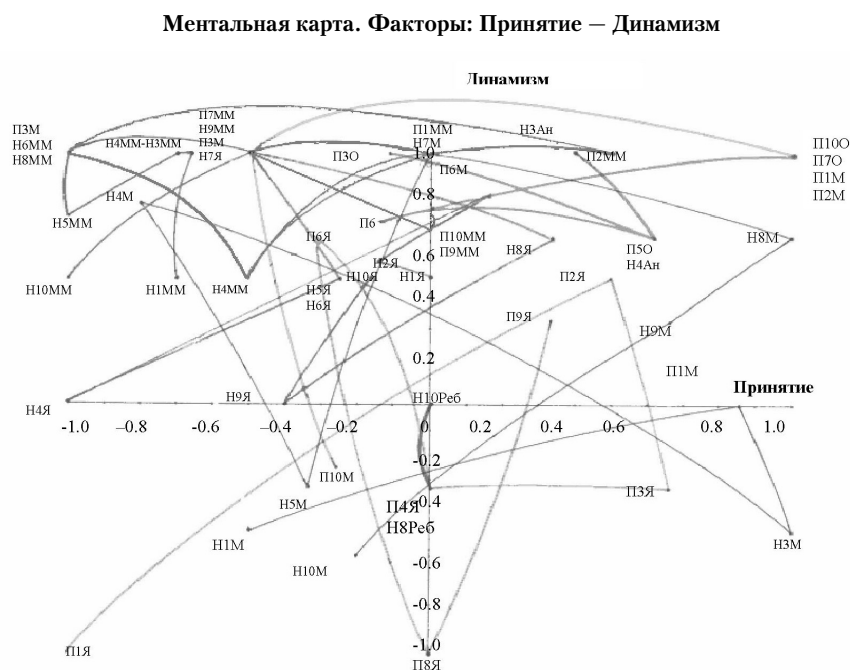
Динамика трансферентных ИСС в ходе рефлексии ИСС, отраженная в динамике взаимного расположения объектов в индивидуальном ментальном пространстве, была исследована на основе материала десяти транскриптов психоаналитических сессий. Методом экспликации ментальных карт были выделены наиболее часто встречающиеся и значимые для субъекта объекты индивидуального ментального пространства. В целях исследования влияния аналитической рефлексии на динамику трансферентных ИСС методика экспликации ментальных карт (Латынов, 1996) была модифицирована. Была сохранена процедура описания объектов с помощью дескрипторов, но каждый объект был описан так, как он представлен в прошлом и настоящем. Например, «мать в прошлом» и «мать в настоящем» были двумя разными объектами. Эта модификация методики позволяет наглядно представить положение объекта из прошлого относительно объекта в настоящем. Так как перенос (трансферентное ИСС) — это проявление прошлого в настоящем, то совпадение места положения объекта в настоящем с объектом из прошлого будет указывать на наличие феномена трансферентного ИСС.

Получаемая в ходе применения методики ментальная карта трехмерна, так как каждый дескриптор оценивается по трем параметрам: «Принятие» (принимает — отвергает), «Компетентность» (компетентен — некомпетентен) и «Динамизм» (активный — пассивный). Экспертное оценивание производилось по трехбалльной шкале. Затем посредством подсчета средних значений определялись значения каждого объекта по указанным параметрам. Все выделенные объекты были распределены в общем трехмерном пространстве. Само пространство было представлено в виде трех двумерных пространств с разными осями координат (см. рисунок 3).

На полученном в ходе исследования единичного психоаналитического случая ментальном пространстве субъекта мы обнаруживаем совпадение объекта «Аналитик в настоящем» с объектом «Отец в прошлом». Это отражает развитие трансферентного ИСС (отцовского переноса): субъект видит в аналитике отцовскую фигуру. Совпадение объекта «Муж в настоящем» с объектом «Мать в прошлом» указывает на то, что субъект в настоящем видит в муже материнскую фигуру.

Сравнение результатов, полученных модифицированным методом экспликации ментальных карт, с результатами применения метода центральной конфликтной темы взаимоотношений (ССРТ), выявило их практически полное совпадение. Таким образом, вывод о том, что модифицированный метод экспликации ментальных карт может эффективно использоваться для исследования динамики трансферентных

Рисунок 3

Примечание. НММ — мама в настоящем, ПММ — мама в прошлом, НО — отец в настоящем, ПО — отец в прошлом, НМ — муж в настоящем, ПМ — муж в прошлом, НЯ — Я пациентки в настоящем, ПЯ — Я пациентки в прошлом, НАн. — аналитик в настоящем, НРеб. — будущий ребенок пациентки.

состояний сознания в ходе рефлексии ИСС, получает дополнительное подтверждение.

Исследование влияния аналитической рефлексии ИСС на динамику неосознаваемых субъектом внутриличностных конфликтов показало, что активизация рефлексивных процессов в ИСС приводит к расширению способов внутриличностного взаимодействия, что в свою очередь способствует росту понимания субъектом не осознаваемых им ранее внутриличностных конфликтов, их рефлексивному переосмыслению и переработке. Результаты кластерного анализа позволили сделать вывод,

что способы взаимодействия с внутренними объектами разделяются на две основные группы: прежние и новые способы взаимодействия. Во вторую группу входят также рефлексивные высказывания субъекта. Группа прежних способов взаимодействия с внутренними объектами практически полностью совпадает с формулировкой центральной конфликтной темы взаимоотношений, выявленной с помощью метода центральной конфликтной темы взаимоотношений (ССРТ). Именно эти ригидные способы взаимодействия и представляют собой основу интрапсихического конфликта.

Динамика рефлексии ИСС была впервые исследована нами на материале рассказов субъекта о своих сновидениях. В частности, в ходе одного из исследований был проанализирован многолетний психоаналитический случай, из материала которого были выделены 200 рассказов о сновидениях одного субъекта.

Было показано, что внешнекоммуникативная направленность сновидений заменяется на интрапсихическую и при этом содержание рефлексивных процессов в ИСС качественно изменяется.

Выявлена активизация и углубление рефлексивных процессов в рассказах субъекта о своих сновидениях в ИСС. По мере развития рефлексии ИСС субъект начинает все больше рефлексивно осмысливать свои сновидения, что приводит к развитию «рефлексирующего Я»; увеличению количества сновидений и их объема; более разнообразным эмоциональным проявлениям, к увеличению способности субъекта вербально описывать собственные эмоции; к количественному изменению интрапсихических образов: связей между образами становится больше, пространство образов увеличивается; к качественному изменению интрапсихических образов: они становятся ярче и многомернее; меняются связи между различными образами; рефлексивные процессы начинают концентрироваться вокруг определенных психических образов.

Дискурс-анализ рефлексии ИСС позволил выявить скрытую (в той или иной мере нерелексивируемую) динамику коммуникативной активности личности в ходе рефлексии ИСС и наличие имплицитных ком-

муникативных намерений. Очевидное, с точки зрения неискушенного внешнего наблюдателя, — обычное состояние сознания (ОСС) субъекта обнаруживает свою *скрытую измененную составляющую*.

Было показано, что совпадение явного содержания текста высказывания и содержания имплицитных коммуникативных намерений субъекта свидетельствует о порождении новых имплицитных коммуникативных намерений, приводящих к возникновению новых способов взаимодействия.

Возвращаясь к теоретической дискуссии представителей общей и трансперсональной психологии о роли рефлексии ИСС, на основании полученных теоретических и эмпирических результатов можно утверждать, что именно рефлексия ИСС как активный субъектный процесс порождения смыслов запускает и осуществляет интеграционные процессы в личности. Это утверждение доказывается обширными теоретическими и эмпирическими исследованиями различных аспектов рефлексии ИСС — ее особенностей, структуры и уровней, динамики протекания рефлексии, условий ее активизации и формирования, взаимосвязи рефлексии ИСС с внешним и внутренним диалогом, внешнекоммуникативной и интрапсихической направленности рефлексивных процессов в ИСС, эффективности различных рефлексивных стратегий в ИСС. Были исследованы внутрдиалогические процессы, обеспечивающие реализацию рефлексии ИСС; процессы смыслопорождения в ИСС; влияние рефлексии ИСС на динамику интрапсихических изменений

личности, на динамику внутриличностных конфликтов, на динамику скрытой коммуникативной активности личности.

В результате этих исследований нами было разработано *новое научное направление — психология рефлексии ИСС*, ключевым для которого является новое общепсихологическое понимание личностной рефлексии ИСС как активной рефлексивной работы с нерелексируемыми психическими содержаниями, что приводит к качественным изменениям ценностно-смысловых образований, формированию новых стратегий рефлексии и способов внутреннего диалога, интеграции личности в

новое, более целостное состояние. Это новое понимание рефлексии акцентирует также такое важнейшее *свойство рефлексии, как способность изменять структуру сознания* и приводить при этом человека в состояние подлинного творчества. Мы можем здесь обнаружить сходство психического функционирования психоаналитической, художественной, актерской и любой другой, присутствующей в различных творческих процессах рефлексии, каждая из которых имеет прямую связь с нерелексивными психическими содержаниями и поэтому разворачивается и осуществляется в измененных состояниях сознания.

Литература

- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В. Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 70–78.
- Латышов В.В. Системное представление картины мира, говорящего в виде ментальных карт // Принцип системности в современной психологической науке и практике. М.: РАН, 1996. Т. 3. С. 47–48.
- Орлов А.Б. Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 3–19.
- Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Петровский В.А. «Идея» Гегеля, «оператор осознания» Лефевра и самопричинность «Я» // Рефлексивное управление. М., 2000.
- Россохин А.В. Проявления личности в измененных состояниях сознания // Индивидуальность как субъект и объект современной жизни (психологические аспекты). Смоленск: СГУ, 1996. С. 48–59.
- Россохин А.В. Интерактивная рефлексия как механизм личностной интеграции в измененных состояниях сознания // Образ в регуляции деятельности (К 90-летию со дня рождения Д.А. Ошанина). М.: РПО, 1997. С. 56–58.
- Россохин А.В. Личность в измененных состояниях сознания (на материале психоанализа) // Ученые записки кафедры

общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. 2002. № 1. С. 279–307.

Россохин А.В. Психология измененных состояний сознания личности (на материале психоанализа) // Вестник РГНФ. 2003. № 3. С. 156–164.

Россохин А.В. Личность в измененных состояниях сознания. М.: Смысл, 2004.

Россохин А.В. Рефлексия измененных состояний сознания: психолингвистический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2009. № 1. С. 12–20.

Россохин А.В. Рефлексия нерелевантного или управление ИСС // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. № 1. С. 87–92.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С. К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопросы психологии. 1997. № 2. С. 61–76.

Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Моделирование стратегий психотерапевтического общения при патологических внутренних диалогах // Московский

психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 102–121.

Aron L.A. Meeting of minds: mutuality in psychoanalysis. Hillsdale, N.Y.: Analytic Press, 1996.

Aron L.A., Bushra A. Mutual regression: altered state in the psychoanalytic situation // J. of the American Psychoanalytic Association. 1988. 46. 389–412.

Bromberg P.M. Interpersonal psychoanalysis and regression // Contemp. Psychoanal. 1979. 15. 647–655.

Bromberg P.M. Standing in the spaces: The multiplicity of self and the psychoanalytic relationship / P.M. Bromberg // Contemp. Psychoanal. 1996. 32. 509–535.

Fonagy P. An open door review of outcome studies in psychoanalysis // Report prepared by the research Committee of the IPA. London: University College, 1999; 2002.

Lewin B.D. Dream psychology and the analytic situation // Psychoanal Q. 1955. 24. 169–199.

Rapaport D. States of consciousness // The Collected Papers of David Rapaport. N.Y.: Basic Books, 1967. P. 385–404.

Короткие сообщения

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ СООТНОШЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Е.А. ВАЛУЕВА, Д.В. УШАКОВ

Резюме

В статье описывается исследование, посвященное эмпирической проверке двухфакторной модели соотношения предметных и эмоциональных способностей. Модель включает в себя два параметра: тип кодирования информации (предметный или эмоциональный) и тип когнитивных процессов (конвергентный или дивергентный). В исследовании приняли участие 162 человека, выполнивших 9 тестов, каждый из которых был направлен на диагностику какой-либо из четырех способностей (предметный интеллект, предметная креативность, эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность). С помощью линейно-структурного моделирования была построена модель, латентными факторами в которой выступили четыре обозначенные выше способности, а манифестными переменными — показатели по соответствующим тестам. Модель показала хорошее соответствие данным. Согласно предсказаниям теоретической модели, ковариации между предметным интеллектом и предметной креативностью, предметной креативностью и эмоциональной креативностью, предметным интеллектом и эмоциональным интеллектом оказались положительными и значимыми. Был получен неожиданный результат, состоящий в негативной связи между эмоциональным интеллектом и эмоциональной креативностью. Эти результаты обсуждаются в терминах способов переработки информации.

Ключевые слова: интеллект, креативность, эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность, линейно-структурное моделирование

Введение

Интеллект и креативность являются традиционными предметами изучения для психологии. Огромное количество исследований посвящено как изучению каждого конструкта по отдельности, так и решению вопроса об их соотношении (см.: Валуева, 2007).

Традиционно креативность в психологии, в отличие от интеллекта, рассматривается в качестве более «монолитной» сущности. И хотя некоторые авторы утверждают, что «...невозможно протестировать общую творческую способность, просто потому — насколько мы можем судить по имеющимся исследованиям — что такой способности не существует» (Ваг, 1993–1994), общеизвестным до недавнего времени являлось разделение творческих способностей лишь на вербальные и невербальные.

В области исследования интеллекта картина совсем иная: постулируется и обосновывается (с большим или меньшим успехом) существование различных видов и подвидов интеллектуальных способностей. Апофеозом подходов, основанных на выделении специфических способностей, является теория множественного интеллекта Х. Гарднера (Gardner, 1983). Наряду с традиционными способностями он обосновывает необходимость введения таких «интеллектов» как интеллект естествоиспытателя (*naturalist intelligence*), а также обсуждает вопрос о выделении «духовного» (*spiritual*) и экзистенциального (*existential*) интеллекта (Gardner, 1999). В отличие от большинства подходов к интеллекту, ос-

нованием для выделения Х. Гарднером разных видов интеллекта были не результаты тестов. По его словам, он искал критерии «...в нейробиологии: какие области мозга опосредуют определенные навыки; в антропологии: какие способности ценились в разных культурах на протяжении истории и предистории человечества; в среде одаренных, ученых и людей с различными отклонениями» (Gardner, 2005, p. 6). Каким образом можно измерить выделенные им интеллекты и можно ли это сделать вообще — неизвестно, так как сам автор признается: «Я решил, что сам не хочу принимать участие в деле создания инструментов оценки, хотя мне было бы очень приятно, если бы другие решили заняться разработкой методов для оценки различных типов интеллекта» (Gardner, 2003, p. 6).

Более научно ориентированные психологи относятся к выделению такого большого количества видов интеллекта весьма сдержанно, однако стало общепринятым (хотя и не бесспорным) выделение наряду с вербальным, числовым и пространственным интеллектами таких типов способностей, как практический, социальный и эмоциональный интеллекты (Ушаков 2004 а,б, 2005, 2009; Белова, 2009).

В области креативности после работ Дж. Эверилла и его коллег в 1990-х годах (см., например: Averill, Thomas-Knowles, 1991; Averill, 1999), посвященных введению и всестороннему исследованию конструкта эмоциональной креативности (обзор см.: Валуева, 2009), было опубликовано всего несколько исследований, посвященных этой тематике (Fuchs et al., 2007; Zenasni, Lubart, 2008; Ivceovich

et al., 2007). В первой работе авторы, используя ряд самооценочных методик (исключительно самооценочных), показывают тесную связь между эмоциональной и «когнитивной» креативностью, а также их положительную связь со склонностью к фантазиям и отрицательную — с алекситимией (неумением различать эмоции). В исследовании Ф. Зенасни и Т. Любарта также обсуждается вопрос о связи эмоциональной креативности и способности понимать эмоции. В двух исследованиях на французских выборках авторы получили несколько неожиданный результат (правда, с использованием в основном тестовых методов): способность к пониманию эмоций отрицательно связана с эмоциональной креативностью. Работа З. Ивкевич с соавт. заслуживает особого внимания, так как она посвящена изучению структуры эмоциональной креативности и соотношению эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности. С помощью конфирматорного факторного анализа авторы выявили что: 1) в основе выполнения заданий на эмоциональную и предметную креативность лежат два различных, но коррелирующих фактора; 2) эмоциональная креативность лучше всего описывается моделью с несколькими коррелирующими факторами (а не с одним генеральным); 3) соотношение эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности плохо описывается моделью с единым «эмоциональным» фактором.

Как видно из приведенного выше краткого обзора, до настоящего времени не было проведено исследования, в котором достаточно полно была бы изучена взаимосвязь как

традиционных, так и определенных недавно интеллектуальных и творческих способностей. Целью исследования, лежащего в основе настоящей статьи, стало построение адекватной модели для описания соотношения различных видов интеллектуальных и творческих способностей, а также сбор эмпирических данных для ее проверки.

Нами была разработана двухфакторная модель, позволяющая описывать соотношение интеллектуальных и творческих способностей в предметном и эмоциональном планах. Эта модель включает два параметра: во-первых, это тип перерабатываемой информации, которая может быть предметной и эмоциональной; во-вторых, это тип когнитивных процессов: конвергентных и дивергентных.

Исходя из этой модели, можно делать предсказания о связи разных способностей между собой. Так, благодаря общему преобладающему типу перерабатываемой информации эмоциональная креативность должна быть связана с эмоциональным интеллектом, а предметный интеллект — с предметной креативностью. То же самое можно сказать о предметной и эмоциональной креативности и о предметном и эмоциональном интеллекте, которые связаны через потенциалы дивергентного и конвергентного мышления. С другой стороны, модель предсказывает отсутствие связи между эмоциональным интеллектом и предметной креативностью и между эмоциональной креативностью и предметным интеллектом, так как в их основе лежат разные типы кодирования и разные типы когнитивных процессов.

Испытуемые и методы

В эмпирическом исследовании приняли участие 162 ученика 9–10 классов московских школ (65 мальчиков, 92 девочки). Средний возраст составил 15.17 лет ($SD = 0.67$). Все испытуемые проходили батарею тестов, в состав которой в том числе входили следующие методики диагностики предметных и эмоциональных способностей (указаны способности, которые измеряются соответствующим тестом и приведены обозначения показателей, которые будут использоваться в дальнейшем; более подробная информация о каждой из методик содержится в Приложении 1):

1. Тест Равена — общий интеллект, raven.
2. Тест Амтхауэра — вербальный интеллект, ist.
3. Тест отдаленных ассоциаций Медника — вербальная креативность, rat.
4. Рисуночный тест креативного мышления К. Урбана — невербальная креативность, tctdp.
5. Тест «Необычное использование» — вербальная креативность, gulford.
6. Видеотест Овсянниковой—Люсина — эмоциональный интеллект, video_d (дельты с экспертными оценками), video_cog (корреляции с экспертными оценками).
7. Опросник ЭМИн — МЭИ, ВЭИ, ПЭ, УЭ.
7. Тест «Эмоциональные последствия» — эмоциональная креативность, EmCon.
8. Тест «Неконгруэнтные эмоции» — эмоциональная креативность, EmCrea.

9. Опросник Дж. Эверилла — эмоциональная креативность, esi.

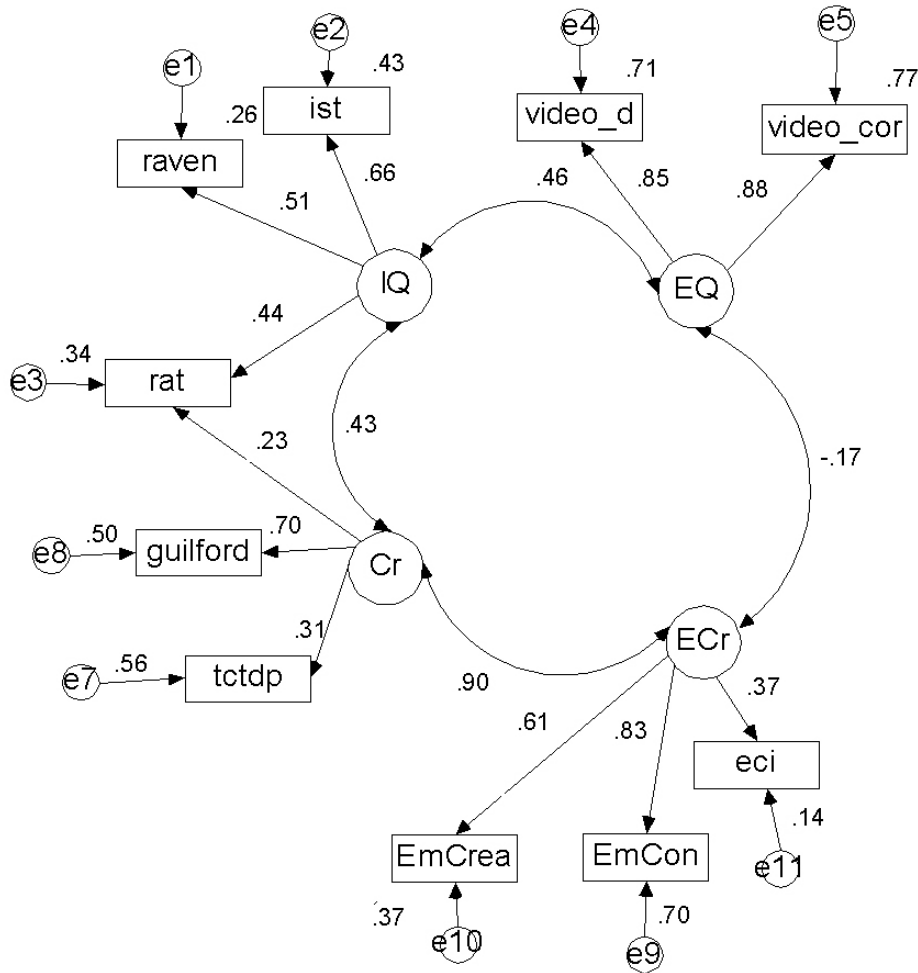
Результаты

В таблице 1 приведена корреляционная матрица переменных, включенных в анализ, а также описательная статистика (на диагонали).

Было проведено линейно-структурное моделирование с использованием статистического пакета Amos 16. Латентными факторами выступили четыре способности: предметный интеллект (ПИ), предметная креативность (ПК), эмоциональный интеллект (ЭИ) и эмоциональная креативность (ЭК). Индикаторами для фактора ПИ выступили показатели по тесту Равена, по тесту Амтхауэра и по тесту Медника, для фактора ПК — показатели по тесту Урбана и тесту «Необычное использование», для фактора ЭИ — два показателя по видеотесту Овсянниковой—Люсина, для фактора ЭК — показатели по тесту «Эмоциональные последствия», тесту «Неконгруэнтные эмоции» и опроснику Дж. Эверилла. Было протестировано несколько моделей, различающихся по связям между латентными и манифестными переменными. Модель, изображенная на рисунке 1, показала наилучшее соответствие данным. Так как тест на многомерную нормальность показал значимое отклонение распределения данных от нормального, была использована оценка хи-квадрат по методу Bollen–Stine bootstrap, значимость которой составила 0.16. Вместе с другими показателями ($GFI = 0.96$, $AGFI = 0.92$, $CFI = 0.98$, $RMSEA = 0.04$) это свидетельствует о хорошей пригодности модели.

Рисунок 1

Конфирматорная модель соотношения предметных и эмоциональных способностей

Обсуждение результатов

При обсуждении результатов отметим несколько особенностей итоговой модели.

1. В итоговый вариант модели не вошли показатели по опроснику ЭМИн. Как видно из корреляционной матрицы, опросник, в отличие от

видеотеста на эмоциональный интеллект, в целом и особенно по шкалам межличностного интеллекта и понимания эмоций имеет тенденцию к положительной связи с эмоциональной креативностью. Однако нагрузки как опросника в целом, так и его отдельных шкал на латентные факторы ЭК и ЭИ не были значимы,

поэтому переменные были исключены из модели.

2. Тест отдаленных ассоциаций Медника нагрузил не только фактор интеллекта, но и фактор креативности, что улучшило соответствие модели данным. Это представляется логичным, так как разработанный С. Медником первоначально как тест креативности Тест отдаленных ассоциаций систематически демонстрирует существенную конвергенцию с тестами интеллекта. Способность к ассоциированию, которую он измеряет, представляет собой, с одной стороны, один из аспектов вербального интеллекта (запас знаний), с другой стороны, один из аспектов вербальной креативности (нахождение связей между отдаленными элементами опыта).

3. Обращает на себя внимание очень сильная (0.9) связь факторов предметной и эмоциональной креативности. Возникает вопрос, не следует ли из этого, что вместо факторов предметной и эмоциональной креативности модель должна включать лишь один общий фактор креативности. Проверка этого предположения показала, что соответствие такой «однофакторной» модели данным несколько хуже, чем у модели, включающей два фактора креативности (Bollen–Stine bootstrap $p = 0.02$, GFI = 0.93, AGFI = 0.89, CFI = 0.94, RMSEA = 0.06).

4. Согласно предсказаниям теоретической модели, мы обнаружили значимые ковариации между латентными переменными и по типу вовлекаемых когнитивных процессов (связь ЭИ–ПИ и ЭК–ПК), и по типу перерабатываемой информации (ПИ–ПК и ЭИ–ЭК). Как и предпо-

лагалось, связей между ЭИ и ПК, а также ПИ и ЭК обнаружено не было. Ковариации между этими переменными, введенные в модель, оказались незначимыми.

5. В соответствии с предсказаниями ковариации между латентными факторами ПИ и ПК, ПК и ЭК, ПИ и ЭИ оказались положительными и значимыми — стандартизованные оценки равны 0.23, 0.90 и 0.46 соответственно. В противоположность предсказаниям по модели мы обнаружили негативную связь эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности (–0.17). В исследовании З. Ивкевич с соавт. были также получены корреляции от слабоотрицательных (–0.12) до слабоположительных (0.16) между задачами на эмоциональный интеллект и разного формата методиками диагностики эмоциональной креативности (Ivcevic et al., 2007). В этом же исследовании, как говорилось выше, не удалось показать, что соотношение эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности описывается одним фактором. Более того, фактор эмоционального интеллекта, так же как и в нашем исследовании, отрицательно коррелировал с одним из трех факторов эмоциональной креативности (–0.18). Ф. Зенасни и Т. Любарт, получившие сходные результаты (негативную корреляцию между способностью понимать эмоции и эмоциональной креативностью), объясняют их противопоставлением ориентации на консенсус (нормативно заданные правила) в случае с задачами на понимание эмоций и ориентации на оригинальные решения в случае креативности в области эмоций. Действительно, в нашем случае, выполняя

видеотест на эмоциональный интеллект, испытуемый просматривает видеосюжеты, а потом оценивает эмоциональное состояние заранее обозначенного героя. Подобная процедура предполагает максимальную подстройку под другого человека с целью понять, что он в данный момент чувствует. При этом задания на эмоциональную креативность предполагают изобретение своего собственного, максимально не похожего на чужие идеи и чувства продукта.

Единственным исследованием, в котором эмоциональная креативность, креативность и способность понимать эмоции объединились в один фактор, является исследование Дж. Фукса с соавт. (Fuchs et al., 2007). Однако, как отмечалось выше, в этом исследовании были использованы только опросники. Этими же причинами (самоотчетным форматом методики), видимо, можно объяснить и то, что в нашем исследовании опросник ЭИИ, по крайней мере на уровне корреляционного анализа, оказался положительно

связан с эмоциональной креативностью.

Выводы

Проведенное исследование позволило, с одной стороны, построить и верифицировать модель соотношения интеллектуальных и творческих способностей в предметном и эмоциональном планах, а с другой стороны — уточнить характер теоретически предполагаемых связей между отдельными факторами.

В качестве перспективы для будущих исследований интересно обсудить то различие, которое обнаружилось во взаимосвязях между двумя видами интеллекта и креативности. В случае с предметными интеллектом и креативностью положительная связь между ними, по всей видимости, обусловлена сходным типом материала. В случае же с эмоциональными интеллектом и креативностью тип информации (эмоциональная) оказывается не столь существен, становится более значимым формат переработки информации.

Литература

Аверина И.С., Щепланова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М.: Совершенство, 1996.

Белова С.С. В психометрических поисках социального интеллекта // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 187–215.

Валужева Е.А. Диагностика эмоциональной креативности: адаптация опросника Дж. Эверилла // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 216–227.

Валужева Е.А. Интеллект, креативность и процессы активации семантической сети: дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

Валуева Е.А., Белова С.С. Диагностика творческих способностей: методы, проблемы, перспективы // Творчество: от биологических предпосылок к культурным феноменам / Под ред. Д.В. Ушакова (в печати).

Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.

Люсин Д.В., Овсянникова В.В. Новые методики измерения эмоционального интеллекта // Юбилейная конференция «125 лет Московскому психологическому обществу». Тезисы докладов. Москва, 26–28 марта 2010 г.

Равен Дж., Курт Дж., Равен Дж.К. Руководство к тесту Равена: Раздел 4. Продвинутое Прогрессивные Матрицы. М.: Когито-Центр, 1998.

Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004 а. С. 11–28.

Ушаков Д.В. Социальный интеллект и его измерение // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004 б. С. 141–160.

Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения // Вестник РГНФ, 2005, №4, с. 131–139.

Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения,

перспективы // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 11–30.

Averill J.R. Individual differences in emotional creativity: Structure and correlates // J. of Personality. 1999. 67. 331–371.

Averill J.R., Thomas-Knowles C. Emotional creativity // International review of studies on emotion. Vol. 1. / T. Strongman (ed.). London: Wiley, 1991. P. 269–299.

Baer J. Why You Shouldn't Trust Creativity Tests // Educational Leadership. 1993–1994. 51. 4. 80–83.

Fuchs G.L., Kumar V.K., Porter J. Emotional Creativity, Alexithymia, and Styles of Creativity // Creativity Research J. 2007. 19. 2–3. 233–245.

Gardner H. Frames of mind. New York: Basic Books, 1983.

Gardner H. Intelligence Reframed. Multiple intelligences for the 21st century. New York: Basic Books, 1999.

Gardner H. Multiple Intelligences After Twenty Years. Paper presented at the American Educational Research Association. Chicago, Illinois, April 21, 2003.

Gardner H. Multiple Lenses on The Mind. Paper presented at the ExpoGestion Conference. Bogota Colombia. 2005, May 25.

Ivcevic Z., Brackett M.A., Mayer J.D. Emotional intelligence and emotional creativity // J. of Personality. 2007. 75. 199–235.

Liepmann D., Beauducel A., Brocke B., Amthauer R. Intelligenz-Struktur-Test 2000 R (I-S-T 2000 R). Manual. Göttingen: Hogrefe, 2007.

Mednick S.A. The associative basis of the creative process // Psychological Review. 1962. 69. 220–232.

Urban K., Jellen H. Test for Creative Thinking Drawing Production (TCT-DP): Manual. Amsterdam: Harcourt, 1996.

Zenasni F., Lubart T.I. Perception of emotion, alexithymia and creative potential // Personality and Individual Differences. 2009. 46. 353–358.

Валуева Екатерина Александровна, научный сотрудник Института психологии РАН, ведущий научный сотрудник МГППУ, кандидат психологических наук

Контакты: ekval@list.ru

Ушаков Дмитрий Викторович, заведующий лабораторией Института психологии РАН, руководитель Центра исследования и развития одаренности МГППУ, доктор психологических наук, профессор

Контакты: dv.usakov@gmail.com

Приложение 1

Описание методик, использованных в исследовании.
 (В качестве показателей α -Кронбаха (за исключением опросника ЭмИн) приводятся значения, полученные в настоящем исследовании)

	Название	Краткое описание	Кол-во заданий	α	Показатель	Источник
1	Тест Равена	Тест на общий интеллект. Задания представляют собой матрицы 3x3, в которых пропущен один элемент. Необходимо выявить логическую последовательность элементов и выбрать среди предложенных вариантов ответа правильный	36	0.87	Сумма правильно решенных задач	Равен и др., 1998
2	Тест Амтхауэра (вербальная шкала)	Тест на вербальный интеллект. Состоит из трех субшкал – продолжение предложений, аналогии и обобщения. Адаптированная одним из авторов настоящей статьи версия немцкоязычной вербальной шкалы IST-2000R	3x20	0.77–0.86	Сумма правильно решенных задач	Liermann et al., 2007 (адаптация Е.А. Валуевой)
3	Тест отдаленных ассоциаций Медника (RAT)	Тест на вербальную креативность. Задания представляют собой тройки слов, к которым необходимо подобрать еще одно слово так, чтобы оно сочеталось с каждым из трех предложенных слов	25	0.89	Сумма правильно решенных задач	Mednick, 1962; Валуева, Белова (в печати)
4	Рисуночный тест креативности (ТСТ-DP)	Тест на невербальную креативность. Необходимо закончить рисунок, на котором изображен ряд элементов, заключенных в большую рамку	2	0.72	Балл, вычисленный на основе специальной системы оценок творческого продукта	Urban, Jellen, 1996
5	Необычное использование	Тест на вербальную креативность. Необходимо придумать как можно больше способов использования обычных предметов	2	0.82	Общее число идей (беглость)	Аверина, Щербанова, 1996
6	Видеотест Овсянниковой—Люсины	Тест на эмоциональный интеллект. Испытуемые просматривают короткие видеосюжеты и по ряду шкал оценивают эмоциональное состояние определенного персонажа	7	1. 0.86 2. 0.77	1. Сумма абсолютных делг между оценками испытуемых и экспертов 2. Корреляции с экспертными оценками	Люсин, Овсянникова, 2010

Приложение 1 (окончание)

	Название	Краткое описание	Кол-во заданий	α	Показатель	Источник
7	<i>Опросник ЭМИИ</i>	Опросник эмоционального интеллекта, выявляющий самооценку способности к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями. Включает 4 шкалы и 5 субшкал	46	0.78–0.82 ¹	Межличностный ЭИ Внутриличностный ЭИ Понимание эмоций Управление эмоциями	Люсин, 2006, 2009
8	<i>Тест «Эмоциональные последствия»</i>	Тест на эмоциональную креативность. По аналогии с тестом «Последствия» Е.П. Торранса, необходимо придумать как можно больше последствий воображаемой ситуации, в которую вовлечены эмоции. Например: какими были бы последствия, если бы люди влюбились каждый день в нового человека?	4	0.9	Общее число идей (беглость)	Averill, 1991 (перевод С.С. Беловой, Е.А. Валуевой)
9	<i>Тест «Неконгруэнтные эмоции»</i>	Тест на эмоциональную креативность. В нем описывается определенная ситуация и предлагается эмоция, неконгруэнтная (несоответствующая) содержанию этой ситуации. Например: «Утром вы выходите из дома и видите, что Ваша машина поцарапана. При этом Вы испытываете: радость»	4	0.83	Общее число идей (беглость)	Предложен Д.В. Ушаковым и О. Ивановой
10	<i>Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла</i>	Опросник, измеряющий такие аспекты эмоциональной креативности как готовность к переживанию новых эмоций, новизна (с точки зрения общественных норм) переживаемых эмоций, выражение индивидуальности в эмоциях	30	0.87	Общий показатель (сумма самооценок)	Averill, 1999 (адаптация Е.А. Валуевой (Валуева, 2009)

¹ По данным разработчика (Люсин, 2006, 2009).

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ПРИ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ НЕБЛАГОПОЛУЧИИ И ХРОНИЧЕСКОМ УТОМЛЕНИИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

О.А. ИДОБАЕВА

Резюме

В статье рассматриваются особенности самоактуализации работающих людей зрелого возраста, находящихся в ситуации эмоционального неблагополучия и в состоянии хронического утомления. Актуальность исследования данной проблемы определяется важностью этого процесса в профессиональном и личностном становлении человека. В статье приводятся данные проведенного автором лонгитюдного исследования связи эмоционального неблагополучия (высокого уровня тревожности) и хронического утомления с самоактуализацией работающих людей зрелого возраста.

Ключевые слова: самоактуализация, ситуативная тревожность, личностная тревожность, хроническое утомление

Современная жизнь выстраивает значительное количество препятствий на пути самореализации и самоактуализации человека. Эти препятствия имеют как внутренний, так и внешний характер. И в том, и в другом случае это приводит к напряжению адаптационных возможностей человека, появлению эмоционального неблагополучия, тревожности, изменению функционального

состояния человека. Степень развития хронического утомления является важным опосредующим фактором, обуславливающим особенности актуального функционального состояния. Общая астенизация организма связана с истощением адаптационных ресурсов, что существенно ограничивает возможности человека адекватно реагировать на профессиональные нагрузки и приводит

к необходимости актуализировать в деятельности резервные ресурсы, что усугубляет эффекты перенапряжения и истощения.

При хроническом утомлении наблюдается повышенный уровень усталости и тревожности, что приводит к значительным изменениям в восприятии окружающего мира и самого себя. Это может повлечь за собой неадекватность деятельности индивида в значимых для него сферах жизни.

Профессиональное развитие личности неотделимо от личностного развития; в основе и того, и другого лежит принцип саморазвития, детерминирующий способность личности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, приводящий к высшей форме жизнедеятельности — творческой самореализации (Митина, 1997, с. 29). Чем раньше начнется направленное личностное и профессиональное развитие, тем в большей степени можно прогнозировать психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью и личностный рост каждого человека в современном, меняющемся мире (Митина, 1997, с. 38).

Если мы говорим о профессиональном и личностном росте, то встает вопрос об «эталонной» модели личности. С этой целью педагогическая психология все чаще обращается к теориям личности экзистенциально-гуманистического направления (К. Роджерс, Ф. Перл, В. Франкл и др.).

Общая концепция самоактуализации в зарубежных исследованиях (А. Адлера, К. Гольдштейна, К. Роджерса, А. Маслоу и др.) включает

следующие положения: 1) самоактуализация свойственна полноценным, психически здоровым людям и характеризует определенный уровень их развития, а именно уровень зрелости; 2) она представляет собой врожденную, изначально свойственную человеку тенденцию к саморазвитию, отсутствие которой свидетельствует о нерешенных проблемах базовых потребностей; 3) самоактуализация проявляется в творческом самовыражении человека, источником которого является мотив к самоактуализации, а результатом — реализация психологических, социальных и духовных потребностей; 4) при самоактуализации достигается автономность, независимость внутреннего мира человека, процессов и результатов его деятельности от социальных условий жизни.

Как любой объект психологического анализа, самоактуализация представляет собой многокачественное, многомерное явление. Полноценное понимание роли и значения самоактуализации предполагает тщательный анализ взаимоотношений как целостного состояния самоактуализированности, так и отдельных его компонентов с рядом психологических характеристик.

Несмотря на достаточное количество работ, посвященных тревожности, хроническому утомлению и процессу самоактуализации, сохраняется много неясного в понимании связи между этими явлениями. В ответ на чувство тревоги, возникающее вследствие нарушения равновесия личности и среды, активизируются защитные реакции (как проявление психологической защиты). Это способствует преодолению конфликта

или противоречия, что в конечном итоге имеет целью восстановить утраченное или находящееся под угрозой утраты равновесие, т. е. адаптироваться. Не менее вероятно и развитие процесса по варианту дезадаптации. С теоретической и практической точек зрения, важно знать факторы, способствующие или препятствующие процессу самоактуализации.

В своем исследовании мы ставили **цель** проследить в динамике особенности связи эмоционального неблагополучия (тревожности) и степени напряжения адаптационных ресурсов (степень хронического утомления) с процессом самоактуализации у работающих людей зрелого возраста.

Гипотеза исследования: связь эмоционального неблагополучия (тревожности) и хронического утомления с процессом самоактуализации устойчива во времени и в основном имеет отрицательную направленность. При этом в первую очередь отрицательно связанными с показателями напряжения адаптационных ресурсов могут оказаться шкалы ценностно-смысловой сферы и творческой направленности личности. А такие шкалы самоактуализационного теста, которые отражают способность к рефлексии, межличностную чувствительность и особенности реализации ценностно-смысловых установок в поведении, связи с тревожностью и хроническим утомлением иметь не будут.

В нашем исследовании, носившем лонгитюдный характер, приняли участие 68 человек. В обоих срезах (2007 и 2008 гг.) участвовали 60 человек, их результаты и были отобраны для последующего анализа. Возраст

испытуемых от 30 до 45 лет, все они работники двух московских предприятий: 39 мужчин и 21 женщина. Из них 31 человек имеют высшее образование и 29 человек — среднее специальное. Оба среза проводились в одно и то же время года — осенью (сентябрь). Данные были обработаны с помощью статистической программы SPSS Statistics 17.0. Следует отметить, что исследование проводилось по просьбе руководящего состава и некоторых работников данных предприятий, отмечающих неблагоприятный психологический климат в коллективах, низкую эффективность и продуктивность труда, высокую текучесть кадров. На первом этапе с помощью нижеперечисленных методик было выявлено: невысокий уровень самоактуализации работников обоих предприятий, высокий уровень тревожности и различные степени хронического утомления. Работники были ознакомлены с результатами исследования, с ними были проведены беседы, даны рекомендации по снижению тревожности, оптимизации функционального состояния. Руководство также было проинформировано о выявленных психологических тенденциях и ознакомлено со способами оптимизации управленческой тактики в сложившихся условиях. Через год мы провели повторный срез на той же выборке и с применением тех же методик. В беседах с работниками и управленцами было выяснено, что повысились эффективность и продуктивность труда по сравнению с предыдущим годом, снизилась текучесть кадров, но значительных изменений в психологическом климате коллектива не произошло.

Методики

1. Опросник «Степень хронического утомления» (ИХРУ) — оригинальная версия А.Б. Леоновой (Практикум по инженерной психологии и эргономике, 2003. С. 153–156). Данная методика предназначена для диагностики доклинической степени хронического утомления, которое в своих крайних формах переходит в разряд патологических состояний: астенический синдром, неврозы и т. д.

2. Шкала самооценки Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина. Данный тест является надежным способом самооценки уровня реактивной (ситуативной) и личностной тревожности (Практикум по инженерной психологии и эргономике, 2003. С. 148–153).

3. Самоактуализационный тест (САТ). Авторы: Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинская (Гозман, Кроз, Латинская, 1995). САТ измеряет самоактуализацию по двум базовым шкалам (*Компетентность во времени*, *Поддержка*) и 12 дополнительным (*Ценностные ориентации*, *Гибкость поведения*, *Сензитивность к себе*, *Спонтанность*, *Самоуважение*, *Самопринятие*, *Представление о природе человека*, *Синергия*, *Принятие агрессии*, *Контактность*, *Познавательные потребности*, *Креативность*).

Результаты исследования и их обсуждение

Как видно из таблицы 1, в результатах средних значений 2007 г. низкие показатели самоактуализации получены по шкалам *Компетентность во времени*, *Ценностные ориентации*, *Гибкость поведения*, *Синер-*

гия, а в результатах 2008 г. — по шкале *Ценностные ориентации*, *Синергия*. Наибольшие средние значения по результатам 2007 г. выявлены по шкалам *Самопринятие*, *Принятие агрессии*, *Самоуважение*, а по результатам 2008 г. — по шкалам *Самопринятие*, *Самоуважение*.

Как следует из таблицы 1, значимые изменения (выделено шрифтом) отмечаются по шкале САТ01 (*Компетентность во времени*) и по шкале САТ07 (*Шкала самоуважения*).

Как следует из таблицы 2, в 2008 г. средние значения ситуативной, личностной тревожности и хронического утомления несколько снизились по сравнению с 2007 г. Значимые изменения отмечаются в результатах ситуативной тревожности и хронического утомления. Необходимо отметить, что уровень тревожности, превышающий 45 баллов, свидетельствует о высокой тревожности, а следовательно, об эмоциональном неблагополучии. Значения индекса хронического утомления свыше 17 баллов свидетельствуют о наличии различных степеней хронического утомления.

Как следует из таблицы 3, в исследовании 2008 г. отмечается значительное снижение числа респондентов, имеющих высокий уровень тревожности и степени хронического утомления по сравнению с показателями 2007 г. (значимые различия выделены шрифтом).

Корреляционное исследование

Связи ситуативной и личностной тревожности и хронического утомления со шкалами САТ в исследовании 2007 г. носят отрицательный

Таблица 1

Сравнение средних значений шкал САТ

Переменные	Средние значения		<i>t</i> -критерий Стьюдента	<i>p</i>
	2007 год	2008 год		
САТ01	47	51	-2.367	0.033
САТ02	45	47	0.513	0.616
САТ03	42	45	-0.596	0.561
САТ04	43	46	-0.297	0.771
САТ05	48	45	1.281	0.221
САТ06	47	46	0.968	0.350
САТ07	46	52	-2.228	0.043
САТ08	51	53	0.580	0.571
САТ09	47	48	-0.439	0.667
САТ10	43	44	0.082	0.936
САТ11	49	48	0.229	0.822
САТ12	48	48	0.826	0.423
САТ13	47	50	-0.957	0.355
САТ14	46	46	0.113	0.912

Примечание. Здесь и далее: САТ01 – Шкала компетентности во времени; САТ02 – Шкала поддержки; САТ03 – Шкала ценностных ориентаций; САТ04 – Шкала гибкости поведения; САТ05 – Шкала сензитивности к себе; САТ06 – Шкала спонтанности; САТ07 – Шкала самоуважения; САТ08 – Шкала самопринятия; САТ09 – Шкала представлений о природе человека; САТ10 – Шкала синергии; САТ11 – Шкала принятия агрессии; САТ12 – Шкала контактности; САТ13 – Шкала познавательных потребностей; САТ14 – Шкала креативности.

Таблица 2

Сравнение средних значений по методикам «Ситуативная и личностная тревожность» и «Индекс хронического утомления»

Переменные	Средние значения		<i>t</i> -критерий Стьюдента	<i>p</i>
	2007 год	2008 год		
Ситуативная тревожность	47.1	43.3	3.286	0.004
Личностная тревожность	47.4	44.6	1.756	0.095
Индекс хронического утомления	30.2	23.9	2.964	0.008

Таблица 3

Процент респондентов, имеющих высокий уровень тревожности и различные степени хронического утомления

Переменные	2007 год	2008 год
Ситуативная тревожность	75%	44%
Личностная тревожность	65%	44%
Индекс хронического утомления	80%	56%

Таблица 4

Корреляции первого среза (2007 год)

Шкалы САТ	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность	Индекс хронического утомления
САТ01			
САТ02	-0.362*	-0.463**	-0.573**
САТ03	-0.573**	-0.731**	-0.618**
САТ04			
САТ05			
САТ06			
САТ07	-0.524**	-0.646**	-0.391**
САТ08			
САТ09	-0.591**	-0.559**	-0.385**
САТ10			
САТ11	-0.314*	-0.400**	-0.695**
САТ12			
САТ13	-0.732**	-0.508**	-0.654**
САТ14	-0.466**	-0.356*	

Примечание. Здесь и далее: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

характер (таблица 4) и коррелируют со шкалами *Поддержки, Ценностных ориентаций, Самоуважения, Представлений о природе человека, Принятия агрессии, Познавательных потребностей, Креативности*.

В исследовании 2008 года (таблица 5) характер связей сохраняется отрицательным, причем корреляции выявлены с теми же шкалами, что и в исследовании 2007 г., кроме шкалы *Познавательных потребностей*.

Таблица 4

Корреляции второго среза (2007 год)

Шкалы САТ	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность	Индекс хронического утомления
САТ01			
САТ02	-0.537**	-0.596**	-0.314*
САТ03	-0.518**	-0.353**	-0.423**
САТ04			
САТ05			
САТ06			
САТ07	-0.596**	-0.614**	-0.348**
САТ08			
САТ09	-0.599**		-0.497**
САТ10			
САТ11	-0.390**	-0.339**	-0.309*
САТ12			
САТ13			
САТ14	-0.469**	-0.340**	-0.433**

В результатах обоих срезов не проявились связи тревожности и хронического утомления со шкалами *Компетентности во времени, Гибкости поведения, Сензитивности к себе, Спонтанности, Самопринятия, Синергии, Контактности*.

Если интерпретировать результаты корреляционных связей тревожности и хронического утомления со шкалами САТ по блокам, то можно видеть, что одна из базовых шкал связана с тревожностью и хроническим утомлением и по одной шкале из каждого блока, только блок чувств (шкалы *Сензитивность к себе* и *Спонтанность*) не вовлечен в корреляционные связи. В таблице 1 представлены средние баллы по шкалам

САТ, можно видеть, что только по данному блоку нет роста средних значений по этим шкалам.

Выводы

1. Связь эмоционального неблагополучия и хронического утомления с процессом самоактуализации устойчива во времени и в целом имеет отрицательную направленность.

2. Устойчивость во времени связи самоактуализации с тревожностью и хроническим утомлением свидетельствует о возможной зависимости процесса самоактуализации от тревожности и хронического утомления (и наоборот). Снижение уровня тревожности и хронического утомления

сопровождается повышением показателей самоактуализации, следовательно, процессом самоактуализации можно управлять путем снижения уровня тревожности и восстановления адаптационных ресурсов человека.

3. Не все шкалы самоактуализационного теста обнаруживают связь с тревожностью и хроническим утомлением. Отрицательно связанными с показателями напряжения адаптационных ресурсов оказываются шкалы ценностно-смысловой сферы и творческой направленности личности. А такие шкалы самоактуализационного теста, которые отражают способность к рефлексии, межличностную чувствительность и особенности реализации ценностно-смысловых установок в поведении, связи с тревожностью и хроническим утомлением не имеют.

В исследуемых организациях были проведены мероприятия, направленные на снижение уровня тревожности и оптимизацию функционального состояния, что, возможно, явилось причиной снижения количества работающих, имеющих высокий уровень тревожности и различные степени хронического утомления (при сравнении средних значений за 2007 и 2008 гг. получены значимые различия в показателях ситуативной тревожности и хронического утомления). Мы не можем однозначно сказать о причине снижения уровня тревожности и хронического утомле-

ния, но можем отметить, что на фоне снижения уровня ситуативной тревожности и хронического утомления в 2008 г. отмечен рост показателей самоактуализации по базовой шкале *Компетентность во времени* и шкале *Самоуважение* (сравнение средних значений с использованием параметрического t -критерия Стьюдента приведено в таблице 1). Возможно, указанные явления привели к повышению эффективности и продуктивности труда и снижению текучести кадров (из оценки управленческого состава организаций). Однако у работников не произошло развития гибкости в реализации своих ценностей в поведении, во взаимодействии с окружающими людьми, в сензитивности к себе, в способности понимать свои чувства и чувства других людей и управлять ими в поведении. Этим, возможно, объясняется отсутствие положительных сдвигов в психологическом климате коллективов (по оценке как самих работников, так и управленческого состава). Чувственная сфера психики человека (понимание человеком себя, своих потребностей, чувств и управление ими в поведении) наряду с пониманием чувств других людей и умением ими управлять входит в понятие эмоционального интеллекта (Гоулмен, 2005). Как показало наше исследование, данная психологическая сфера не имеет связи с тревожностью и хроническим утомлением в процессе самоактуализации в зрелом возрасте.

Литература

Гозман Л.Я., Кроз М.В., Латинская М.В. Самоактуализационный тест. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Гулмен Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 29.

Практикум по инженерной психологии и эргономике / Под ред. Ю.К. Стрелкова. М., 2003. С. 148–156.

Идобаева Ольга Афанасьевна, профессор Всероссийской государственной налоговой академии Министерства финансов РФ, кандидат психологических наук, доцент

Контакты: oai@list.ru

ПРОБЛЕМА МЕТАИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Д.С. КОРНИЕНКО

Резюме

Вопрос о взаимодействии индивидуальности с миром был поставлен В.С. Мерлиным как проблема метаиндивидуальности. Развитие представлений о метаиндивидуальности осуществлено в работах, посвященных проблеме влияния метаиндивидуальности учителя на учеников. Однако проблема метаиндивидуальности и метаэффекта не рассматривалась по отношению к семье. На основании эмпирических данных рассматриваются взаимосвязи параметров взаимодействия родителя с ребенком, вклады личностных черт родителей и свойств темперамента детей в характеристики взаимодействия с ребенком. В качестве проявлений метаэффекта рассматриваются показатели родительского отношения. Результаты обсуждаются в контексте проблемы метаиндивидуальности.

Ключевые слова: индивидуальность, метаиндивидуальность, взаимодействие родителей и детей, личность, темперамент

Теоретические представления и эмпирические исследования метаиндивидуальности в рамках теории интегральной индивидуальности

Одной из проблем «Очерка интегрального исследования индивидуальности» (Мерлин, 1986) является

взаимодействие индивидуальности с окружающим миром, и в частности с другими индивидуальностями. В связи с необходимостью рассмотрения вопроса о том, как происходит взаимодействие индивидуальности и окружающего мира, с целью описания этого взаимодействия и последующего эмпирического исследования

В.С. Мерлин вводит понятие «*метаиндивидуальность*». *Метаиндивидуальность* является проявлением конкретной индивидуальности в социуме. Согласно В.С. Мерлину, свойства индивидуальности проявляются во взаимодействии с другими людьми и оказывают на них влияние (Мерлин, 1986). *Метаиндивидуальность* — понятие, позволяющее описать взаимодействие индивидуальности с миром, учитывая при этом и особенности конкретной индивидуальности, и характеристики группы. Характеристиками *метаиндивидуальности* являются прежде всего такие свойства, которые, с одной стороны, характеризуют отношение человека к группе, с другой, являются свойствами одного из уровней интегральной индивидуальности. В качестве *метаиндивидуальных* показателей в исследованиях, выполненных под руководством В.С. Мерлина, рассматривались социометрический статус в группе (Васильева, 1976; Гордцова, 1978; см.: Мерлин, 1986); стили лидерства-руководства (Люкин, 1977; см.: Мерлин, 1986); ценностно-ориентационное единство группы (Пикалов, 1977; см.: Мерлин, 1986).

Проблема влияния одного человека на другого или на группу непосредственно связана с разработкой понятия «*метаэффект*». Изменения, которые оказывает *метаиндивидуальность* одного человека, формируя свойства других людей, описывается *метаэффектом* (Вяткин, 1999; Щукин, 1999). *Метаэффект* можно рассматривать как процесс и результат влияния одного человека на другого. Если рассматривать ситуацию взаимодействия двух людей, то предполагается, что каждый из них оказы-

вает друг на друга *метаиндивидуальное* влияние или возникает *метаэффект*.

«Второе рождение» проблема *метаиндивидуальности* получает в эмпирических исследованиях, выполненных под руководством Б.А. Вяткина, в которых рассматриваются различные *метаиндивидуальные* характеристики учителей и *метаэффект* учителя на собственных учеников. В качестве *метаиндивидуальных* свойств рассматривались стрессоустойчивость (Субботин, 1993), конфликтность (Марголина, 1996), активность (Мантова, 1994, см.: Вяткин, 1999) и др. Данные исследования позволяют с уверенностью говорить об эмпирической обоснованности *метаиндивидуального* влияния одного человека на другого и возможности воплощения свойств индивидуальности в социальном взаимодействии.

Несмотря на общую разработанность проблемы *метаиндивидуальности*, в последние годы ее исследование носит скорее фрагментарный характер, в частности методологические проблемы *метаиндивидуальности* достаточно подробно рассматривались в работах Л.Я. Дорфмана (Дорфман, 1993). Вместе с тем использование указанной методологии и теоретической основы позволяют рассматривать семью как группу, в которой происходит взаимодействие и взаимовлияние индивидуальностей. Данный вопрос подробно не рассматривался в рамках теории интегральной индивидуальности. Одним из перспективных направлений рассмотрения семьи с позиции *метаиндивидуального* подхода будет изучение *метаэффекта* родителей,

изучение предикторов свойств детей и родительского отношения к ним.

Семья в контексте проблемы метаиндивидуальности

Понятие метаиндивидуальности применимо к рассмотрению семьи, так как соответствует теории интегральной индивидуальности на основании следующих положений:

1. Система социальных отношений, складывающаяся в семье, позволяет каждому члену вступать во взаимодействие с социальной действительностью и тем самым проявлять собственную индивидуальность в данной группе. В качестве примера можно привести ряд исследований относительно детско-родительских отношений и их влияния на поведение детей. В частности, рассматриваются конструкты детско-родительских отношений (детско-родительский конфликт, детско-родительская коммуникация) и практик воспитания, которые могут приводить к отсроченному антисоциальному поведению детей (Dishion, Kavanagh, 2003). Также было установлено, что воспитание детей в семье, где часто возникают конфликты, отсутствие эмоциональной поддержки приводят к проблемам в поведении (Смирнова, Быкова, 2000; Bray et al., 2001; Шведовская, 2006).

2. Особенности социальной группы, в данном случае конфигурация и специфика семьи (например количество членов семьи и специфика отношений между ними), определяют характеристики метаиндивидуальности каждого ее члена. Например, если матери считают, что отцы должны больше времени уделять

ребенку, то это приводит к тому, что отец начинает больше вникать в происходящее с ребенком, больше занимается с ребенком (Ellis, McFadyen-Ketchum et al., 1999; Coley, Hernandez, 2006). Родительское поведение может определяться экономической составляющей семьи, социальной поддержкой, поддержкой супруга (супруги) и уровнем депрессии, причем для отцов и матерей данные параметры имеют разную степень значимости (Simons et al., 1993). Было установлено, что на родительское поведение могут влиять учителя и степень вовлеченности родителей в школьную жизнь детей, что приводит к позитивным изменениям в стиле родительского поведения (Grolnick et al., 1997).

3. Проявления метаиндивидуальности опосредованы двояко — интраиндивидуальными свойствами человека и характеристиками группы. Опираясь на данные С. Мангелсдорф и Л. Кларк (Mangelsdorf et al., 1990; Clark et al., 2000), можно утверждать, что свойства личности определяют такие проявления родительского поведения, как контроль, поддержка и т. п. В то же время и свойства темперамента детей вызывают определенное поведение у матерей (Kochanska et al., 2000, Kochanska, Aksan, Joy, 2007; Karreman et al., 2008).

4. В основе метаиндивидуальности лежат свойства индивидуальности, т. е. взаимодействие в семье определяется теми характеристиками личности (или индивидуальности), которыми обладают родители и дети. Так, согласно К. Хейнике, основными личностными параметрами родителя являются способность к

адаптации, способность к позитивному поддерживающему поведению и саморазвитие (Belsky, Varends, 2002). В целом эмоциональная стабильность, открытость опыту, доброжелательность и контроль импульсивности положительно связаны с позитивной родительской поддержкой и контролем (Clark et al., 2000). Экстраверсия более связана с родительским контролем ребенка, а также и с большей теплотой и поддержкой по отношению к нему (Mangelsdorf et al., 1990; Kochanska et al., 2000; Kochanska, Aksan, Joy, 2007).

5. *Метасвойствами* можно считать свойства, характеризующие специфику родительского взаимодействия с ребенком (например, контроль ребенка, близость к ребенку). Однако так как в рамках интегрального исследования индивидуальности специальных работ об особенностях родительского функционирования не проводилось, то данные утверждения имеют на сегодняшний день скорее статус гипотез. В целом особенности родительского взаимодействия с ребенком удовлетворяют следующим требованиям, предъявляемым к метаиндивидуальным характеристикам:

1) многоуровневость метасвойства проявляется в его детерминации разными свойствами интегральной индивидуальности;

2) интегральность проявляется в том, что сама метахарактеристика может быть представлена свойствами разных уровней индивидуальности, а также спецификой их взаимосвязей. В данном случае целесообразно говорить о том, что свойства, составляющие родительское взаимодействие с ребенком, являются одно-

уровневой характеристикой, в то время как каждое из них может быть детерминировано разными свойствами индивидуальности. И в таком случае родительское функционирование интегрирует свойства индивидуальности, выполняет системообразующую и опосредующую функцию по аналогии со стилем деятельности (в терминах теории ИИ).

6. Свойства, характеризующие родительское взаимодействие с ребенком (метаиндивидуальные), проявляются на разных уровнях (поведенческом, эмоциональном). Они замечаются детьми и приводят к изменению их индивидуальности. Изменения, которые происходят с родителями и ребенком в процессе их взаимодействия, можно обозначить термином *метаэффект*, что согласуется с идеями Дж. Белски (Belsky, Varends, 2002; Шеффер, 2003). Соответственно, исследуя особенности индивидуальности и специфику детско-родительских отношений в разных семьях, мы можем говорить о том, как проявляются эти свойства в детях. Данная идея рассматривалась в работах учеников В.С. Мерлина, однако по отношению к другим выборкам. В основном это исследования метаэффекта учителей на своих учеников.

Итак, с позиции теории интегральной индивидуальности и метаиндивидуальности семью можно рассматривать следующим образом. В семейные отношения в однодетной семье включены три индивидуальности: двое родителей и ребенок и, соответственно, три метаиндивидуальности. Взаимодействие и взаимовлияние родителей и ребенка на сегодняшний день рассматривается с позиции

«транзактной модели» влияния в семье (Collins et al., 2000; Шеффер, 2003). Однако, основываясь на теории ковариаций Р. Пломин (Plomin, 1983; см.: Егорова, 1997), утверждениях о детско-родительских отношениях Д. Баумринд (Baumrind, 1991), положениях теории родительского функционирования (Darling, Steinberg, 1993) и многочисленных эмпирических данных, стоит отдать предпочтение рассмотрению влияния, идущего от родителей к детям, а не наоборот. В таком случае мы можем говорить о проявлении свойств индивидуальности как метасвойств, создающих специфические внутрисемейные условия для ребенка и оказывающие метаэффект на его индивидуальность, изменяя свойства и взаимосвязи между ними. Нельзя отрицать и эффект влияния индивидуальности детей на родительскую метаиндивидуальность и индивидуальность.

В семейное взаимодействие в нуклеарной семье включены двое родителей и детей и возникает вопрос, как рассматривать метаэффект обоих родителей — совместно или раздельно. Основываясь на позиции Дж. Белски (Belsky, Varends, 2002; Шеффер, 2003), целесообразно говорить как о совместном, так и раздельном влиянии каждого родителя. То, какой семейный (метаиндивидуальный) контекст задают родители, насколько согласованы их собственные характеристики по отношению к ребенку, будет определять как их общее взаимодействие с ребенком, так и взаимодействие отдельно матери и отца.

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязей мета-

индивидуальных свойств родителей со свойствами индивидуальности родителей и детей. В результате определения вклада личностных свойств родителей в характеристики взаимодействия с ребенком устанавливается взаимосвязь интра- и метаиндивидуальности, а в ходе определения вкладов темперамента детей в параметры взаимодействия родителей оценивается связь родительских метаиндивидуальных свойств со свойствами индивидуальности детей.

Основной **гипотезой** исследования являлось следующее предположение: свойства индивидуальности родителей являются предикторами (основанием, предпосылкой) для характеристик родительского отношения. В то же время и свойства темперамента детей выступают предикторами родительского отношения. В терминах концепции метаиндивидуальности мы предполагаем, что метаиндивидуальные свойства родителей (характеристики взаимодействия с ребенком) будут «основываться», с одной стороны, на свойствах их индивидуальности, с другой — на свойствах темперамента ребенка. Выдвигая данную гипотезу, мы основываемся на данных Т.А. Думитрашкы и Г. Коханска (Думитрашку и др., 1996; Kochanska, Friesenborg A.E. et al., 2004).

Организация и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось на выборке полных семей с одним ребенком. На первом этапе была проведена диагностика показателей отношения родителей к ребенку и личностных свойств, выборку

составили 260 отцов и матерей. На втором этапе была проведена диагностика свойств темперамента ребенка на выборке из 70 детей. Возраст родителей: отцы $M = 41.04$; $SD = 3.58$, матери одного ребенка $M = 40.12$; $SD = 4.47$; возраст ребенка: $M = 11.67$; $SD = 2.9$. Родителям предлагался опросник И.М. Марковской «Взаимодействие родителя с ребенком» (Марковская, 2006), позволяющий измерить 10 параметров родительского отношения, тест В. Кери (Carey, McDevitt, 1978) по определению темперамента ребенка (заполнялся матерями) и личностный опросник NEO PI-R (Орел, 2004) для родителей. Данные обрабатывались методом t-критерия Стьюдента для зависимых выборок корреляционным и регрессионным анализом.

Обсуждение результатов

Взаимосвязи показателей взаимодействия родителя и ребенка у отцов и матерей

Рассматриваются взаимосвязи параметров взаимодействия родителей и ребенка у матерей и отцов. Одинаковые показатели взаимодействия для обоих родителей обнаружили значимые взаимосвязи между собой (коэффициент корреляции от 0.37 до 0.66, при $p < 0.05$ – 0.001). Это позволяет утверждать, что каждый родитель оценивает собственную тактику взаимодействия с ребенком в значительной степени так же, как и другой. Например, показатель *Нетребовательность* – *Требовательность* матери связан с этим же показателем у отца ($r = 0.44$, $p < 0.01$). Соответственно, если мать считает себя

достаточно требовательной при взаимодействии с ребенком, то и отец придерживается такого же мнения. Исключение составляет показатель *Несогласие* – *Согласие* между родителем и ребенком, не обнаруживший значимой взаимосвязи. Возможно, это связано с тем, что каждый из родителей в разной степени проявляет авторитарные (несогласие) или авторитетные (согласие) тенденции ($r = 0.23$, $p < 0.01$), что можно рассматривать как тенденцию к сходству поведенческих проявлений у матерей и отцов в отношении согласия с действиями ребенка. Наибольшее число связей обнаружили показатели *Удовлетворенности отношениями с ребенком* и *Авторитетности родителя*. Так, высокая требовательность и эмоциональная дистанция матери с ребенком снижают удовлетворенность отношениями с отцом, а направленность на сотрудничество, наоборот, приводит к ее повышению. Проявление строгости и согласованности матери повышают авторитетность отца для ребенка, а принятие ведет к его снижению. Другие показатели обнаружили одну-две взаимосвязи и характеризуют следующее. Мягкость и непоследовательность матери усиливают приятие ребенка отцом, нетребовательность матери приводит к строгости отца, тогда как требовательность отцов связана с удовлетворенностью отношениями с ребенком у матерей. Принятие матерью ребенка усиливает отцовское согласие с поведением и действиями ребенка.

Из 10 параметров родительского взаимодействия только один обнаружил значимое различие между материнскими и отцовскими данными –

Несогласие — Согласие с ребенком ($t = -2.46, p < 0.01$). Это позволяет судить о том, что отцы ($M = 11.15; SD = 2.26$) в большей степени склонны соглашаться с действиями ребенка, чем матери ($M = 10.12; SD = 1.8$), что может, с одной стороны, свидетельствовать о том, что отцы в большей степени одобряют действия ребенка, с другой, что они в меньшей степени реализуют контролирующую функцию, менее внимательно относятся к отдельным поведенческим проявлениям ребенка.

Рассматривая обозначенные факты в контексте проблем метаиндивидуальности, можно говорить о том, что родители в целом создают для ребенка единый контекст взаимодействия, т. е. единое метаиндивидуальное поле. Это подтверждается наличием положительных взаимосвязей между одинаковыми показателями родительского взаимодействия у матерей и отцов. Вместе с тем необходимо отметить многозначность связей между разными показателями. Так, для отцовских показателей

значимыми (связанными с несколькими материнскими) будут показатели *Авторитетности* и *Удовлетворенности отношениями*, а для матерей — *Нетребовательность*, *Мягкость* и *Непоследовательность*. Такие показатели можно рассматривать как важные для взаимовлияния родителей, т. е. они свидетельствуют о метаэфекте родителей по отношению друг к другу.

Вклад личностных свойств родителей в характеристики взаимодействия с ребенком

На основе регрессионного анализа были выделены свойства личности матерей и отцов, являющиеся предикторами (предпосылками) для параметров взаимодействия родителя и ребенка (см. таблицы 1, 2).

Для выборки матерей только для пяти характеристик были выявлены личностные свойства — предикторы, объясняющие от 11 до 26% (таблица 1). Для этих характеристик взаимодействия детей и родителей самым частым

Таблица 1

Характеристики матерей как предикторы параметров взаимодействия с ребенком

Зависимая переменная, показатель взаимодействия родителя с ребенком	Предикторы (свойства родителя)		
	R^2		β
<i>Автономность — контроль</i>	0.20**	Открытость	-0.44***
<i>Отсутствие сотрудничества — сотрудничество</i>	0.15*	Нейротизм	-0.31**
		Открытость	0.33**
<i>Непоследовательность — последовательность</i>	0.11*	Нейротизм	-0.30*
<i>Мягкость — строгость</i>	0.13*	Открытость	-0.35**
<i>Удовлетворенность отношениями</i>	0.26**	Экстраверсия	0.31**

Примечание. Здесь и далее: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

предиктором является открытость, а затем — нейротизм. В целом можно говорить о том, что данные свойства в небольшой мере объясняют проявления автономности, сотрудничества, последовательности и мягкости по отношению к ребенку, однако низкие значения показателей *Открытость* и *Нейротизм* приводят к проявлению более позитивного полюса взаимодействия. Непринятие нового матерью, узость интересов приводит к стремлению контролировать, проявлять строгость и жесткость правил по отношению к ребенку и в то же время открытость новому приводит к включению в равноправное взаимодействие с ребенком, партнерству. *Эмоциональная нестабильность* также является предиктором непоследовательности в требованиях и отношении, в применении наказания и поощрения. *Экстраверсия* объясняет до четверти дисперсии удовлетво-

ренности отношениями с ребенком и свидетельствует о том, что более активные, жизнерадостные и социально ориентированные родители в большей степени довольны своими отношениями с детьми.

Среди параметров взаимодействия с ребенком у отцов также обнаружено только пять параметров взаимодействия с ребенком, для которых выделены предикторы (таблица 2). Коэффициент детерминации немного выше, чем для материнских свойств: от 12 до 30%. Как и для материнских свойств, *Открытость* присутствует в качестве предиктора в трех из пяти характеристик взаимодействия родителя и ребенка. Открытость отцов, так же как и матерей, предсказывает направленность на контроль, сотрудничество и последовательность во взаимодействии с ребенком. Экстравертированные отцы меньше проявляют контроль и

Таблица 2

Характеристики отцов как предикторы параметров взаимодействия с ребенком

Зависимая переменная, показатель взаимодействия родителя с ребенком	Предикторы (свойства родителя)		
	R^2		β
<i>Автономность — Контроль</i>	0.30***	Открытость	-0.54**
		Экстраверсия	-0.18*
<i>Отсутствие сотрудничества — Сотрудничество</i>	0.16**	Открытость	0.31**
		Экстраверсия	0.23*
<i>Непоследовательность — Последовательность</i>	0.24**	Открытость	0.29*
		Нейротизм	0.28*
<i>Нетребовательность — Требовательность</i>	0.12*	Доброжелательность	-0.31*
<i>Отвержение — Принятие</i>	0.12**	Контроль Импульсивность	0.34**

более ориентированы на сотрудничество. Проявление доброжелательности связано с меньшей требовательностью, высокий контроль — с принятием поведенческих проявлений ребенка.

Исходя из наших данных можно говорить о том, что характеристиками взаимодействия родителей и детей, в большей степени связанными с личностными свойствами, являются *Автономность*, *Сотрудничество* и *Последовательность*. Личностными свойствами, предсказывающими проявление отношений к ребенку, являются *Открытость* и *Нейротизм*. Результаты, подобные нашим, уже были получены (Kochanska, Aksan, Penney, Boldt, 2007). Была обнаружена отрицательная взаимосвязь между *Нейротизмом* и *Эмоционально-позитивным родительским поведением*. В нашем случае также можно говорить о том, что эмоциональная нестабильность родителей оказывается значимой характеристикой для негативных проявлений родительского взаимодействия с детьми.

Анализируя наши факты, можно утверждать, что обнаружена многозначная связь между метаиндивидуальными характеристиками и интраиндивидуальностью, в частности невротизм является предиктором нескольких параметров родительского взаимодействия. Подобные факты обнаружены в работах В.В. Люкина (см.: Мерлин, 1986), выполненных в лаборатории В.С. Мерлина, посвященных вопросам многозначной связи стиля руководства и свойств индивидуальности и связи конфликтности как метаиндивидуальной характеристики со свойствами уров-

ней интегральной индивидуальности в работе Т.И. Марголиной (Марголина, 1996).

Свойства темперамента ребенка как предикторы параметров родительского взаимодействия

Традиционным шагом при рассмотрении проблем метаиндивидуальности является изучение индивидуальности, подвергающейся метаэффекту (например учителя — ученики). Особенностью нашего исследования является рассмотрение того, как свойства индивидуальности ребенка могут влиять на отношения к нему родителей. На данный момент эта задача является более актуальной, так как позволяет рассматривать метаиндивидуальные свойства более подробно. В нашем случае мы рассматриваем свойства темперамента ребенка как предикторы параметров родительского взаимодействия, основываясь на результатах регрессионного анализа. Данная логика описана в исследовании (Kochanska, Friesenborg, Lange, Martel, 2004) и позволяет рассматривать детско-родительские отношения как характеристику, подвергающуюся двухсторонним влияниям. С позиции метаиндивидуальности это также является оправданным, так как позволяет обнаружить не только метавлияние родителей на детей, но и обратное.

В целом процент объясняемой дисперсии для параметров родительского отношения сильно варьирует от 11 до 60% (см. таблицу 3). Для пяти характеристик родительского взаимодействия обнаруживается один предиктор — *Отвлекаемость ребенка*.

Высокая отвлекаемость ребенка усиливает родительскую требовательность, контроль, строгость и вместе с тем снижает близость и согласие ребенка и родителя. *Контактность* и *Отвлекаемость* ребенка определяют степень эмоциональной близости — дистанции между родителем и ребенком, приводя к усилению близости. Сходным образом *Темпераментальная активность* и *Неотвлекаемость ребенка* способствуют согласию родителей с действиями детей ($R^2 = 0.60$). *Негативное настроение ребенка* (совместно с *Отвле-*

каемостью) определяет 35 и 32% родительских параметров: *Мягкости* — *Строгости* и *Автономности* — *Контроля* соответственно. Преобладание отрицательных эмоций у ребенка приводит к строгости и проявлению контроля со стороны родителей. Интересный факт получен в отношении характеристики взаимодействия *Сотрудничество*. Единственным предиктором, определяющим родительское отношение на 50%, является *Предсказуемость поведения ребенка*. Единственным предиктором родительской последовательности и

Таблица 3

Свойства темперамента ребенка как предикторы родительского отношения

Зависимая переменная, показатель взаимодействия родителя с ребенком	Предикторы (свойства темперамента ребенка)		
	R^2		β
<i>Нетребовательность</i> — <i>Требовательность</i>	0.11*	Отвлекаемость	0.31**
<i>Мягкость</i> — <i>Строгость</i>	0.35***	Отвлекаемость	0.44**
		Настроение	0.39**
<i>Автономность</i> — <i>Контроль</i>	0.32***	Отвлекаемость	0.65**
		Настроение	0.37**
<i>Эмоциональная дистанция</i> — <i>Близость</i>	0.20**	Отвлекаемость	-0.46*
		Контактность	-0.32*
<i>Отвержение</i> — <i>Принятие</i>	0.42	Настойчивость	-0.35 ($p < 0.08$)
		Контактность	-0.22 ($p < 0.08$)
<i>Отсутствие сотрудничества</i> — <i>Сотрудничество</i>	0.50***	Предсказуемость	-0.65***
<i>Несогласие</i> — <i>Согласие</i>	0.60***	Активность	0.56**
		Отвлекаемость	-0.32**
<i>Непоследовательность</i> — <i>Последовательность</i>	0.49***	Настойчивость	-0.57**
<i>Авторитетность родителя</i>	0.26***	Контактность	0.33**
		Приспособляемость	0.32**
<i>Удовлетворенность отношениями</i>	0.40***	Настойчивость	-0.59***

удовлетворенности отношениями является показатель *Настойчивость* ребенка, т. е. способность ребенка длительно продолжать деятельность, несмотря на препятствия, которая приводит к тому, что родители сохраняют единый уровень требований. Для *Авторитетности* родителей значимыми предикторами явились *Контактность* и *Приспособляемость*, хотя действие предикторов обратное. Исходя из интерпретации свойств *Неконтактность* и *Низкая приспособляемость* усиливают значимость родителя для ребенка, хотя объяснительный процент невысок ($R^2 = 0.26$). Сходные факты о различном родительском поведении в связи с разными проявлениями свойств темперамента можно обнаружить в других работах (Karreman A. et al., 2008; Kochanska et al., 2000).

Фактом, требующим дальнейшего изучения, является отсутствие значимых предикторов для параметра родительского взаимодействия — *Принятия — Отвержения*, что в определенной степени противоречит утверждениям Маккоби и Мартина (Шеффер, 2003) о том, что этот параметр является определяющим для стиля родительского функционирования. Вместе с тем, как тенденцию можно рассматривать настойчивость и контактность, приводящие к большему принятию ребенка.

Выводы

Впервые в данном исследовании проблема метаиндивидуальности получила свое рассмотрение по отношению к детско-родительским отношениям как в теоретическом обсуждении, так и в плане обнаружения

эмпирических свидетельств. Можно утверждать, что характеристики детско-родительского взаимодействия отвечают критериям метасвойств индивидуальности, которые и были подтверждены в работе.

1. Метаиндивидуальные свойства родителей взаимосвязаны и могут как усиливать, так и ослаблять проявления свойств у каждого родителя. Родительское отношение в целом можно рассматривать как метаиндивидуальный контекст, который создается всеми членами семьи. Если же говорить о воздействии родителей на ребенка, то стоит учесть и взаимосвязи параметров родительского отношения. Были обнаружены многозначные связи между параметрами родительского взаимодействия как усиливающие позицию обоих родителей, так и действующие противоположным образом (например, авторитетность, удовлетворенность отношениями, нетребовательность, мягкость и непоследовательность). При этом значимых различий между параметрами родительского взаимодействия у отцов и матерей не обнаружено.

2. В метаиндивидуальных свойствах родителей проявляется их собственная индивидуальность. Интраиндивидуальные свойства являются основой для проявления метаиндивидуальных свойств, что показано вкладами личностных характеристик в параметры взаимодействия родителей и детей. Наибольшую роль играет невротизм и открытость, определяя направленность на сотрудничество с ребенком и последовательность воспитательных действий.

3. Метаиндивидуальные свойства изменяются под влиянием индивидуальности всех членов социальной

группы, в данном случае детские свойства оказываются значимыми для отношения родителей к детям. Свойства детей также играют свою роль, определяя взаимодействие родите-

лей с детьми. Отвлекаемость, настойчивость и доминирующее настроение определяют восемь из десяти параметров родительского взаимодействия.

Литература

- Вяткин Б.А.* Интегральная индивидуальность человека и ее развитие. М.: Изд-во ИП РАН, 1999.
- Дорфман Л.Я.* Метаиндивидуальный мир. М.: Смысл, 1993.
- Думитрашкун Т.А.* Предикторы индивидуальности ребенка в многодетной семье // Мир психологии. 1996. № 4 (9). С. 137–149.
- Егорова М.С.* Психология индивидуальных различий. М.: Планета детей, 1997.
- Марголина Т.И.* Конфликтность как метаиндивидуальная характеристика учителя: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1996.
- Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
- Орел В.Е.* Личностные опросники NEO PI-R, NEO FFI: Руководство по применению. Ярославль, 2008.
- Смирнова Е.О., Быкова М.В.* Опыт исследования структуры и динамики родительских отношений // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 35–48.
- Субботин С.В.* Устойчивость к стрессу как метаиндивидуальная характеристика учителя: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1992.
- Шведовская А.А.* Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Шэффер Д.* Дети и подростки: психология развития. СПб.: Питер, 2003.
- Щукин М.Р.* Метаэффект интегральной индивидуальности // Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / Под ред. Б.А. Вяткина. М.: Изд-во ИП РАН, 1999. С. 86–108.
- Baumrind D.* The influence of parenting style on adolescent competence and substance use // J. of Early Adolescence. 1991. 11. 1. 56–95.
- Belsky J., Barends N.* Personality and parenting // Handbook of parenting. Children and parenting / М.Н. Bornstein (ed.). 2002. Vol. 1. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 415–438.
- Bray J.H., Adams G.J., Getz J.G., Baer P.E.* Developmental, family, and ethnic influences on adolescent alcohol usage: A growth curve approach // J. of Family Psychology. 2001. 15. 2. 301–314.
- Carey, W. B., McDevitt S.C.* Revision of the Infant Temperament Questionnaire // Pediatrics. 1978. 61. 5. 735–739.
- Clark L.A., Kochanska G., Ready R.* Mothers' personality and its interaction with child temperament as predictors of parenting behavior // J. of Personality and Social Psychology. 2000. 79. 274–285.
- Coley R., Hernandez D.* Predictors of Paternal Involvement for Resident and Non-resident Low-Income Fathers // Developmental Psychology. 2006. 42. 6. 1041–1056.
- Collins A.W., Laursen B.* Parent Adolescent Relationships and Influences // Handbook of adolescent psychology / R.M. Lerner, L.D. Steinberg (eds.). John Wiley and Sons, NJ, 2004. 331–363.

- Darling N., Steinberg L. Parenting Style as Context: An Integrative Model // Psychological Bulletin. 1993. 113. 3. 487–496.*
- Dishion T.J., Kavanagh K. Intervening in adolescent problem behavior: a family-centered approach. Guilford Press, N.Y., London, 2003. P. 79–82.*
- Ellis B., McFadyen-Ketchum S., Dodge K., Pettit G., Bates J. Quality of Early Family Relationships and Individual Differences in the Timing of Pubertal Maturation in Girls: A Longitudinal Test of an Evolutionary Model // J. of Personality and Social Psychology. 1999. 77. 2. 387–401.*
- Grolnick W., Benjet C., Kurovski C., Apostoleris N. Predictors of Parent Involvement in Children's Schooling // J. of Educational Psychology. 1997. 89. 3. 538–548.*
- Karreman A., van Tuijl C., van Aken M.A.G., Dekovic M. The relation between parental personality and observed parenting: The moderating role of preschoolers' effortful control // Personality and Individual Differences. 2008. 44. 721–732.*
- Kochanska G., Aksan N., Joy M.E. Children's Fearfulness as a Moderator of Parenting in Early Socialization: Two Longitudinal Studies // Developmental Psychology. 2007. 43. 1. 222–237.*
- Kochanska G., Aksan N., Penney S.J., Boldt L.J. Parental Personality as an Inner Resource That Moderates the Impact of Ecological Adversity on Parenting // J. of Personality and Social Psychology. 2007. 92. 1. 136–150.*
- Kochanska G., Friesenborg A.E., Lange L.A., Martel M.M. Parents' Personality and Infants' Temperament as Contributors to Their Emerging Relationship // J. of Personality and Social Psychology. 2004. 86. 5. 744–759.*
- Kochanska G., Murray K.T., Harlan E.T. Effortful control in early childhood: Continuity and change, antecedents, and implications for social development // Developmental Psychology. 2000. 36. 220–232.*
- Mangelsdorf S., Gunmar M., Kestenbaum R., Lang S., Andreas D. Infant proneness-to-distress temperament, maternal personality, and mother-infant attachment: Associations and goodness of fit // Child Development. 1990. 61. 820–831.*
- Simons R., Lorenz F., Wu C., Conger R. Social Network and Marital Support as Mediators and Moderators of the Impact of Stress and Depression on Parental Behavior // Developmental Psychology. 1993. 29. 2. 368–381.*

Корниенко Дмитрий Сергеевич, заведующий лабораторией Института психологии Пермского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук

Контакты: corney@yandex.ru

МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА БОЛЬНЫХ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЛЕЗНЯХ

Е.В. УЛЫБИНА, И.С. ПЕЛЕВИНА

Резюме

Работа посвящена исследованию влияния вида образования и опыта болезни на моральную оценку больных гипертонией и депрессией. Моральная оценка как отдельное независимое измерение восприятия психических больных выделена Н. Хаслемом наряду с патологическим, медицинским и психологическим измерениями. Полученные результаты позволяют говорить о том, что вид образования (медицинское, психологическое и т. д.) влияет на выраженность моральной оценки больного и на связь моральной оценки с другими параметрами представления о болезни. На рассмотренном материале получены данные, свидетельствующие о том, что независимость моральной оценки свойственна только людям, имеющим медицинское или психологическое образование.

Собственный опыт болезни не оказывает влияние на уровень моральной оценки больного.

Ключевые слова: моральная оценка, непрофессиональные теории психических болезней, непрофессиональные теории соматических болезней, Н. Хаслем

Отношение к больным включает комплекс разнонаправленных реакций — от стремления помочь и защитить до отвержения и осуждения. К последним можно отнести стигматизацию больных и моральное осуждение. В социальной психологии и социологии активно изучается фено-

мен стигматизации больных — наделения больных статусом «иных», помещение их за пределы нормального человеческого общества. Менее изучен феномен морального осуждения больных, при котором болезнь считается следствием отрицательных черт характера. Н. Хаслем выделил

измерение «морализации» как одно из четырех измерений, в которых непрофессионалы описывают психические болезни (Haslam, 2003, 2007). Кроме морализации он отметил измерение патологизации, медикализации и психологизации. Измерение патологизации — обобщающее по отношению к психическим расстройствам, оно содержит суждения о степени, в которой специфическая форма поведения или опыта является отклоняющейся, ненормативной или неправильной. Измерение морали представляет степень, в которой отклонение поведения оценивается как безнравственность, как проявление моральной распушенности или недостатков самовоспитания. В этом случае болезнь как бы игнорируется. Морализируя, непрофессионалы используют в качестве инструментов тот же самый набор причин, верований и желаний, который используется для объяснения повседневных обычных действий. Это позволяет устранить противопоставление «мы — они», «мы — другие» (Н. Хаслем). Использование измерения морали поддерживает «веру в справедливый мир» (Lerner, 1980), согласно которой с хорошим человеком, живущим по правилам, не может произойти ничего плохого. Если человек по этой логике заболел, то он сам виноват, потому что неправильно относился к жизни, нарушал режим питания и пр. Моральная оценка, согласно теории веры в справедливый мир, служит средством снятия тревоги перед неизвестным, позволяя считать нежелательные явления результатом действий самого пострадавшего (заболевшего). Если человек располагает другими способами объяснения

причин болезни, то ему нет необходимости прибегать к моральному осуждению для сохранения непротиворечивой картины мира.

«Медицинское» измерение представляет описание ненормальности как результат соматических нарушений, понимая психические расстройства как обычные болезни. Медицинское измерение противоположно моральному, оно создает эффект стигмы и не позволяет использовать для объяснения поведения больного те же основания, что и для объяснения поведения здорового. Объяснения в пространстве «психологического» измерения содержит объяснение болезни в терминах психологических причин, включая психические травмы, негативный детский опыт, внутриличностный конфликт или эмоциональный стресс. Использование психологического измерения по отношению к психическим болезням повышает симпатию к больному и одновременно смягчает моральное осуждение, так как действие психологических факторов считается неподконтрольным субъекту. Выделенные Н. Хаслемом измерения представлений о психических болезнях могут, как предполагается, быть применены и для описания представлений о соматических болезнях.

Многие соматические и психологические болезни, в том числе гипертония и депрессия, развиваются под воздействием как психологических, так и биологических причин. Кроме того, и гипертония, и депрессия требуют соблюдения определенного образа жизни, нарушение которого ведет к обострению симптоматики. В той мере, в которой болезнь признается зависящей от

этих «бытовых способов» помощи себе, больной может считаться ответственным за развитие болезни и вызывать осуждение. Представления о большей или меньшей действенности каждого из этих факторов могут различаться у людей, обладающих различными видами образования, и у людей с одинаковым образованием. Это позволяет сформулировать следующие предположения: 1) выраженность морального измерения и его связь с другими измерениями будет различной у людей с психологическим и медицинским образованием и людей без психологического и медицинского образования; 2) возможность объяснить болезнь биологическими (у людей с медицинским образованием) или психологическими причинами (у психологов) будет уменьшать моральное осуждение больных.

Моральное осуждение больного при сохранении веры в справедливый мир приходит в противоречие с собственным опытом болезни, заставляя либо считать себя виновным в заболевании, либо признавать мир несправедливым. Это позволяет предположить, 3) что люди с опытом болезни будут в большей степени осуждать больного и считать болезнь подающейся бытовым способом лечения, чем не имеющие такого опыта.

Испытуемые — 250 человек (суждения о гипертонии оценивали 247 человек), 211 женщин, 39 мужчин. 67 человек — студенты-психологи (средний возраст — 20.6), 50 человек — люди с высшим медицинским образованием (средний возраст — 43.2), 55 человек — люди со средним специальным медицинским образованием (средний возраст — 45.1), 38 чело-

век — люди с высшим немедицинским образованием (средний возраст — 48), 37 человек — люди со средним и средним специальным немедицинским образованием (средний возраст — 38.8). Психиатры участия в опросе не принимали. Испытуемые составили три группы: 1) люди с медицинским образованием, включая высшее и среднее; 2) психологи и 3) люди без медицинского и психологического образования. Хотя у психологов есть некоторые представления о депрессии, однако студенты-психологи не могут считаться профессионалами в области психических расстройств. У людей с медицинским образованием есть знания о гипертонии и депрессии, однако знания о депрессии при отсутствии специализации не являются в строгом смысле профессиональными.

Выборка неуравновешенна по полу, возрасту и образованию: психологи имеют только незаконченное высшее образование, среди представителей других профессий незаконченное высшее образование имеют только 6 человек. Однако предварительный характер исследования позволяет использовать данный материал. Исследование проводилось в Москве и Владимире в 2009 году.

Инструментарий

Испытуемым предлагался список суждений (84 суждения о депрессии и 79 о гипертонии), которые они должны были оценить по 7-балльной шкале по степени согласия. Список включал суждения о симптомах, причинах, методах лечения. Суждения составлялись на основе пилотажного опроса врачей, медсестер и

сотрудников больницы без медицинского образования и специальной литературы. В анкете использовался бытовой язык, формулировки были близки полученным в пилотажном опросе.

Моральная оценка больного гипертонией определялась по совокупности суждений, включающих интерпретацию болезни как вины самого больного, получающего «вторичную выгоду» от болезни в виде жалости и внимания окружающих и прямую негативную оценку. Альфа Кронбаха для пяти суждений, приведенных ниже, — 0.57.

7. Повышение кровяного давления — результат неумения справляться со стрессами.

37. Повышенное кровяное давление — результат неверного отношения к внешнему миру.

67. Если человек не подготовлен к жизни, он будет неправильно относиться к происходящему, и давление повысится.

73. Давление скорее повысится у злого, агрессивного человека.

77. Человек может быть сам виноват в заболевании, не лечится, потому что ему так удобно — близкие уделяют ему внимание, жалеют его.

Уровень моральной оценки больного депрессией определялся по согласию с суждениями о том, что депрессивный больной сам виноват в своем расстройстве, которое ему выгодно, так как вызывает жалость и внимание окружающих, и он сам отгораживается от них. Прямая негативная оценка больного депрессией не включалась в анкету, так как подобные утверждения не были обнаружены в материалах пилотажной части исследования. Альфа Кронбаха = 0.49.

29. Человек, страдающий депрессией, сам отгораживается от общества.

37. Депрессией можно заболеть в результате неправильного отношения к внешнему миру.

39. Люди с депрессией сами жалеют себя.

57. Человек в депрессии в чем-то сам виноват, не умеет управлять собой.

67. Депрессивному пациенту просто так удобно жить, окружающие уделяют ему внимание, жалеют его.

В качестве предикторов использовались: уровень согласия испытуемых с 1) действием психологических причин развития болезни, для гипертонии (7 пунктов), $\alpha = 0.57$, для депрессии (7 пунктов), $\alpha = 0.54$; 2) действием биологических причин развития болезни: для гипертонии (7 пунктов), $\alpha = 0.56$, для депрессии (7 пунктов), $\alpha = 0.50$; 3) возможностью коррекции состояния больного с помощью бытовых средств и усилий самого пациента («чтобы не страдать от депрессии, нужно самому помогать другим», «домашние животные помогают нормализовать давление» и пр.) для гипертонии (7 пунктов), $\alpha = 0.52$, для депрессии (8 пунктов), $\alpha = 0.51$ и 4) оценка неизлечимости болезни.

Выделение испытуемых, обладающих опытом болезни, производилось на основе согласия с суждениями: «Я сам пережил однажды депрессивный эпизод» (146 — «да», 104 — «нет») и «Бывает, что давление повышается и у меня» (170 человек — «да», 77 — «нет»).

Результаты

Средние значения моральной оценки больного гипертонией приведены

в таблице 1, депрессивного больного — в таблице 2.

Для проверки гипотезы о зависимости моральной оценки от вида образования был проведен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, который показал, что моральная оценка больного гипертонией значимо связана с видом образования ($F(2, 244) = 5.96, p = 0.002$). Наибольшее осуждение больные с повышенным давлением вызывают у людей с медицинским образованием, наименьшее — у студентов-психологов. Существует значимая, но несколько меньшая зависимость ($F(2, 247) = 3.538, p = 0.031$) в уровне моральной оценки больных депрессией от вида образования испытуемых. У людей без медицинского образования моральное осуждение больных наибольшее, у людей с медицинским образованием — несколько меньше, у психологов — существенно меньшее. Наименьшее осуждение больные люди вызывают у психологов. Люди с медицинским образованием проявляют большее осуждение больных гипертонией, возлагая на них

вину за повышение давления. Люди без медицинского образования проявляют наибольшую нетерпимость к больным депрессией. Данные о значимых различиях в уровне моральной оценки больных людей определили необходимость проведения дальнейшего анализа внутри групп людей с медицинским образованием, психологическим образованием и людей без медицинского и психологического образования.

Корреляционный анализ показал, что рассматриваемые предикторы (биологические и психологические причины болезни и бытовые способы помощи) не являются независимыми, они связаны друг с другом, что соответствует и медицинским (профессиональным) моделям рассматриваемых болезней (см. таблицы 3 и 4).

Для выделения тех предикторов, которые вносят наибольший вклад в предсказание негативной моральной оценки больных, была использована множественная регрессия с пошаговым исключением предикторов.

Результаты показали, что в группе людей с медицинским образованием

Таблица 1

Средние значения моральной оценки больного гипертонией

	Есть опыт болезни	Нет опыта болезни
Люди с медицинским образованием	4.481	4.295
Люди без медицинского образования	4.357	4.075
Студенты-психологи	4.083	4.240

Таблица 2

Средние значения моральной оценки депрессивного больного

	Есть опыт болезни	Нет опыта болезни
Люди с медицинским образованием	4.453	4.241
Люди без медицинского образования	4.549	4.428
Студенты-психологи	4.192	4.114

уровень морального осуждения больных гипертонией предсказывается только уровнем согласия испытуемых с действенностью бытовых способов регуляции давления ($\beta = 0.610$; $t = 7.813$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.37$. Чем больше люди уверены в том, что образ жизни и режим питания может снижать давление, тем выше осуждение больных гипертонией. Другие предикторы не вносят значимого вклада в осуждение больного.

Моральная оценка больных гипертонией людьми с немедицинским образованием может быть значимо предсказана на основании уровня согласия с действенностью психологических причин повышения давления ($\beta = 0.570$; $t = 6.012$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.32$. Люди с повышенным давлением вызывают осуждение, если считается, что их болезнь — это ре-

зультат тревожных мыслей, страхов, детской травмы и пр., с чем, возможно, больные не умеют справляться.

В группе студентов-психологов моральная оценка больных гипертонией значимо предсказывается двумя предикторами: согласием с действенностью психологических причин болезни ($\beta = 0.558$; $t = 6.390$; $p = 0.000$) и действенностью бытовых способов коррекции давления ($\beta = 0.356$; $t = 4.068$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.53$. Больные гипертонией подвергаются осуждению, если болезнь рассматривается и как результат психологических причин, и как следствие неправильного образа жизни.

Согласие с биологическими причинами развития болезни и оценка неизлечимости во всех случаях не вошли в число значимых предикторов.

Таблица 3

Корреляции между биологическими и психологическими причинами гипертонии и бытовыми способами коррекции давления

	Психологические причины	Бытовые способы помощи
Биологические причины	0.57	0.63
Психологические причины		0.56

Примечание. Все корреляции значимы на уровне $p < 0.01$.

Таблица 4

Корреляции между биологическими и психологическими причинами депрессии и бытовыми способами помощи себе

	Психологические причины	Бытовые способы помощи
Биологические причины	0.37	0.35
Психологические причины		0.58

Примечание. Все корреляции значимы на уровне $p < 0.01$.

Моральное осуждение больных депрессией в группе людей с медицинским образованием может быть предсказано взаимодействием согласия с психологическими причинами болезни ($\beta = 0.352$; $t = 4.830$; $p = 0.000$) и оценкой ее неизлечимости ($\beta = 0.328$; $t = 3.822$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.24$. Больные депрессией вызывают осуждение, если считается, что болезнь зависит от психологических факторов и является хронической, что требует повышенного внимания к своему здоровью.

Осуждение больных депрессией людьми без медицинского образования может быть предсказано на основании уровня согласия только с психологическими причинами развития болезни ($\beta = 0.485$; $t = 4.106$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.22$. Больные осуждаются, если не считаются слишком чувствительными, эмоциональными и не имеющими цели в жизни.

Негативная моральная оценка людей, страдающих депрессией, студентами-психологами может быть значимо предсказана на основании согласия действенностью бытовых способов помощи себе при болезни ($\beta = 0.636$; $t = 6.651$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.40$. Больные вызывают моральное осуждение, если признается возможность влиять на развитие болезни бытовыми средствами, не прибегая к помощи специалиста. Признание ответственности психологических причин незначимо.

Для проверки гипотезы о влиянии опыта болезни на моральное осуждение больного был использован дисперсионный анализ, который показал отсутствие значимых различий в моральной оценке больного гипертонией людьми, имевшими

опыт повышенного давления и не имевшими такого опыта, и отсутствие различий в оценке больного депрессией в зависимости от собственного опыта депрессии. Гипотеза не подтвердилась.

Линейная регрессия с пошаговым исключением подтвердила предположение, что у людей с опытом и без опыта болезни моральное осуждение связано с различными предикторами. В подвыборке людей с опытом гипертонии, включающей испытуемых всех специальностей, моральное осуждение может быть предсказано на основе согласия с психологическими причинами болезни ($\beta = 0.451$; $t = 6.553$; $p = 0.000$) и бытовыми способами коррекции ($\beta = 0.323$; $t = 4.684$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.47$. В подвыборке людей без опыта повышенного давления моральная оценка может быть предсказана на основе согласия с психологическими причинами болезни ($\beta = 0.465$; $t = 4.553$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.20$.

Моральное осуждение больных депрессией людьми, имеющими опыт болезни, может быть предсказано на основании согласия с психологическими причинами ($\beta = 0.368$; $t = 4.310$; $p = 0.000$) и бытовыми способами помощи себе ($\beta = 0.302$; $t = 3.535$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.36$. Осуждение больных депрессией людьми без опыта болезни предсказывается только уровнем согласия с психологическими причинами ($\beta = 0.528$; $t = 6.280$; $p = 0.000$), $R^2 = 0.27$.

Обсуждение результатов

Подтвердилась гипотеза о зависимости уровня осуждения больных от характера образования испытуемых. Больные гипертонией вызывают

наибольшее осуждение у людей с медицинским образованием, для которых повышение давления связывается с безответственностью самого больного. Больные депрессией вызывают наибольшее осуждение у людей без медицинского и психологического образования, у которых отсутствует биологическая или психологическая модель болезни, позволяющая объяснить появление и развитие симптомов депрессии. В этом случае изменение настроения, апатия и пр. считаются лишь следствием моральной распушенности и стремлением получить выгоду от своего состояния. Полученные результаты можно объяснить отсутствием сформированной профессиональной модели болезни у людей без специального медицинского и психологического образования. Это подтверждает более общее положение: если у человека нет объяснительной модели, то используется защита в виде осуждения больного. Медики и психологи располагают специализированными моделями объяснения болезни, они не склонны без учета этой модели кого-либо осуждать.

Имеющиеся данные не позволяют подтвердить предположение Н. Хаслема о независимости морального и психологического измерений в оценке болезней. Признание психологических причин болезни не уменьшает морального осуждения, но увеличивает его. Однако существуют различия в связи морального измерения с психологическим в зависимости от образования испытуемых и вида болезни. Осуждение больных гипертонией людьми с медицинским и психологическим образованием опосредовано признанием о действительности

сти бытовых способов помощи себе, а люди без медицинского образования (немедики) осуждают больных в случае признания психологических причин болезни. Моральное измерение по отношению к соматической болезни представлено как независимое только у людей со специальным медицинским образованием. В остальных случаях психологическое и моральное измерение выступают как связанные друг с другом. Признание биологических причин и неизлечимости болезни во всех случаях не позволяет предсказать моральную оценку, что показывает независимость морального и медицинского измерения болезни в непрофессиональных теориях гипертонии.

По отношению к больным депрессией моральное измерение как независимое выявлено только в подвыборке студентов-психологов, которые осуждают больных, если признают действенность бытовых способов борьбы с депрессией. У людей без психологического образования (с медицинским и немедицинским образованием) моральная оценка опосредована оценкой признания психологических причин болезни, что не позволяет говорить о том, что для них моральное и психологическое измерение независимы. У людей с медицинским образованием к числу значимых предикторов морального осуждения добавляется оценка неизлечимости болезни. Возможно, в этом случае депрессия помещается в разряд хронических заболеваний, к проявлению которых больной должен приспосабливаться и предпринимать специальные меры для предотвращения симптомов. Однако эта интерпретация носит

предварительный характер и нуждается в дополнительной проверке.

Полученные результаты позволили выделить моральное измерение как независимое от психологического и медицинского только при наличии медицинского образования в отношении соматической болезни и психологического образования в отношении психического расстройства. В обоих случаях речь не идет о собственно профессиональных моделях болезней, однако имеющаяся специализация оказывается достаточной для различения морального и психологического измерения в моделях болезней.

Опыт гипертонии и депрессии вносит в число предикторов, предсказывающих моральное осуждение больного, признание действительности бытовых способов воздействия на болезнь. Для больного человека важно иметь представление о возможности самому влиять на свое состояние, в этом случае моральное осуждение связано с предположением о пренебрежении этими правилами. Во всех случаях моральное осуждение сочетается с признанием психологических причин развития болезни, которые рассматриваются как потенциально поддающиеся контролю и не снимающими вины с больного.

Литература

Haslam N. Folk psychiatry: lay thinking about mental disorder // *Social research* 2003. 70. 2. 621–644.

Haslam N. Lay conceptions of mental disorder: Introduction to the special issue // *Australian Psychologist*. 42. 79–80.

Lerner M.J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. N.Y: Plenum Press, 1980.

Улыбина Елена Викторовна, профессор Российского государственного гуманитарного университета им. Л.С. Выготского, доктор психологических наук

Контакты: ulib@mail.ru

Пелевина Ирина Станиславовна, ведущий инженер-программист отдела автоматизированных систем управления областной клинической больницы г. Владимира

Контакты: ipelevina@rambler.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Rozin. The Problem of Epistemological Status of Psychological Theoretical Schemes (Psychological Law, Theory, Ideal Object, Scheme)

The discussion of nature of the psychological law and interrelation between psychological science and practice allows raising the question about the role of schemes and ideal objects in psychology. The notion of «scheme» and «ideal object» are characterized. Two cases are analyzed. The conclusion is made that schemes and ideal objects are created in both psychological science and psychological practice in accordance with each other, but logic and direction of thought is different for the science and practice. Three criteria (external, internal and evolutionary) of validity of psychological theories and difference between academic and practically-oriented psychological theories are examined.

Keywords: ideal object, scheme, knowledge, notion, model, practice, approach, theory, experiment, experience

Theoretical and Empirical Research

V.F. Petrenko, E.A. Korotchenko, A.P. Suprun. Still Life As a Visual Aphorism

The article describes an experimental research that investigates categorical structure of art perception. The system of visual oppositions of still life elements is analyzed. The still life itself is viewed as a special visual utterance about world, i. e. as a visual aphorism.

The method applied is a construction of semantic spaces and their transformation by implying additional elements which subsequently bring new semantic relations into the picture. The problem of alternatives of interpretation of complex visual objects is discussed. The typology of still life interpretation as a realization of visual hermeneutics is revealed empirically.

Keywords: psychosemantics, psychology of art, language of perception, still life as a visual aphorism, semantic spaces, typology of perception, interpretation of complex visual objects, visual hermeneutics

Special Theme of the Issue. New DrScs

O.V. Lukyanov. Time Factor in the System of Psychological Interpretations

The article examines the question of systematic character of time criteria (temporariness, temporality) in the practices of psychological interpretations. The approach for interpretation of self-identity dynamics is proposed. Self-identity is interpreted as a process of «symphonisation» of times (trans-temporality). Self-identity is analyzed as a problem of ensuring of stability of individual existence in the dynamics of self-development. The article presents in brief the results of studies conducted by the author in 1993–2009 which have been published in a number of publications including 3 monographs and 25 articles.

Keywords: self-identity, self-developing systems, temporality, trans-temporality, psychological interpretation

V.V. Nurkova. Autobiographic Memory in a View of Cultural-Historical and Activity Theory Methodology

The article presents foundations and a number of results of realization of complex program of research on autobiographic memory on the basis of non-classical methodology of cultural-historic psychology broadened by activity theory approach. Application of systematic-functional-genetic analysis allowed investigating autobiographic memory in a number of aspects. Autobiographic memory is viewed as a higher psychic function organized by semantic principle which operates personal experience. It provides formation of subjective history of the personal past and feeling oneself as a unique subject in a course of life extensive in time. Autobiographic memory has a multi-level structure of interconnected units. The principles of organization of the units are determined by usage of different systems of socio-cultural means. As a variant of strategy of experimental genetic method the technique «Line of Life» is proposed.

Keywords: autobiographic memory, cultural-historical psychology, activity theory

A.V. Rossokhin. Psychology of Reflection of Altered States of Consciousness (on the Psychoanalytic Data)

The article describes the studies of psychoanalytic process which allowed the author to elaborate a new scientific direction – psychology of reflection of altered states of consciousness. The obtained results allow concluding that it is the reflection of ASC as an active subjective process of generation of meanings that initiates and realizes in-

tegrative processes in personality. This conclusion is proved by vast theoretical and empirical studies of different aspects of ASC reflection emerging within the psychoanalytic process: its peculiarities, structure and levels, dynamics of reflection passing, conditions of its activation and formation, interconnection of ASC reflection and external and internal dialogue, external communicative and inner psychic orientation of reflective processes in ASC, effectiveness of different reflective strategies in ASC.

Keywords: personality, reflection, inner dialogue, psychoanalysis, altered states of consciousness, psychoanalytic process, unconsciousness, dreams

Work in Progress

E.A. Valueva, D.V. Ushakov. Empirical Verification of the Model of Relation of Cognitive and Emotional Abilities

The article describes the study aimed at empirical verification of the two-factor model of relation of cognitive and emotional abilities. The model includes two parameters: type of information encoding (cognitive vs. emotional) and type of cognitive processes (convergent vs. divergent). One hundred and sixty two participants took part in the study and performed 9 tests. Each of the tests was aimed at evaluation of one of four abilities (cognitive intelligence, cognitive creativity, emotional intelligence, and emotional creativity). The 4-factor linear structural model was constructed with the latent factors corresponding to abilities mentioned above and the manifest variables corresponding to the respective test scores. The model showed a good

fit to empirical data. According to the theoretical model predictions, covariations between cognitive intelligence and cognitive creativity, cognitive creativity and emotional creativity, cognitive intelligence and emotional intelligence turned out to be positive and significant. An unexpected result was obtained that was in the fact of negative relation between emotional intelligence and emotional creativity. These results are discussed in terms of information processing means.

Keywords: intelligence, creativity, emotional intelligence, emotional creativity, linear structural modeling

O.A. Idobaeva. Characteristics of Self-actualization in the State of Emotional Stress and Chronic Fatigue in Adulthood

The article examines the characteristics of self-actualization of working adults in the state of emotional stress and chronic fatigue. The acuteness of investigation of this problem is determined by its importance of self-actualization process in professional and personal development. The results of the longitudinal study are presented that demonstrate a connection between emotional stress (high level of anxiety) and chronic fatigue, on the one hand, and self-actualization of working adults, on the other hand.

Keywords: self-actualization, situational anxiety, anxiety as a personality trait, chronic fatigue

D.S. Kornienko. The Problem of Meta-Individuality in Child-Parents Relationships

The question of interaction between individuality and the world was raised by V.S. Merlin as a problem of meta-in-

dividuality. The conception of meta-individuality was developed in studies devoted to the problem of influence of meta-individuality of a teacher upon his students. Nevertheless, the problem of meta-individuality and meta-effect was not viewed with respect to a family. On the basis of empirical data correlations between parameters of interaction of parent with a child, contribution of personality traits of parents and temperamental features of children into the characteristics of interaction with a child are viewed. Indices of parental attitude are viewed as manifestations of meta-effect. The results are discussed in the context of problem of meta-individuality.

Keywords: individuality, meta-individuality, interaction of parents and children, personality, temperament

E.V. Ulybina, I.S. Pelevina. Moral Assessment of Ill People: Professional and Non-professional Conception of Diseases

The study was devoted to the influence of education type and experience of disease on the moral assessment of people suffering from hypertension and depression. The moral assessment as a separate independent dimension of perception of psychic patients was revealed by N. Haslam along with pathologic, medical and psychological dimensions. The obtained results allow concluding that education type (medical, psychological, etc.) influences the extent of moral assessment of a patient and the interconnection between the moral assessment and the other parameters of conception of a disease. On the basis of the examined material the data was obtained that testifies that independence of the moral assessment is peculiar only

to the people with medical or psychological education. Personal disease experience has no influence on the level of the moral assessment of an ill person.

Keywords: moral assessment, non-professional theories of psychological diseases, non-professional theories of somatic diseases, N.Haslam

**ХII Апрельская международная научная конференция
«Модернизация экономики и общества»**

5–7 апреля 2011 года в Москве состоится XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Оргкомитета конференции является научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции 5 и 6 апреля планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: **«Мировой экономический кризис и перспективы модернизации в России»** и **«Качество и образ жизни: изменение во времени и в пространстве»**. Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания 5 и 6 апреля, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

5-6 апреля после пленарных заседаний и 7 апреля в течение всего дня будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. Секционные заседания и заседания круглых столов в рамках конференции будут посвящены следующим темам:

Макроэкономика и экономический рост	Региональное развитие
Качество государственного управления	Экономика города
Фирмы и рынки	Теоретическая экономика
Наука и инновации	Экономическая история
Банки и финансы	Социально-культурные процессы
Экономика и право	Социальная политика
Мировая экономика и политика	Социология
Гражданское общество и демократия	Развитие образования
Политические процессы	Социально-экономические проблемы здравоохранения
Демография и рынки труда	

Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным выше темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии – 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами.

С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет – Высшую школу экономики **с 10 сентября 2010 года до 16 ноября 2010 года**. Регистрация заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

В заявке должны быть указаны фамилия, имя, отчество докладчика, место работы и должность, контактный адрес, телефон, факс и электронная почта, название предлагаемого доклада. К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1,5 интервала (до 7 000 знаков). В аннотации должны быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также должны быть изложены основные полученные результаты. Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объемом менее 1 стр., не рассматриваются. Авторы доклада могут сообщить о своем желании участвовать в симпозиумах по специальным темам конференции.

Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, **до 16 ноября 2010 года** может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено на адрес interconf@hse.ru и должно содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Продолжительность сессии 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято **до 20 января 2011 года** на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны **до 15 февраля 2011 года** представить полный текст доклада (объемом до 20 тыс. знаков, включая пробелы, в формате Word, RTF или PDF) для размещения на сайте конференции. Окончательные версии докладов должны быть представлены **до 16 мая 2011 года**. Решение об их публикации в сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line **с 17 ноября 2010 г. до 10 марта 2011 года** по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

С программами и материалами I–XI международных научных конференций (2000–2010 г.г.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2010/history>.

Оргкомитет конференции

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/default.aspx